

Лев Николаевич

Толстой

Власть тьмы

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей–усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 26–го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 26-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYU, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYU FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

1887 г.

Портрет работы И. Е. Репина.

ВЛАСТЬ ТЬМЫ

ИЛИ „КОГОТОК УВЯЗ, ВСЕЙ ПТИЧКЕ ПРОПАСТЬ“

ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

Если же правый глаз соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше, чтобы погиб один из членов твоих, а не всё тело твоё было ввержено в геену.

Мф. V, 28, 29.

ЛИЦА ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ.

Петр – мужик богатый, 42–х лет, женат 2–м браком, болезненный.

Анисья – его жена, 32–х лет, щеголиха.

Акулина – дочь Петра от первого брака, 16–ти лет, крепка на ухо, дурковатая.

Анютка – вторая дочь, 10–ти лет.

Никита – их работник, 25–ти лет, щеголь.

Аким – отец Никиты, 50–ти лет, мужик невзрачный, богобоязненный.

Матрена – его жена, 50–ти лет.

Марина – девка–сирота, 22–х лет.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Действие происходит осенью в большом селе. Сцена представляет просторную избу Петра. Петр сидит на лавке, чинит хомут. Анисья и Акулина прядут.

ЯВЛЕНИЕ I.

Петр, Анисья и Акулина. (Последние поют в два голоса.)

Петр (выглядывает из окна).

Опять лошади ушли. Того и гляди, жеребенка убьют. Микита, а Микита! Оглох! (Прислушивается. На баб:) Будет вам, не слышать ничего.

Голос Никиты с надворья.

Чего?

Петр.

Лошадей загони.

Голос Никиты.

Загоню, дай срок.

Петр (качая головой).

Уж эти работники! Был бы здоров, ни в жисть бы не стал держать. Один грех сними... (Встает и опять садится.) Микит!.. Не докличешься. Подите, что ль, кто из вас. Акуль, поди загони.

Акулина.

Лошадей–то?

Петр.

А то чего ж?

Акулина.

Сейчас. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ II.

Петр и Анисья.

Петр.

Да и лодырь малый, нехозяйственный. Коли повернется, коли что.

Анисья.

Сам–то ты больно шустер, с печи да на лавку. Только с людей взыскивать.

Петр.

С вас не взыскивать, так в год дома не найдешь. Эх, народ!

Анисья.

Десять делов в руки сунешь, да и ругаешься. На печи лежа приказывать лёгко.

Петр (вздыхая).

Эх, кабы не хворь эта привязалась, и дня бы не стал держать.

За сценой голос Акулины.

Псе, псе псе...

(Слышно, жеребенок ржет, и лошади вбегают в ворота. Ворота скрипят.)

Петр.

Бахарить – вот это его дело. Право, не стал бы держать.

Анисья (передразнивая).

Не стану держать. Ты бы сам поворочал, тогда бы говорил.

ЯВЛЕНИЕ III.

Те же и Акулина.

Акулина (входит).

Насилу загнала. Всё чалый...

Петр.

Микита-то где ж?

Акулина.

Микита-то? На улице стоит.

Петр.

Чего ж он стоит?

Акулина.

Чего стоит-то? Стоит за углом, калякает.

Петр.

Не добьешься от нее толков. Да с кем калякает-то?

Акулина (не расслышав).

Чего?

(Петр махает на Акулину рукой; она садится за пряжу.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Те же и Анютка.

Анютка (вбегает. К матери).

К Микитке отец с матерью пришли. Домой берут жить, одна дыхнуть.

Анисья.

Врешь?

Анютка.

Пра! сейчас умереть! (Смеется.) Я мимо иду, Микита и говорит: прощай, говорит, теперь, Анна Петровна. Приходи уже ко мне на свадьбу гулять. Я, говорит, ухожу от вас. Смеется сам.

Анисья (к мужу).

Не больно тобою нуждаются. Вон он и сам сходить собрался... «Сгоню!», говорит...

Петр.

И пушай идет; разве других не найду?

Анисья.

А деньги–то зададены?..

(Анютка подходит к двери, слушает, что говорят, и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Анисья, Петр и Акулина.

Петр (хмурится).

Деньги, коли что, летом отслужит.

Анисья.

Да ты рад отпустить, – тебе с хлеба долой. Да зиму–то я одна и ворочай, как мерин какой. Девка–то не больно охоча работать, а ты на печи лежать будешь. Знаю я тебя.

Петр.

Да что, ничего не слыхамши, попусту язык трепать.

Анисья.

Полон двор скотины. Не продал корову–то и овец всех на зиму пустил, корму и воды не наготовишься, – а работника отпустить хочешь. Да не стану я мужицкую работу работать! Лягу, вот как ты же, на печь – пропадай всё; как хочешь, так и делай.

Петр (к Акулине).

Иди за кормом–то, что ли, – пора.

Акулина.

За кормом? Ну, что ж. (Надевает кафтан и берет веревку.)

Анисья.

Не буду я тебе работать. Буде уж, не стану. Работай сам.

Петр.

Да буде. Чего взбеленилась? Ровно овца круговая.

Анисья.

Сам ты кобель бешеный! Ни работы от тебя, ни радости. Только поедом ешь. Кобель потрясучий, право.

Петр (плюет и одевается).

ТЬфу ты! Прости, Господи! Пойти узнать толком. (Выходит.)

Анисья (вдогонку).

Гнилой чорт, носастый!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Анисья и Акулина.

Акулина.

Ты за что батю ругаешь?

Анисья.

Ну тебя, дура. Молчи.

Акулина (подходит к двери).

Знаю, чего ругаешь. Сама дура, пес ты. Не боюсь я тебя.

Анисья.

Ты чего? (Вскакивает и ищет, чем бы ударить.) Мотри, я тебя рогачем.

Акулина (отворив дверь).

Пес, ты, дьявол, вот ты кто! Дьявол, пес, пес, дьявол! (Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Анисья (одна).

Анисья (задумывается).

На свадьбу, говорит, приходи. Это что ж они вздумали? женить? Мотри, Микитка: коли это твои умыслы, я то сделаю... Нельзя мне без него жить. Не пушу я его.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Анисья и Никита.

Никита (входит оглядываясь. Видя, что Анисья одна, быстро подходит к ней. Шопотом).

Что, братец ты мой, беда. Приехал родитель, снимать хочет, — домой итти велит. Окончательно, говорит, женим тебя, и живи дома.

Анисья.

Что же, женись. Мне-то что?

Никита.

Вот так – так. Я рассчитываю, как получше дело обсудить, а она вон как: жениться велит. Что ж так? (Подмигивает.) Аль забыла?..

Анисья.

И женись, очень нужно...

Никита.

Да ты что фыркаешь-то? Вишь ты, и погладиться не дается... Да ты чего?

Анисья.

А того, что бросить хочешь... А хочешь бросить, так и я не нуждаюсь. Вот тебе и сказ!

Никита.

Да буде, Анисья. Разве я тебя забыть хочу? Ни в жисть. Окончательно тебя, значит, не брошу. А я так рассчитываю: что и женят, так к тебе же назад приду; только бы домой не брал.

Анисья.

Очень ты мне нужен женатый-то.

Никита.

Да как же, братец ты мой, – из отцовской воли опять-таки невозможно никак.

Анисья.

На отца сворачиваешь, а умыслы – твои всё. Давно ты подлаживаешь с мазихой своей, с Маринкой. Она тебе это намазала. Не даром намедни прибегала.

Никита.

Маринка?! Очень она мне нужна!.. Мало их вешаются-то!..

Анисья.

Зачем же отец приехал? Ты велел! Обманывал ты!.. (Плачет.)

Никита.

Анисья! веришь ты Богу, аль нет? Ничего-то я и во сне не видал. Окончательно знать не знаю, ведать не ведаю. Всё мой старик с своей

головы уздумал.

Анисья.

Сам не захочешь, так кто ж тебя, оселом, что ль, притянет?

Никита.

Тоже, рассчитываю, невозможно супротив родителя будет исделать. А неохота мне.

Анисья.

Упрись, да и всё.

Никита.

Уперся один такой-то, так его в волостной так вспрыснули. Очень просто. Тоже не хочется. Сказывают – щекотно..

Анисья.

Буде шутить-то. Ты слушай, Микита: коли ты за себя Марину возьмешь, я не знаю, что над собой сделаю... Жизни решусь! Согрешила я, закон рушила, да уж не ворочаться стать. Коли да ты только уйдешь, я то сделаю...

Никита.

Мне что ж уходить? Кабы я уйти хотел, я бы давно ушел. Меня как намердни Иван Семеныч приглашал в кучера... А уж жизнь какая! Не пошел же. Потому я так рассчитываю, что я всякому хорош. Если бы ты меня не любила, то другой расчет.

Анисья.

То-то и помни. Старик не нынче-завтра помрет, думаю, – все грехи прикроем. Закон приму, думала, будешь хозяином.

Никита.

И, что загадывать. Мне что? Я работаю, как для себя стараюсь. Меня и хозяин любит, и баба его, значит, любит. А что меня бабы любят, так я в этом не причинен, – очень просто.

Анисья.

Будешь меня любить?

Никита (обнимает ее).

Во как! Как была ты у меня в душе...

ЯВЛЕНИЕ IX.

Те же и Матрена (входит и долго крестится на образа; Никита и Анисья отстраняются друг от друга).

Матрена.

А я что и видала, не видала, что и слышала, не слыхала. С бабочкой поиграл, – что ж? И теленок, ведашь, и тот играет. Отчего не поиграть? – дело молодое. А тебя, сынок, хозяин на дворе спрашивает.

Никита.

Я за топором зашел.

Матрена.

Знаю, знаю, родной, за каким топором. Этот топор всё больше около баб.

Никита (нагибается, берет топор).

Что ж, матушка, аль и вправду женить меня? Я рассчитываю, что совсем напрасно. Опять-таки и мне бы неохота.

Матрена.

И-и! Касатик, зачем женить? Живешь да живешь. Это старик всё. Поди, родной, мы и без тебя все дела рассудим.

Никита.

Чудно, право: то женить, а то не надо. Окончательно не разберу ничего. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ X.

Анисья и Матрена.

Анисья.

Что ж, тетка Матрена, аль и вправду женить хотите?

Матрена.

С чем женить-то, ягодка! Наш, ведашь, какой достаток? Так себе, старичок мой зря болтает: женить да женить. Да не его ума дело. От овса, ведашь, кони не рыщут, от добра добра не ищут, – так и это дело. Разве я не вижу (подмигивает), к чему дело клонит.

Анисья.

Что же мне, тетка Матрена, от тебя хорониться. Ты все дела знаешь. Согрешила я, полюбила сына твоего.

Матрена.

Ну, новости сказала. А тетка Матрена и не знала. Эх, деушка, тетка Матрена терта, терта да перетерта. Тетка Матрена, я тебе скажу, ягодка, под землей–то на аршин видит. Всё знаю, ягодка! Знаю, зачем молодым бабам сонных порошков надоть. Принесла. (Развязывает узелок платка, достает в бумаге порошки.) Чего надо, то вижу, а чего не надо, того знать не знаю, ведать не ведаю. Так–то. Тоже и тетка Матрена молода была. Тоже с своим дураком, ведашь, умеючи прожить надо. Все 77 уверток знаю. Вижу, ягодка, зачиврел, зачиврел твой–то старик. С чем тут жить? Его вилами ткни, кровь не пойдет. Глядишь, на весну похоронить. Принять во двор кого–нибудь да надо. А сынок чем не мужик? Не хуже людей. Так что же мне за корысть сына–то с доброго дела снять? Разве я своему детищу враг?

Анисья.

Только б не сходил он от нас.

Матрена.

И не сойдет, ласточка. Всё глупость одна. Старика моего ведать. Ум у него вовсе расхожий, а тоже другой раз заберет что в башку, как колом подопрет, никак не выбьешь.

Анисья.

Да с чего взялось–то дело это?

Матрена.

А видишь ли, ягодка, – малый, сама знаешь, до баб какой, да и красик, нечего сказать. Ну жил он, ведашь, на чугунке, а там у них девчонка сирота – в куфарках жила. Ну и стала вязаться за ним девчонка эта.

Анисья.

Маринка?

Матрена.

Она, паралик ее расшиби. Ну и было ли что, нет ли, только и дознайся мой старик. От людей ли, или сама она ему наклевузничала!..

Анисья.

Смелая же какая, подлюга!

Матрена.

Вот и поднялся мой–то, дурья–то голова: женить, говорит, да женить, грех покрыть. Возьмем, говорит, малого домой да женим. Разговаривала всячески. Куды тебе! Ну, думаю, ладно. Дай по–иному поверну. Их,

дураков, ягодка, всё так-то манить надо. Всё в согласьи, как будто. А до чего дело дойдет, сейчас на свое и повернешь. Баба, ведашь, с печи летит, 77 дум передумает, так где ж ему догадаться. Что ж, говорю, старичок, дело хорошее. Только подумать надо. Пойдем, говорю, к сынку да посоветуем с Петром Игнатьичем. Что он скажет? Вот и пришли.

Анисья.

О-ох, тетушка, как же так? Ну как отец-то велит?

Матрена.

Велит? А веленье-то его псу под хвост. Уж ты не сумлевайся, не бывать этому делу, я сейчас с твоим стариком все дела просею, процежу, ничего не останется. Я и пошла с ним – один пример сделать. Как же сынок в счастье живет, счастья ждет, а я за него потаскуху сватать стану. Что ж, я дура, что ль!

Анисья.

Она и сюда к нему бегала, Маринка-то. Верить ли, тетушка, как сказали мне, что женить его, как ножом по сердцу полоснуло меня. Думаю, в сердце она у него.

Матрена.

И, ягодка! Что ж, он дурак, что ли? Станет он шлюху бездомовную любить. Микишка, ведашь, малый тоже умный. Он знает, кого любить. А ты, ягодка, не сумлевайся. Не снимем его ни в жизнь. И женить не станем. А деньжонок уболаготворите, и пусть живет.

Анисья.

Кажется, уйди Микита, не стану на свете жить.

Матрена.

Дело молодое. Легко ли! Баба ты в соку, с таким осметком жить...

Анисья.

Верить ли, тетушка, постыл, уж постыл мне мой-то, кобель носастый, и не смотрели бы на него глаза.

Матрена.

Да, уж это дело такое. Глянь-ка сюда. (Шопотом, оглядываясь.) Была я, ведашь, у старичка этого за порошками, – он мне на две руки дал снадобья. Глянь-ка сюда. Это, говорит, сонный порошок. Дай, говорит, один – сон такой возьмет, что хоть ходи по нем. А это, говорит, такое снадобье, если, говорит, давать пить – никакого духа нет, а сила большая. На семь, говорит, разов, по щепоти на раз. До семи разов давай. И слобода, говорит, ей скоро откроется.

Анисья.

О-о-о... Что ж это?

Матрена.

Приметки, говорит, никакой. Рублевку взял. Меньше нельзя, говорит. Потому, ведать, добывать их тоже хитро. Я свою, ягодка, отдала. Думаю, возьмет, не возьмет, Михайловне снесу.

Анисья.

О-о! Да може что худое от них?

Матрена.

Чему худому-то быть, ягодка? Добро бы мужик твой твердый, а то что ж, только славу делает, что живет. Не жилец ведь он. Много таких-то бывает.

Анисья.

О, ох, головушка моя бедная! Боюсь я, тетенька, как бы греха не было. Нет, это что ж?

Матрена.

Можно и назад снести.

Анисья.

Что ж их, как и те, в воде распущать?

Матрена.

В чаю, говорит, лучше. Ничего, говорит, неприметно, ни духу от них нет, ничего. Тоже человек умный.

Анисья (берет порошки).

О, о, головушка моя бедная. Пошла бы разве на такие дела, кабы не жисть каторжная.

Матрена.

А рублевку-то не забудь, я пообещалась старичку занести. Тоже хлопочет.

Анисья.

Уж известно. (Идет к сундуку и прячет порошки.)

Матрена.

А ты, ягодка, потеснее держи, чтоб люди не знали. А коли что, помилуй Бог, коснется, от тараканов мол... (Берет рубль.) Тоже от тараканов идет... (Обрывает речь.)

ЯВЛЕНИЕ XI.

Те же, Петр и Аким. (Аким входит, крестится на образа.)

Петр (входит и садится).

Так как же, дядя Аким?

Аким.

Получше, Игнатъич, как бы получше, тае, получше... Потому как бы не того. Баловство, значит. Хотелось бы, тае... к делу, значит, хотелось малого-то. А коли ты, значит, тае, можно и того. Получше как...

Петр.

Ладно, ладно. Садись, потолкуем. (Аким садится.) Что ж так? Аль женить хочешь?

Матрена.

Женить-то и повременить можно, Петр Игнатъич. Нужда наша, сам знаешь, Игнатъич. Где тут женить. Сами живота не надышим. Где ж женить!..

Петр.

Судите, как лучше.

Матрена.

Женить тоже спешить некуда. Это такое дело. Не малина, не опанет.

Петр.

Что ж, коли женить – дело хорошее.

Аким.

Хотелось бы, значит, тае... Потому мне, значит, тае... работишка в городе, работишка выпала, сходная, значит...

Матрена.

Ну уж работа! Ямы чистить. Приехал намедни, так блевала, блевала, тьфу!

Аким.

Это точно, сперначала она ровно и тае, шибает, значит, дух-то, а
обыкнешь – ничего, всё одно, что барда, и значит, тае, сходно... А
что дух, значит, тае... это нашему брату обижаться нельзя. Одежонку
сменить тоже можно. Хотелось, значит, Микитку дома. Пущай оправдает,
значит. Он пущай дома оправдает. А уж я, тае, в городе добуду.

Петр.

Хочешь сына дома оставить, оно точно. Да забраты деньги-то как?

Аким.

Это верно, верно, Игнатъич, сказал это, значит, тае, правильно,
потому нанялся, продался – это пусть доживат, значит, а вот только,
тае, женить; на время, значит, отпусти коли что.

Петр.

Что ж, это можно.

Матрена.

Да дело-то у нас несогласное. Я перед тобой, Петр Игнатъич, как
перед Богом откроюсь. Ты хоть нас с стариком рассуди. Заладил, что
женить да женить. А на ком женить-то, ты спроси! Кабы невеста
настоящая, разве я своему детищу враг, а то девка с пороком...

Аким.

Вот это напрасно. Напрасно, тае, наносишь на девку-то. Напрасно.
Потому ей, девке этой самой, обида от сына моего, обида, значит,
есть. Девке, значит.

Петр.

Какая же такая обида?

Аким.

А выходит, значит, тае, с сыном Никиткою. С Никиткою, значит, тае.

Матрена.

Ты погоди говорить, у меня язык помягче, дай я скажу. Жил это малый-
то наш до тебя, сам ведать, на чугунке. И привяжись там к нему
девка, так, ведать, немудрящая, Маринкой звать, – куфаркой у них в
артели жила. Так вот, показывает она, эта самая девка, на сына на
нашего, что примерно, он, Микита, будучи, ее обманул.

Петр.

Хорошего тут нет.

Матрена.

Да она сама непутевая, по людям шляется. Так, потаскуха.

Аким.

Опять ты, значит, старуха, не тае, и всё ты не тае, всё, значит, не тае...

Матрена.

Вот только и речей от орла от моего – тае, тае, тае, а что тае – сам не знаешь. Ты, Петр Игнатьич, не у меня, у людей спроси про девку, всякий то же скажет. Так – шалава бездомовная.

Петр (Акиму).

Что ж, дядя Аким, коли такое дело, тоже женить не–зачем. Ведь не лапоть, с ноги не снимешь, хоть бы сноху.

Аким (разгорячась).

Облыжно, старуха, значит, на девку, тае, облыжно. Потому девка, тае, дюже хороша, дюже хороша девка, значит; жаль мне, жаль, значит, девку–то.

Матрена.

Уж прямо Маремьяна старица, по всем мире печальница, а дома не емши сидят. Жаль девку, а сына не жаль. Навяжи ее себе на шею, да и ходи с ней. Буде пустое–то говорить.

Аким.

Нет, не пустое.

Матрена.

Да ты не залетай, дай я скажу.

Аким (перебивает).

Нет, не пустое. Значит, ты на свое воротить, хоть бы про девку али про себя, – ты на свое воротить, как тебе лучше, а Бог, значит, тае, на свое поворотит. Так и это.

Матрена.

Эх, только с тобой язык терзать.

Аким.

Девка работающая, важковатая и, значит, тае, вокруг себе... значит. А по нашей бедности нам и тае, рука, значит: и свадьба недорогая. А

дороже всего обида есть девке-то, значит, тае, сирота, вот что, девка-то. А обида есть.

Матрена.

Всякая, тоже говорит...

Анисья.

Ты, дядя Аким, больше слушай нашу сестру. Они тебе расскажут!

Аким.

А Бог-то, Бог! Разве она не человек, девка-то? Значит тоже, тае, Богу-то она человек. А ты как думаешь?

Матрена.

А, заладил...

Петр.

А вот что, дядя Аким, тоже ведь этим девкам верить нельзя. А малый-то жив. Ведь он вот он! Послать его да спросить толком, правда ли? Он души не убьет. Покличьте малого-то! (Анисья встает.) Скажи ты, отец зовет. (Анисья уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XII.

Те же без Анисьи.

Матрена.

Вот это, родной, рассудил, как водой разлил; пушай сам малый скажет. Ведь тоже по нынешнему время силѐм женить не велят. Тоже спросить малого надо. Не захочет он ни в жисть на ней жениться, себя осрамить. На мой разум, пусть у тебя живет да служит хозяину. И на лето брать не-зачем, принанять можно. А ты нам десяточку дай, пусть живет.

Петр.

Та речь впереди, порядком надо. Одно кончи, тогда другое затевай.

Аким.

Я, значит, к тому говорю, Петр Игнатьич, потому, значит, тае, трафлялось. Ладишь, значит, как себе лучше, да про Бога, тае, и запомнят; думаешь лучше... на себя воротись, глядь, ан накошлял на шею себе, значит; думал как лучше, ан хуже много, без Бога-то.

Петр.

Известное дело! Бога помнить надо.

Аким.

Глядь, оно хуже, а как по закону, да по-Божьи, всё как-то, тае, оно тебя веселит. Манится, значит. Так и угадывал себе, значит, женю, значит, малого, от греха, значит. Он дома, значит, тае, как должно по закону, а уж я, значит, тае в городе похлопочу. Работишка-то любезная. Сходно. По-Божью-то, значит, тае, и лучше. Сирота ведь тоже. Примером, летось дрова тож у приказчика взяли таким манером. Думали обмануть; приказчика-то обманули, а Бога-то, значит, тае, не обманули, ну, и того...

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Те же, Никита и Анютка.

Никита.

Спрашивали? (Садится, достает табак.)

Петр (тихо, укоризненно).

Что ж ты, аль порядка не знаешь. Тебя отец спрашивать будет, а ты табаком балуешь да сел. Поди-ка сюда, встань!

(Никита становится у стола, развязно облакачиваясь и улыбаясь.)

Аким.

Выходит, значит, тае, примерно на тебя, Микишка, жалоба, жалоба, значит.

Никита.

От кого жалоба?

Аким.

Жалоба? От девицы, от сироты, значит, жалоба есть. От ней, значит, и жалоба на тебя, от Марины от этой самой, значит.

Никита (посмеиваясь).

Чудно, право. Какая ж такая жалоба? Это кто ж тебе сказывал: она, что ли?

Аким.

Я таперь, тае, спрос делаю, а ты, значит, тае, должен ответ произвесть. Обвязался ты с девкой, значит, то есть обвязался ты с ней, значит?

Никита.

И не пойму окончательно, чего спрашиваете.

Аким.

Значит, глупости, тае, глупости, значит, были у тебя с ней, глупости, значит?

Никита.

Мало что было. С куфаркой от скуки и пошутишь и на гармонии поиграешь, а она попляшет. Какие же еще глупости?

Петр.

Ты, Микита, не костыляй, а что спрашивает родитель, ты и отвечай толком.

Аким (торжественно).

Микита! От людей утаишь, а от Бога не утаишь. Ты, Микита, значит тае, думай, не моги врать! Сирота она, значит, обидеть можно. Сирота, значит. Ты говори получше как.

Никита.

Да что, говорить-то нечего. Окончательно всё и говорю, потому и говорить нечего. (Разгорячась.) Она чего не скажет. Говори, что, хоть, как на мертвого. Чего ж она на Федьку Микишкина не сказывала? А это что ж, по нынешнему времени, значит, и пошутить нельзя? А ей вольно говорить.

Аким.

Ой, Микишка, мотри! Неправда наружу выйдет. Было аль нет?

Никита (в сторону).

Вишь, привязались, право. (К Акиму.) Сказываю, что ничего не знаю. Ничего у меня с ней не было. (С злобой.) Вот те Христос, не сойти мне с доски с этой. (Крестится.) Ничего знать не знаю. (Молчание. Никита продолжает еще горячее.) Что ж это вы меня на ней женить вздумали? Что ж, в самом деле, право, скандал. Нынче и правов таких нет, чтоб силом женить. Очень просто. Да и побожился я – знать не знаю.

Матрена (на мужа).

То-то, глупая твоя башка, дурацкая; что ему наболтают, а он всему и верит. Только напрасно малого оконфузил. А лучше как живет, так пускай и живет у хозяина. Хозяин нам теперь на нужду десяточку даст. А время придет, и женим.

Петр.

Ну, как же, дядя Аким?

Аким (щелкает языком; к сыну).

Мотри, Микита, обижена слеза, тае, мимо не канет, а всё, тае, на человеческу голову. Мотри, как бы не того.

Никита.

Да что смотреть-то, ты сам смотри. (Садится.)

Анютка.

Пойти мамушке сказать. (Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Петр, Аким, Матрена и Никита.

Матрена (к Петру).

Вот так-то всё, Петр Игнатъич. Баламутный он у меня, втемяшит что в башку, не выбьешь никак; только даром тебя потревожили. А как жил малый, так пусть и живет. Держи малого – твой слуга.

Петр.

Так как же, дядя Аким?

Аким.

Что ж, я, тае, воли с малого не снимал, только бы не тае. Хотелось было, значит, тае...

Матрена.

И что путаешь, сам не знаешь. Пусть живет, как жил. Малому и самому сходить неохота. Да и куда нам его, сами управим.

Петр.

Одно, дядя Аким: если ты его на лето сымешь, он мне на зиму не нужен. Уж жить, так в год.

Матрена.

На год и заложится. Мы дома, в рабочую пору, коли что, принайдем, а малый пусть живет, а ты нам теперича десяточку...

Петр.

Так как же, еще на год?

Аким (вздыхает).

Да что ж, уж видно тае, коли так, значит, видно уж тае.

Матрена.

Опять на год, от Митревой субботы. В цене ты не обидишь, а десяточку теперь дай. Вызволь ты нас. (Встает и кланяется.)

ЯВЛЕНИЕ XV.

Те же, Анисья и Анютка. (Анисья садится к сторонке.)

Петр.

Что ж? Коли так, так так – до трактира дойти и могорычи. Пойдем, дядя Аким, водочки выпьем.

Аким.

Не пью я ее, вино-то, не пью.

Петр.

Ну, чайку попьешь.

Аким.

Чаем грешен. Чаем, точно.

Петр.

И бабы-то чайку попьют. Ты, Микита, смотри, овец-то перегони да солону подбери.

Никита.

Ладно.

(Все уходят, кроме Никиты. Смеркается.)

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Никита (один).

Никита (закуривает папироску).

Вишь, пристали, скажи да скажи, как с девками гулял. Эти истории рассказывать долго будет. Женись, говорит, на ней. На всех да жениться – это жен много наберется. Нужно мне очень жениться, и так не хуже женатого живу, завидуют люди. И как это меня как толкнул кто, как я на образ перекрестился. Так сразу всю канитель и оборвал. Боязно, говорят, в неправде божиться. Всё одна глупость. Ничего, одна речь. Очень просто.

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Никита и Акулина.

Акулина (входит в кафтане, кладет веревку, раздевается и идет в чулан).

Ты бы хоть огонь засветил.

Никита.

На тебя глядеть? Я тебя и так вижу.

Акулина.

Ну тебя!

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Те же и Анютка.

Анютка (вбегает; к Никите шопотом).

Микита, иди скорей, тебя человек один спрашивает, однова дыхнуть.

Никита.

Какой человек?

Анютка.

Маринка с чугулки. За углом стоит.

Никита.

Врешь.

Анютка.

Однова дыхнуть.

Никита.

Чего же ей?

Анютка.

Тебе приходиться велела. Мне, говорит, Миките только слово одно сказать надо. Стала я спрашивать, а она не сказывает. Только спросила: правда ли, что он от вас сходит? А я говорю: неправда, его отец хотел снять да женить, да он отказался, у нас на год еще остался. А она и говорит: пошли ты его ко мне, ради Христа. Мне, говорит, беспременно нужно ему слово сказать. Она уж давно ждет. Иди же к ней.

Никита.

Ну ее к Богу. Куда я пойду?

Анютка.

Она говорит, коль не придет, я сама в избу к нему пойду. Одна
дыхнуть, приду, говорит.

Никита.

Небось, постоит да уйдет.

Анютка.

Аль, говорит, его на Акулине женить хотят?

Акулина (подходит к Никите за своей прялкой).

Кого на Акулине женить?

Анютка.

Микиту.

Акулина.

Легко ль? Да кто говорит-то?

Никита.

Да видно, люди говорят. (Смотрит на нее, смеется.) Акулина, что,
пойдешь за меня?

Акулина.

За тебя-то? Може допрежь и пошла бы, а теперь не пойду.

Никита.

Отчего теперь не пойдешь?

Акулина.

А ты меня любить не будешь.

Никита.

Отчего не буду?

Акулина.

Тебе не велят. (Смеется.)

Никита.

Кто не велит?

Акулина.

Да мачеха. Она всё ругается, всё за тобой глядит.

Никита (смеется).

Вишь ты! Однако ты приметливая.

Акулина.

Я-то? Что мне примечать? Разве я слепая? Нынче она батю пузырила, пузырила. Ведьма она толстомордая. (Уходит в чулан.)

Анютка.

Никита! глянь-ка. (Глядит в окно.) Идет. Однова дыхнуть, она. Я уйду. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XIX.

Никита, Акулина в чулане и Марина.

Марина (входит).

Что ж это ты со мной делаешь?

Никита.

Что делаю? Ничего не делаю.

Марина.

Отречься хочешь?

Никита (сердито подымаясь).

Ну, к чему подобно, что пришла?

Марина.

Ах, Микита!

Никита.

Чудные вы, право. Зачем пришла?

Марина.

Микита!

Никита.

Ну что Микита? Микита и есть. Чего надо-то? Иди, говорю.

Марина.

Так, вижу, бросить, позабыть хочешь?

Никита.

Что помнить-то? Сами не знают. За углом стояла, Анютку послала, не пришел я к тебе. Значит, не надобна ты мне, очень просто. Ну и уйди.

Марина.

Не надобна! Не надобна теперь стала. Поверила я тебе, что любить будешь. А потерял ты меня, и не надобна стала.

Никита.

И всё ни к чему ты это говорить, всё несообразно. Ты и отцу наговорила. Уйди, сделай милость.

Марина.

Сам знаешь, что никого, кроме тебя, не любила. Взял бы, не взял замуж, я на то бы не обижалась. Не повинна я перед тобой ничем. За что разлюбил? За что?

Никита.

Нечего нам с тобою переливать из пустого в порожнее. Уйди ты. То-то бестолковые!

Марина.

Не то мне больно, что обманул меня, жениться обещал, а что разлюбил. И не то больно, что разлюбил, а на другую променял, – на кого, знаю я!

Никита (злобно идет к ней).

Эх! С вашей сестрой разговаривать, никаких резонов не понимают; уйди, говорю, до худа доведешь.

Марина.

До худа? Что ж, меня бить будешь? Бей, на! Что морду-то отворотил? Эх, Никита.

Никита.

Известно, нехорошо, народ придет. А что ж попусту толковать.

Марина.

Так конец, значит, что было, то уплыло. Позабыть велишь! Ну, Никита, помни. Берегла я свою честь девичью пуще глаза. Погубил ты меня ни за что, обманул. Не пожалел сироту (плачет), отрекся от меня. Убил ты меня, да я на тебя зла не держу. Бог с тобой. Лучше найдешь – позабудешь, хуже найдешь – вспомнешь. Вспомнешь, Никита. Прощай, коли так. И любила ж я тебя. Прощай в последний. (Хочет обнять его и берет за голову.)

Никита (вырываясь.)

Эх! Разговаривать с вами. Не хочешь уходить, я сам уйду, оставайся тут.

Марина (вскрикивает).

Зверь ты! (В дверях.) Не даст тебе Бог счастья! (Уходит плача.)

ЯВЛЕНИЕ XX.

Никита и Акулина.

Акулина (выходит из чулана).

А пес ты, Никита.

Никита.

А что?

Акулина.

Как взвыла–то она. (Плачет.)

Никита.

Ты–то чего?

Акулина.

Чего? О... би... дел ты ее... Ты так–то и меня обидишь... пес ты. (Уходит в чулан.)

ЯВЛЕНИЕ XXI.

Никита (один).

Никита. (Молчание.)

То–то неразбериха. Люблю я этих баб, как сахар; а нагретишь с ними – беда!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ.

Петр.

Анисья.

Акулина.

Анютка.

Никита.

Матрена.

Кума – соседка.

Народ.

Сцена представляет улицу и избу Петра. Слева от зрителя – изба в две связи, сени, с крыльцом в середине; справа – ворота и край двора. У края двора Анисья треплет пеньку. После первого действия прошло 6 месяцев.

ЯВЛЕНИЕ I.

Анисья (одна).

Анисья (останавливается, прислушиваясь). Опять что-то бурчит. Должно, слез с печи.

ЯВЛЕНИЕ II.

Анисья и Акулина (входит с ведрами на коромысле).

Анисья.

Кличет. Поди погляди, чего ему? Во... орет.

Акулина.

А ты-то что ж?

Анисья.

Иди, говорят. (Акулина идет в избу.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Анисья (одна).

Анисья.

Измучал он меня. Не открывает, где деньги, да и всё. Намедни в сенях был, должно, там прятал. Теперь и сама не знаю где. Спасибо, расстаться с ними боится. Всё в доме они. Только б найти. А на нем вчера не было. Теперь и сама не знаю где. Измучал меня на отделку.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Анисья и Акулина (выходит, повязываясь платком).

Анисья.

Куда ты?

Акулина.

Куды? А велел тетушку Марфу позвать. Позови, говорит, сестру ко мне. Я помру, говорит, нужно мне ей сказать слово.

Анисья (про себя).

Сестру зовет. О, головушка моя! О-о! Должно, ей отдать хочет. Что стану делать! О! (Акулине.) Не ходи! Куда ты?

Акулина.

За теткой.

Анисья.

Не ходи, говорю, я сама схожу, а ты с бельем-то иди на речку. А то до вечера не успеешь.

Акулина.

Да он мне велел.

Анисья.

Иди куда посылают. Сама, говорят, схожу за Марфой. Рубахи-то возьми с плетня.

Акулина.

Рубахи? Да ты, мотри, не пойдешь. Он велел.

Анисья.

Сказала, пойду. Анютка где?

Акулина.

Анютка? Она телят стережет.

Анисья.

Пошли ее, авось не разбегутся.

(Акулина собирает белье и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Анисья (одна).

Анисья.

Не пойтить – заругает, а пойтить – отдаст он сестре деньги. Пропадут все мои труды. И что делать, сама не знаю. Расскочилась моя голова. (Продолжает работать.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Анисья и Матрена (входит с палочкой и узелком по-дорожному).

Матрена.

Бог помочь, ягодка.

Анисья (оглядывается, бросает работу и всплескивает руками от радости).

Вот не чаяла, тетушка. Лучил же Бог какого гостя ко времени.

Матрена.

Ну, что?

Анисья.

Уж я и в уме смешалась. Беда!

Матрена.

Что ж, жив, сказывают?

Анисья.

И не говори. Жить не живет и помирать не помирает.

Матрена.

Деньги–то не передал кому?

Анисья.

Сейчас за Марфой, за сестрой родной, посылает. Должно, об деньгах.

Матрена.

Видимое дело. Да не передал ли кому помимо?

Анисья.

Некому. Я как ястреб над ним стерегу.

Матрена.

Да где ж они?

Анисья.

Не сказывает. И не дознаюсь никак. Хоронит где–то из одного места в другое. А мне тоже от Акульки нельзя. Дура–дура, а тоже подсматривает, караулит. О, головушка моя! Измучалась я.

Матрена.

Ох, ягодка, отдаст денежки помимо твоих рук, век плакаться будешь. Сопхают они тебя со двора ни с чем. Маялась ты, маялась, сердечная, век–то свой с немилым, да и вдовой с сумой пойдешь.

Анисья.

И не говори, тетка. Изныло мое сердце, и не знаю, как быть, и посоветовать не с кем. Говорила Миките. А он робеет, не хочет в это дело вступать. Только сказал мне вчерась, что в полу они.

Матрена.

Что ж, лазила?

Анисья.

Нельзя – сам тама. Я примечаю, – он их то на себе носит, то хоронит.

Матрена.

Ты, деушка, помни: раз маху дашь, век не справишься. (Шопотом.) Что ж, крепкого чаю–то давала?

Анисья.

О–о! (Хочет отвечать, видит соседку, замолкает.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Те же и кума (проходит мимо избы, прислушивается к крику в избе. К Анисье).

Кума.

Кума! Анисья, а Анисья! Твой никак кличет.

Анисья.

Он всё так кашляет, ровно кричит. Плох уж очень.

Кума (подходит к Матрене.)

Здорово, баушка, отколь Бог несет?

Матрена.

А из двора, милая. Сынка проведать пришла. Рубах принесла. Тоже свое детище, ведашь, жалко.

Кума.

Да уж такое дело. (К Анисье.) Хотела, кума, красна белить, да, думается, рано. Люди не зачинали.

Анисья.

Куда спешить-то?

Матрена.

Что ж, сообщали?

Анисья.

Как же, вчерась поп был.

Кума.

Поглядела я вчерась тоже, матушка моя, и в чем душа держится. Измадел как. А уж намедни, матушка моя, совсем помирал, под святые положили. Уж и оплакали, омывать собирались.

Анисья.

Ожил – поднялся; опять бродит теперь.

Матрена.

Что ж, соборовать станете?

Анисья.

Люди приглашают. Коли жив будет, хотим завтра за попом посылать.

Кума.

Ох, скучно, чай, тебе, Анисьюшка? Не даром молвится: не тот болен, кто болит, а кто над болью сидит.

Анисья.

Уж как скучно то. Да уж одно бы что.

Кума.

Известно дело, легко ли, год целый помирает. По рукам связал.

Матрена.

Тоже и вдовье дело горькое. Хорошо дело молодое, а на старости лет кто пожалеет. Старость не радость. Хоть бы мое дело. Недалеко прошла, уморилась, ног не слышу. Сынок–то где?

Анисья.

Пшет. Да ты заходи, самовар поставим, чайком душеньку отведешь.

Матрена (садится).

И то уморилась, миленькие. А что соборовать – это беспрерменно надо. Люди говорят – тоже душе на пользу.

Анисья.

Да завтра пошлем.

Матрена.

То–то, оно лучше. А у нас, деушка, свадьба.

Кума.

Что ж так, весной?

Матрена.

Да, видно, пословица недаром молвится: бедному жениться и ночь коротка. Семен Матвеевич за себя Маринку взял.

Анисья.

Нашла–таки себе счастье!

Кума.

Вдовец, должно, на детей пошла.

Матрена.

Четверо. Какая же путная пойдет! Ну, ее и взял. Она и рада. Вино пили, ведашь, стаканчик не крепкий был, – проливали.

Кума.

Вишь ты! Слух–то был? А с достатком мужик–то?

Матрена.

Живут ничего пока.

Кума.

Оно точно, что на детей кто пойдет. Вот хоть бы у нас Михайло. Мужик–то, матушка моя...

Голос мужика.

Эй, Мавра, куда тебя дьявол носит? Поди корову загони. (Соседка уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Анисья и Матрена.

Матрена (пока соседка уходит, говорит ровным голосом).

Выдали, деушка, от греха, по крайности мой дурак об Микишке думать не будет. (Вдруг переменяет голос на шопот.) Ушла! (Шопотом.) Что ж, говорю, чайком–то поила?

Анисья.

И не поминай. Помирал бы лучше сам. Всё одно не помирает, только греха на душу взяла. О–о! головушка моя! И зачем ты мне давала порошки эти?

Матрена.

Что ж порошки? Порошки, деушка, сонные, что ж не дать? От них худа не будет.

Анисья.

Я не про сонные, а про те, про белесые–то.

Матрена.

Что ж, те порошки, ягодка, лекарственные.

Анисья (вздыхает).

Знаю, да боязно. Измучал он меня.

Матрена.

Что ж, много извела?

Анисья.

Два раза давала.

Матрена.

Что ж, не приметно?

Анисья.

Я сама в чаю пригубила, чуть горчит. А он выпил с чаем-то, да и говорит: мне и чай-то противен. Я говорю: больному всё горько. Да и жутко же мне стало, тетушка.

Матрена.

А ты не думай. Что думать, то хуже.

Анисья.

И лучше ты мне не давала бы и на грех не наводила. Как вспомнишь, так на душе закребит. И зачем ты дала мне их?

Матрена.

И, что ты, ягодка! Христос с тобой. Что ж ты на меня-то сворачиваешь? Ты, деушка, мотри, с больной головы на здоровую не сворачивай. Коли чего коснется, мое дело сторона, я знать не знаю, ведать не ведаю, – крест поцелую, никаких порошков не давала и не видала и не слыхала, какие такие порошки бывают. Ты, деушка, сама думай. Мы и то намеднись про тебя разговорились, как она, мол, сердечная, маится. Падчерица – дура, а мужик гнилой – присуха одна. С этой жизни чего не сделаешь.

Анисья.

Да я и то не отрекусь. От моего житья не то что эти дела, а либо повеситься, либо его задушить. Разве это жизнь?

Матрена.

То-то и дело. Рот разевать некогда. А как-никак, обыскать деньги да чайком попить.

Анисья.

О-о, головушка моя бедная! И что делать теперь, сама не знаю, и жутость берет, – помирал бы уж лучше сам. Тоже на душу брать не хочется.

Матрена (с злобой).

А что ж он деньги-то не открывает? Что ж, он их с собой возьмет, никому не достанутся? Разве это хорошо? Помилуй Бог, такие деньжищи да дуром пропадут. Разве это не грех? Что ж он-то делает? На него и смотреть?

Анисья.

Уже и сама не знаю. Измучал он меня.

Матрена.

Чего не знать-то? Дело на виду. Промашку теперь сделаешь, век каяться будешь. Передаст он сестре деньги, а ты оставайся.

Анисья.

О-ох, и то посылал ведь за ней, – итти надо.

Матрена.

А ты погоди ходить, а первым делом самоварчик поставь. Мы его чайком попоим да деньги вдвоем поищем – дошупаемся, небось.

Анисья.

О-о! Как бы чего не было.

Матрена.

А то что ж? Что смотреть-то. Что ж ты деньги-то только глазами поваляешь, а в руки не попадут? Ты делай.

Анисья.

Так я пойду самовар поставлю.

Матрена.

Иди, ягодка, дело делай как надо, чтоб после не тужить. Так-то. (Анисья отходит, Матрена подзывает.) Одно дело: Микитке не сказывай про все дела. Он дурашный. Избави Бог, узнает про порошки. Он Бог знает что сделает. Жалостлив он очень. Он, ведашь, и курицы, бывало, не зарежет. Не сказывай ему. Беда, он того не рассудит. (Останавливается в ужасе, на пороге показывается Петр.)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Те же и Петр (держась за стенку, выползает на крыльцо и кличет

слабым голосом).

Петр.

Что ж вас не дозовешься. О-ох! Анисья, кто здесь? (Падает на лавку.)

Анисья (выходит из-за угла).

Чего вылез? Лежал бы, где лежал.

Петр.

Что, за Марфой ходила девка-то?.. Тяжко... Ох, хоть бы смерть скорее!..

Анисья.

Недосуг ей, я ее на речку послала. Дай срок, управлюсь, сама схожу.

Петр.

Анютку пошли. Где она? Ох, тяжко! Ох, смерть моя!

Анисья.

Я и то послала за ней.

Петр.

Ох! Где ж она?

Анисья.

Где она там, пралик ее расшиби?

Петр.

Ох, мочи моей нет. Сожгло нутро. Ровно буравцом сверлит. Что ж меня бросили как собаку... и напиток подать некому... Ох... Анютку пошли ко мне..

Анисья.

Вот она. Анютка, иди к отцу.

ЯВЛЕНИЕ X.

Те же и Анютка (вбегает. Анисья уходит за угол).

Петр.

Поди ты... ох... к тетке Марфе, скажи: отец, мол, зовет, пришла чтоб, нужно мне.

Анютка.

Ну что ж.

Петр.

Постой. Скорее нужно, скажи. Скажи – помирать хочу. О–ох...

Анютка.

Только платок возьму, а я сейчас. (Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ XI.

Петр, Анисья и Матрена

Матрена (подмигивая).

Ну, деушка, дело свое помни. Иди в избу, везде ошарь. Ищи, как собака блох ищет; всё перебери, а я на нем обыщу.

Анисья (к Матрене).

Сейчас. Всё с тобой смелей как будто. (Подходит к крыльцу. К Петру.) Самовар не поставить ли тебе? И тетка Матрена к сыну пришла, – с ней попетье.

Петр.

Что ж, поставь.

ЯВЛЕНИЕ XII.

Петр и Матрена. (Матрена подходит к крыльцу.)

Петр.

Здорово.

Матрена.

Здравствуй, благодетель. Здравствуй, касатик. Хвораешь, видно, всё. И старик мой как жалеет. Поди, говорит, проведай. Поклон прислал. (Еще раз кланяется.)

Петр.

Помираю я.

Матрена.

И то, посмотрю на тебя, Игнатъич, не по лесу, видно, а по людям боль–то ходит. Исчадел, исчадел ты весь, сердечный, погляжу на тебя. Не красит, видно, хворь–то.

Петр.

Пришла смерть моя.

Матрена.

Что ж, Петр Игнатьич, Божья воля, сообщили, особоруют, Бог даст; баба у тебя, слава Богу, умная, и похоронят и помянут, всё честь честью. И мой сыночек тоже, поколе что, по дому хлопотать будет.

Петр.

Приказать некому! Необстоятельна баба, глупостями занимается, ведь всё знаю я... знаю... Девка дурковата, да и млада. Дом собирал, а обдумать некому. Жаль тоже. (Хнычет.)

Матрена.

Что ж, коли деньги или что, приказать можно...

Петр (к Анисье в сенцы).

Пошла, что ль, Анютка-то?

Матрена (в сторону).

Ишь, вспомнил.

Анисья (из сеней).

В ту же пору пошла. Иди в избу-то что ль, я проведу.

Петр.

Дай посижу напоследях. Дух тяжкий там. Тяжко мне... Ох, сожгло сердце всё... Хоть бы смерть...

Матрена.

Бог души не вынет, сама душа не выйдет. В смерти и животе Бог волен, Петр Игнатьич. Тоже и смерти не угадаешь. Бывает, и поднимешься. Так-то вот у нас в деревне мужик совсем уж было помирал...

Петр.

Нет. Чую я, что нынче помру, чую. (Прислоняется и закрывает глаза.)

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Те же и Анисья.

Анисья (входит).

Ну что ж, пойдешь, али нет? Тебя не дожدهшься. Петра? А Петра?

Матрена (отходит и манит к себе пальцем Анисью).

Ну что ж?

Анисья (сходит с крыльца к Матрене).

Нету.

Матрена.

Да ты всё ли обыскала? В полу-то?

Анисья.

И там нету. Нешто в пуньке. Вчера туда лазил.

Матрена.

Ищи, пуще всего ищи. Как языком вылижи. А я примечаю – нынче и так помереть: ноготь синий, и на лицо земля пала. Самовар-то поспел, что ль?

Анисья.

Закипать хочет.

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Те же и Никита (приходит с другой стороны, а если можно, приезжает на лошади к воротам; не видит Петра).

Никита (к матери).

Здорово, матушка! Здоровы ли дома?

Матрена.

Слава Господу Богу, живем, пока хлеб жуем.

Никита.

Ну что, хозяин как?

Матрена.

Тише, вон он сидит. (Показывает на крыльцо.)

Никита.

Так что же, пушай сидит. Мне чего?

Петр (открывает глаза).

Микита, а Микита, подь-ка сюда. (Никита подходит, Анисья шепчется с Матреной.)

Петр.

Что рано приехал?

Никита.

Допахал.

Петр.

За мостом полоску пахал?

Никита.

Туда далече ехать.

Петр.

Далече? Из дома дальше. За нарочным поедешь. Заодно бы. (Анисья, не показываясь, прислушивается.)

Матрена (подходит).

Ах, сынок, что ж так хозяину не стараешься? Хозяин хворый, на тебя надеется, ты должен как отцу родному, жилы вытягивай, а служи. Так я тебе приказывала.

Петр.

Так ты того, ох!., картошки повытаскай, бабы... о!.. переберут.

Анисья (про себя).

Как же, и пошла я. Опять от себя всех услать хочет; должно, на нем теперь деньги-то. Куда-нибудь схоронить хочет.

Петр.

А то, о-ох!.. сажать время придет, а они попрели. Ох, мочи нет. (Поднимается.)

Матрена (вбегает на крыльцо, поддерживает Петра).

Аль в избу свесть?

Петр.

Сведи. (Останавливается.) Микита!

Никита (сердито).

Чего еще?

Петр.

Не увижу тебя... Помру нынче... Прости меня, Христа ради, прости, когда согрешил перед тобой... Словом и делом, согрешил когда... Всего было. Прости.

Никита.

Что ж прощать, мы сами грешные.

Матрена.

Ах, сынок, – ты чувствуешь.

Петр.

Прости, Христа ради. (Плачет.)

Никита (сопит).

Бог простит, дядя Петр. Что ж, мне на тебя обижаться нечего. Я от тебя худого не видал. Ты меня прости. Может, я виноватее перед тобой. (Плачет. Петр, хныкая, уходит. Матрена поддерживает его.)

ЯВЛЕНИЕ XV.

Никита и Анисья.

Анисья.

О, головушка моя бедная! Неспроста он это. Задумал, видно, что. (Подходит к Никите.) Что ж, ты сказывал, что деньги в полу, – нету там.

Никита (не отвечает, плачет).

Я от него худого, окромя хорошего, ничего не видал. А я вот что сделал!

Анисья.

Ну, буде. Деньги–то где?

Никита (сердито).

А кто его знает. Ищи сама.

Анисья.

Что больно жалостлив?

Никита.

Жалко мне его. Как жалко его! Заплакал как! Э-эх!

Анисья.

Вишь, жалость напала, есть кого жалеть! Он тебя собачил, собачил, и сейчас приказывал, чтоб согнать тебя со двора долой. Ты бы меня пожалел.

Никита.

Да что тебя жалеть-то?

Анисья.

Помрет, деньги скроет...

Никита.

Небось, не скроет...

Анисья.

Ох, Никитушка! За сестрой ведь послал, ей отдать хочет. Беда наша, как нам жить будет, как он деньги отдаст. Ссунут они меня со двора! Уж ты бы похлопотал. Ты сказывал, в пуньку вечер лазял он?

Никита.

Видел, он оттель идет, а куда сунул, кто его знает.

Анисья.

О, головушка, пойду там поищу.

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Те же и Матрена (выходит из избы, спускается к Анисье и Никите шопотом).

Матрена.

Никуда не ходи, деньги на нем, я ощупала, на гайтане они.

Анисья.

О, головушка моя бедная!

Матрена.

Теперь сморгаешь, ищи тогда на орле – на правом крыле. Сестра придет – и прощайся.

Анисья.

И то придет, отдаст ей. Как быть-то? О, головушка!

Матрена.

Как быть-то? А ты смотри сюда. Самовар-то вскипел, поди ты завари чайку да налей ему (шопотом), да из грамотки-то всю высыпь да попои его. Выпьет чашку, тогда и тащи. Небось, не расскажет.

Анисья.

О, боязно!

Матрена.

Ты это не толкуй, живо делай, а я сестру-то постерегу, коли что. Оплошки не давай. Тащи деньги да и неси сюда, а Микита схоронит.

Анисья.

О, головушка! Как приступиться-то и... и...

Матрена.

Говорю, не толкуй; делай, как велю. Микита!

Никита.

Чего?

Матрена.

Ты тут постой, посиди на завалинке, коли что, дело будет.

Никита (махая рукой).

Уж эти бабы придумают. Окончательно завертят. Ну вас совсем! Пойти и то – картошки повытаскать.

Матрена (останавливает его за руку).

Говорю, постой.

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Те же и Анютка (входит).

Анисья.

Ну, что?

Анютка.

Она у дочери на огороде была, сейчас придет.

Анисья.

Придет она, что делать будем?

Матрена (Анисье).

Поспешь, делай, что велю.

Анисья.

Уж сама не знаю – не знаю ничего, в уме смешалось. Анютка Иди, донюшка, к телятам, разбежались. Ох, не насмелюсь.

Матрена.

Иди, что ль, самовар ушел, я чай.

Анисья.

Ох, головушка моя бедная! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Матрена и Никита.

Матрена (подходит к сыну).

Так-то, сынок. (Садится рядом с ним на завалинку.) Дело твое тоже обдумать надо, а не как-нибудь.

Никита.

Да какое дело-то?.

Матрена.

А то дело, как тебе на свете прожить.

Никита.

Как на свете прожить? Люди живут, так и я.

Матрена.

Старик-то, должно, нынче помрет?

Никита.

Помрет, царство небесное. Мне-то что?

Матрена (всё время говорит и поглядывает на крыльцо).

Эх, сынок! Живой живое и думает. Тут, ягодка, тоже ума надо много. Ты как думаешь, я по твоему делу по всем местам толкалась, все ляжки измызгала, об тебе хлопотамши. А ты помни, тогда меня не забудь.

Никита.

Да о чем хлопотала-то?

Матрена.

О деле о твоём, об судьбе об твоей. Загодя не похлопотать, ничего и не будет. Иван Мосеича знаешь? Я до него тоже притолчна. Зашла наемни. Я ему, ведашь, тоже дело одно управила. Посидела, к слову разговорилась. Как, говорю, Иван Мосеич, рассудить дело одно. Примерно, говорю, мужик вдовый, взял, примерно, за себя другую жену, и, примерно, только и детей, что дочь от той жены да от этой. Что, говорю, как помрет мужик этот, можно ли, я говорю, войти на вдову эту в двор чужому мужику? Можно, я говорю, этому мужику дочерей замуж отдать и самому во дворе остаться? Можно, говорит, да только надо, говорит, старанья тут много. С деньгами, говорит, можно это дело оборудовать, а без денег, говорит, и соваться нечего.

Никита (смеется).

Да уж это что говорить, только подавай им деньги-то. Денежки всем нужны.

Матрена.

Ну, ягодка, я и открылась ему во всех делах. Первым делом, говорит, надо твоему сыночку в ту деревню приписаться. На это денежки нужно, – стариков попоить. Они, значит, и руки приложат. Всё, говорит, надо с умом делать. Глянь-ка сюда (достаёт из платка бумагу). Вот и бумагу отписал, почитай-ка, ведь ты дошлый. (Никита читает, Матрена слушает.)

Никита.

Бумага, известно, приговор значит. Тут мудрости большой нет.

Матрена.

А ты слухай, что Иван Мосеич приказывал. Пуще всего, говорит, тетка, смотри, чтоб денежки не упустить. Не ухватит, говорит, она деньги, не дадут ей на себя зятя принять. Деньги, говорит, всему делу голова. Так мотри. Дело, сынок, доходит.

Никита.

Мне что? Деньги ее, она и хлопочи.

Матрена.

Эка ты, сынок, судишь! Разве баба может обдумать? Если что и возьмет

она деньги, где ж ей обдумать, – бабье дело известно, а ты всё мужик. Ты, значит, можешь и спрятать и все такое. У тебя всё–таки ума больше, коли чего коснется.

Никита.

Эх! женское ваше понятие не обстоятельное совсем.

Матрена.

Как же необстоятельно! Ты заграбь денежки–то. Баба–то у тебя в руках будет. Если случаем и похрапывать начнет или что, ей укороту можно сделать.

Никита.

Ну вас совсем, пойду.

ЯВЛЕНИЕ XIX.

Никита, Матрена и Анисья (выбегает бледная из избы за угол к Матрене).

Анисья.

На нем и были. Вот они. (Показывает под фартуком.)

Матрена.

Давай Микитке, он схоронит. Микитка, бери, схорони куда.

Никита.

Что ж, давай.

Анисья.

О–ох, головушка, да уж я сама, что ли. (Идет к воротам.)

Матрена (хватает ее за руку).

Куда идешь? Хватятся, вон сестра идет, ему давай, он знает. Эка бестолковая!

Анисья (останавливается в нерешительности).

О, головушка!

Никита.

Что ж, давай, что ль, суну куда.

Анисья.

Куда сунешь-то?

Никита.

Аль робеешь? (Смеется.)

ЯВЛЕНИЕ XX.

Те же и Акулина (идет с бельем).

Анисья.

О-ох, головушка моя бедная! (Отдает деньги.) Микита, мотри.

Никита.

Чего боишься-то? Туда запхаю, что и сам не найду. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XXI.

Матрена, Анисья и Акулина.

Анисья (стоит в испуге).

О-ох! Что как он...

Матрена.

Что ж, помер?

Анисья.

Да помер никак. Я снимала, он и не почуял.

Матрена.

Иди в избу-то, вон Акулина идет.

Анисья.

Что ж, я нагрешила, а он да что с деньгами...

Матрена.

Буде, иди в избу, вот и Марфа идет.

Анисья.

Ну, поверила я ему. Что-то будет. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XXII.

Марфа, Акулина, Матрена.

Марфа (идет с одной, Акулина с другой стороны. К Акулине).

Я бы даве пришла, да к дочери пошла. Ну, что старик-от? Аль помирать хочет?

Акулина (снимает белье).

А кто его знает. Я на речке была.

Марфа (указывая на Матрену).

Эта чья ж?

Матрена.

А из Зуева, Микиты мать я, из Зуева, родимая. Здравствуйте. Изныл, изныл сердечный, братец-то. Сам выходил. Пошли мне, говорит, сестрицу, потому, говорит.... О! да уж не кончился ли?

ЯВЛЕНИЕ XXIII.

Те же и Анисья (выбегает из избы с криком, хватается за столбик и начинает выть).

О-о-о, и на кого-о-о и оставил и о-о-о и на ко-ого-о-о по-ки-нул о-о-о... вдовой горемычной... век вековать, закрыл ясны очи...

ЯВЛЕНИЕ XXIV.

Те же и кума (Кума и Матрена подхватывают ее под руки. Акулина и Марфа идут в избу. Народ приходит).

Один голос из народа.

Старух позвать, убирать надо.

Матрена (засучивает рукава).

Вода в чугуне-то есть, что ли? А то и в самоваре, я чай, есть. Не вылили. Потружусь и я.

Занавес.

—

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА ТРЕТЬЕГО ДЕЙСТВИЯ.

Аким.

Никита.

Акулина.

Анисья.

Анютка.

Митрич – старик–работник, отставной солдат.

Кума Анисьи.

Изба Петра. Зима. После 2–го действия прошло 9 месяцев. Анисья ненарядная сидит за станом, ткёт. Анютка на печи. Митрич, старик–работник.

ЯВЛЕНИЕ I.

Митрич (входит медленно, раздевается).

О, Господи помилуй! Что ж, не приезжал хозяин–то?

Анисья.

Чего?

Митрич.

Микита–то из города не бывал?

Анисья.

Нету.

Митрич.

Загулял, видно. О, Господи!

Анисья.

Убрался на гумне–то?

Митрич.

А то как же? Всё как надо убрал, соломкой прикрыл. Я не люблю как–нибудь. О, Господи! Микола милослевый! (Ковыряет мозоли.) А то бы пора ему и быть.

Анисья.

Чего ему торопиться. Деньги есть, гуляет с девкой, я чай...

Митрич.

Деньги есть, так чего ж не гулять. Акулина–то почто в город поехала?

Анисья.

А ты спроси ее, зачем туда нелегкая понесла.

Митрич.

В город–то зачем? В городе всего много, только бы было на что. О, Господи!

Анютка.

Я, матушка, сама слышала. Полушалчик, говорит, тебе куплю, однава дыхнуть, куплю, говорит; сама, говорит, выберешь. И убралась она хорошо как: безрукавку плисовую надела и платок французский.

Анисья.

Уж и точно девичий стыд до порога, а переступила – и забыла. То–то бесстыжая!

Митрич.

Вона! Чего стыдиться–то? Деньги есть, так и гуляй. О, Господи! Ужинать–то рано, что ли? (Анисья молчит.) Пойти погреться пока что. (Лезет на печь.) О, Господи, Матерь пресвятая Богородица, Микола угодник!

ЯВЛЕНИЕ II.

Те же и кума.

Кума (входит).

Не ворочался, видно, твой–то?

Анисья.

Нету.

Кума.

Пора бы. В наш трактир не заехал ли. Сестра Фекла сказывала, матушка моя, стоят там саней много из города.

Анисья.

Анютка! а Анютка!

Анютка.

Чего?

Анисья.

Сбегай ты, донюшка, в трактир, посмотри, уж не туда ли он спьяна заехал?

Анютка (спрыгивает с печи, одевается).

Сейчас.

Кума.

И Акулину с собой взял?

Анисья.

А то бы ехать не-зачем. Из-за нее дела нашлись. В банку, говорит, надо, получка вышла, а всё только она его путает.

Кума (качает головой).

Уж и что говорить. (Молчание.)

Анютка (в дверях).

А коли там, сказать что?

Анисья.

Ты посмотри только, там ли?

Анютка.

Ну что ж, я живо слетаю. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Анисья, Митрич и кума. (Долгое молчание.)

Митрич (рычит).

О, Господи, Микола милослевый.

Кума (вздрагивая).

Ох, напугал. Это кто ж?

Анисья.

Да Митрич, работник.

Кума.

Ох, натращал как! Я и забыла. А что, кума, сказывали, сватают Акулину-то.

Анисья (вылезает из-за стана к столу).

Посыкнулись было из Дедлова, да видно слушок-то есть и у них, посыкнулись было, да и молчок; так и запало дело. Кому же охота?

Кума.

А из Зуева-то Лизуновы?

Анисья.

Засылка была. Да тоже не сошлось. Он и к себе не примаёт.

Кума.

А отдавать бы надо.

Анисья.

Уж как надо-то. Не чаю, кума, как со двора спихнуть, да не паит дело-то. Ему неохота. Да и ей тоже. Не нагулялся, видишь, еще с красавой-то с своей.

Кума.

И-и-и! грехи. Чего вздумать нельзя. Вотчим ведь ей.

Анисья.

Эх, кума. Оплели меня, обули так ловко, что и сказать нельзя. Ничего-то я сдуру не примечала, ничего-то я не думала, так и замуж шла. Ничегохонько не угадывала, а у них согласие уж было.

Кума.

О-о, дело-то какое!

Анисья.

Дальше – больше, вижу от меня хорониться стали. Ах, кума, и уж тошно ж мне, тошно житье мое было. Добро б не любила я его.

Кума.

Да что уж и говорить.

Анисья.

И больно ж мне, кума, от него обиду такую терпеть. Ох, больно!

Кума.

Что ж, сказывают и на руку ерзок стал?

Анисья.

Всего есть. Бывало, во хмелю смирен был. Зашибал он и допрежде того, да всё, бывало, хороша я ему была, а нынче как надуется, так и лезет на меня, стоптать ногами хочет. Намедни в косы руками увяз, насилу вырвалась. А уж девка хуже змеи, и как только таких злющих земля родит.

Кума.

О-о-о! Кума, болезная ж ты, погляжу я на тебя! Каково ж терпеть; нищего приняла, да он над тобой так измываться будет. Ты что ж ему укороту не сделаешь?

Анисья.

Ох, кумушка милая! С сердцем своим что сделаю. Покойник на что строг был, а всё ж я как хотела, так и вертела, а тут не могу, кумушка. Как увижу его, так и сердце всё сойдет. Нет у меня против него и смелости никакой. Хожу перед ним как куренок мокрый.

Кума.

О-о, кума! Да это, видно, сделано над тобой что. Матрена-то, сказывают, этими делами занимается. Должно, она.

Анисья.

Да уж я и сама, кума, думаю. Ведь как обидно другой раз. Кажется, разорвала б его. А увижу его, – нет, не поднимается на него сердце.

Кума.

Видимое дело, напущено. Долго ль, матушка моя, испортить человека. То-то погляжу я на тебя, куда что делось.

Анисья.

Вовсе в лутошку ноги сошлись. А на дуру-то, на Акулину, погляди. Ведь растрепа девка, нехалявая, а теперь погляди-ка. Откуда что взялось. Да нарядил он ее. Расфуфырилась, раздулась, как пузырь на воде. Тоже, даром что дура, забрала себе в голову: я, говорит, хозяйка. Дом мой. Батюшка на мне его и женить хотел. А уж зла, Боже упаси. Разозлится, с крыши солому роет.

Кума.

О-ох, житье твое, кума, погляжу. Завидуют тоже люди. Богаты, говорят. Да видно, матушка моя, и через золото слезы льются.

Анисья.

Есть чему завидовать. Да и богатство—то всё так прахом пройдет.
Мотает денежки, страсть.

Кума.

Да что ж ты, кума, больно просто пустила? Деньги твои.

Анисья.

Кабы ты всё знала. А то сделала я промашку одну.

Кума.

Я бы, кума, на твоём месте прямо до начальника до большого дошла.
Деньги твои. Как же он может мотать? Таких прав нет.

Анисья.

На это нынче не взирают.

Кума.

Эх, кума, посмотрю я на тебя. Ослабла ты.

Анисья.

Ослабла, милая, совсем ослабла. Замотал он меня. И сама ничего не
знаю. О—о, головушка моя бедная!

Кума.

Никак идет кто? (Прислушивается. Отворяется дверь, и входит Аким.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Те же и Аким.

Аким (крестится, обивает лапти и раздевается).

Мир дому сему. Здорово живете? Здорово, тетинька.

Анисья.

Здорово, батюшка. Из двора, что ль? Проходи, раздевайся.

Аким.

Думал, тае, дай, значит, схожу, тае, к сынку, к сынку пройду. Не
рано пошел, пообедал, значит, пошел; ан снежно как, тае, тяжело,
итти, тяжело, вот и, тае, запоздал, значит. А сынок дома? Дома сынок
то есть?

Анисья.

Нетути; в городе.

Аким (садится на лавку).

Дельце до него, то есть, тае, дельце. Сказывал, значит, ему наемни, тае, значит, об нужде сказывал, лошаденка извелась, значит, лошаденка-то. Объегорить, тае, надоть, лошаденку-то какую ни на есть, лошаденку-то. Вот и, тае, пришел, значит.

Анисья.

Сказывал Микита. Приедет, потолкуете. (Встает к печи.) Поужинай, а он подъедет. Митрич, иди ужинать, а Митрич?

Митрич (рычит, просыпается).

Чего?

Анисья.

Ужинать.

Митрич.

О, Господи, Микола милослевый!

Анисья.

Иди ужинать.

Кума.

Я пойду. Прощайте. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Аким, Анисья и Митрич.

Митрич (слезает).

И не видал, как заснул. О, Господи, Микола угодник! Здорово, дядя Аким.

Аким.

Э! Митрич! Ты что же, значит, тае?

Митрич.

Да вот в работниках, у Никиты, у сына у твоего, живу.

Аким.

Ишь ты! Значит, тае, в работниках у сына-то. Ишь ты!

Митрич.

То в городе жил у купца, да пропился там. Вот и пришел в деревню. Причалу у меня нет, ну и нанялся. (Зевает.) О, Господи!

Аким.

Что ж, тае, али, тае, Микишка-то что делает? Дело, значит, еще какое, что работника, значит, тае, работника нанял?

Анисья.

Какое ему дело? То управлялся сам, а нынче не то на уме, вот и работника взял.

Митрич.

Деньги есть, так что ж ему...

Аким.

Это, тае, напрасно. Вот ото совсем, тае, напрасно. Напрасно это. Баловство, значит.

Анисья.

Да уж избаловался, избаловался, что и беда.

Аким.

То-то, тае, думается, как бы получше, тае, а оно, значит, хуже. В богатстве-то избалуется человек, избалуется.

Митрич.

С жиру-то и собака бесится. С жиру как не избаловаться! Я вон с жиру-то как крутил. Три недели пил без просыпу. Последние портки пропил. Не на что больше, ну и бросил. Теперь зарекся. Ну ее.

Аким.

А старуха-то, значит, твоя где же?..

Митрич.

Старуха, брат, моя к своему месту пристроена. В городе по кабакам сидит. Щеголиха тоже – один глаз выдран, другой подбит, и морда на сторону сворочена. А тверезая, в рот ей пирога с горохом, никогда не бывает.

Аким.

О-о! Что же это?!

Митрич.

А куда же солдатской жене место? К делу своему пределена.

(Молчание.)

Аким (к Анисье).

Что ж Никита-то в город, тае, повез что, продавать, значит, повез что?

Анисья (накрывает на стол и подает).

Порожнем поехал. За деньгами поехал, в банке деньги брать.

Аким (ужинает).

Что ж вы их, тае, деньги-то куда еще пределить хотите деньги-то?

Анисья.

Нет, мы не трогаем. Только 20 или 30 рублей; вышло, так взять надо.

Аким.

Взять надо? Что ж их брать-то, тае, деньги-то? Нынче, значит, тае, возьмешь, завтра, значит, возьмешь, – так все их и, тае, переберешь, значит.

Анисья.

Это окромя получай. А деньги все целы.

Аким.

Целы? Как же, тае, целы? Ты бери их, а они, тае, целы. Как же, насыпь, ты, тае, муки, значит, и всё, тае, в рундук, тае, или амбар, да и бери ты оттуда муку-то, – что ж она, тае, цела будет? Это, значит, не тае. Обманывают они. Ты это дознайся, а то обманут они. Как же целы? Ты, тае, бери, а они целы.

Анисья.

Уж я и не знаю. Нам тогда Иван Мосеич присудил. Положите, говорит, деньги в байку – и деньги целее, и процент получать будете.

Митрич (кончил есть).

Это верно. Я у купца жил. У них всё так. Положи деньги да и лежи на печи, получай.

Аким.

Чудно, тae, говоришь ты. Как же, тae, получай, ты, тae, получай, а им, значит, тae, с кого же, тae, получать-то? Деньги-то?

Анисья.

Из банки деньги дают.

Митрич.

Это что? Баба, она раздробить не может. А ты гляди сюда, я тебе все толки найду. Ты помни. У тебя, примерно, деньги есть, а у меня, примерно, весна пришла, земля пустует, сеять нечем, али податишки, что ли. Вот я, значит, прихожу к тебе. Аким, говорю, дай красненькую, а я уберусь с поля, тебе к Покрову отдам да десятину уберу за уваженье. Ты, примерно, видишь, что у меня есть с чего потянуть: лошаденка ли, коровенка, ты и говоришь: два ли, три ли рубля отдай за уваженье, да и всё. У меня òсел на шее, нельзя обойтись. Ладно, говорю, беру десятку. Осенью переверт делаю, приношу, а три рубля ты окроме с меня лупишь.

Аким.

Да ведь это, значит, тae, мужики кривье как-то, тae, делают, коля кто, тae, Бога забыл, значит. Это, значит, не к тому.

Митрич.

Ты погоди. Она сейчас к тому же натрафит. Ты помни. Теперича, значит, ты так-то сделал, ободрал меня, значит, а у Анисьи деньги, примерно, залежные. Ей девать некуда, да и бабье дело – не знает, куда их пределить. Приходит она к тебе; нельзя ли, говорит, и на мои деньги пользу сделать. Что ж, можно, говоришь. Вот ты и ждешь. Прихожу я опять на лето. Дай, говорю, опять красненькую, а я с уважением.... Вот ты и смекаешь: коли шкура на мне еще не ворочена, еще содрать можно, ты и даешь Анисьины деньги. А коли, примерно, нет у меня ни шиша, жрать нечего, ты, значит, разметку делаешь, видишь, что содрать нечего, сейчас и говоришь: ступай, брат, к Богу, а изыскиваешь какого другого, опять даешь и свои и Анисьины пределяешь, того обдираешь. Вот это и значит самая банка. Так она кругом и идет. Штука, брат, умственная.

Аким (разгорячась).

Да это что ж? Это, тae, значит, скверность. Это мужики, тae, делают так, мужики и то, значит, за грех, тae, почитают. Это, тae, не по закону, не по закону, значит. Скверность это. Как же ученые-то, тae...

Митрич.

Это, брат, у них самое любезное дело. А ты помни. Вот кто поглупей, али баба, да не может сам деньги в дело произвесть, он и несет в банку, а они, в рот им ситного пирога с горохом, цапают да этими

денежками и облупляют народ-то. Штука умственная!

Аким (вздыхая).

Эх, посмотрю я, тае, и без денег, тае, горе, а с деньгами, тае, вдвое. Как же так. Бог трудиться велел. А ты, значит, тае, положил в банку деньги, да и спи, а деньги тебя, значит, тае, поваля кормить будут. Скверность это, значит, не по закону это.

Митрич.

Не по закону? Это, брат, нынче не разбирают. А как еще околузывают-то дочиста. То-то и дело-то.

Аким (вздыхает).

Да уж, видно, время, тае, подходит. Тоже сортиры, значит, тае, посмотрел я в городе. Как дошли то есть. Выглажено, выглажено, значит, нарядно. Как трактир исделано. А ни к чему. Всё ни к чему. Ох, Бога забыли. Забыли, значит. Забыли, забыли мы Бога-то, Бога-то. Спасибо, родная, сыт, доволен.

(Вылезают из-за стола; Митрич лезет на печь.)

Анисья (убирает посуду и ест).

Хоть бы отец усовестил, да и сказывать-то стыдно.

Аким.

Чего?

Анисья.

Так, про себя.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Те же и Анютка.

(Анютка входит.)

Аким.

А! умница. Всё хлопочешь! Перезябла, я чай?

Анютка.

И то озябла страсть. Здорово, дедушка.

Анисья.

Ну, что? Тама?

Анютка.

Нету. Только Андриян там из города, сказывал, видел их еще в городе, в трактире. Батя, говорит, пьяный-распьяный.

Анисья.

Есть хочешь, что ли? На вот.

Анютка (идет к печи).

Уж и холодно же. И руки зашлись.

(Аким разувается, Анисья перемывает ложки.)

Анисья.

Батюшка!

Аким.

Чего скажешь?

Анисья.

Что ж, Маришка-то хорошо живет?

Аким.

Ничаво. Живет. Бабочка, тае, умная, смиренная, живет, значит, тае, старается. Ничаво. Бабочка, значит, истовая, и всё, тае, старательная и, тае, покорлива. Бабочка, значит, ничаво, значит.

Анисья.

А что, сказывали, с вашей деревни, Маринкиному мужу родня, нашу Акулину сватать хотели. Что, не слыхать?

Аким.

Это Мироновы? Болтали бабы чтой-то. Да невдомек, значит. Притаманно, значит, не знаю, тае. Старухи что-то сказывали. Да не памятливы я, не памятливы, значит. А что ж, Мироновы, тае, мужики, значит, тае, ничего.

Анисья.

Уж не чаю, как просватать бы поскорее.

Аким.

А что?

Анютка (прислушивается).

Приехали.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Те же и Никита.

(Входит Никита пьяный с мешком и узлом под мышкой и с покупками в бумаге, отворяет дверь и останавливается.)

Анисья.

Ну, не замай их. (Продолжает мыть ложки и не поворачивает головы, когда отворяется дверь.)

Никита.

Анисья, жена! Кто приехал?

(Анисья взглядывает и отворачивается. Молчит.)

Никита (грозно).

Кто приехал? Аль забыла?

Анисья.

Будет форсить-то. Иди.

Никита (еще грознее).

Кто приехал?

Анисья (подходит к нему и берет за руку).

Ну, муж приехал. Иди в избу-то.

Никита (упирается).

То-то, муж. А как звать мужа-то? Говори правильно.

Анисья.

Да ну тебя – Микитой.

Никита.

То-то! Невежа – по отчеству говори.

Анисья.

Акимыч. Ну!

Никита (всё в дверях).

То-то. Нет, ты скажи, фамилия как?

Анисья (смеется и тянет за руку).

Чиликин. Эка надулся!

Никита.

То-то. (Удерживается за косяк.) Нет, ты скажи, какой ногой Чиликин в избу ступает?

Анисья.

Ну, буде – настудишь.

Никита.

Говори, какой ногой ступает? Обязательно сказать должна.

Анисья (про себя).

Надоест теперь. Ну, левой. Иди, что ль.

Никита.

То-то.

Анисья.

Ты глянь-ка, в избе-то кто.

Никита.

Родитель? Что ж, я родителем не гнушаюсь. Родителю могу уважение исделать. Здорово, батюшка. (Кланяется ему и подает руку.) Наше вам почтение.

Аким (не отвечая).

Вино-то, вино-то, значит, что делает. Скверность!

Никита.

Вино? Что выпил? Это окончательно виноват, выпил с приятелем, проздравил.

Анисья.

Иди ложись, что ль.

Никита.

Жена, где я стою, говори.

Анисья.

Ну, ладно, иди ложись.

Никита.

Я еще самовар с родителем пить буду. Ставь самовар. Акулина, иди, что ль.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Те же и Акулина.

Акулина (нарядная, идет с покупками. К Никите).

Ты что ж всё расшвырял? Пряжа-то где?

Никита.

Пряжа? Пряжа там. Эй, Митрич! Где ты там? Заснул? Иди лошадь убери.

Аким (не видит Акулины и глядит на сына).

Что делает-то! Старик, значит, тае, уморился, значит, молотил, а он, тае, надулся. Лошадь убери. Тьфу! Скверность!

Митрич (слезает с печи, обувает валенки).

О, Господи милословый! На дворе лошадь-то, что ль? Уморил, я чай. Ишь, дуй его горой, налокался как. Доверху. О, Господи! Микола угодник. (Надевает шубу и идет на двор.)

Никита (садится).

Ты меня, батюшка, прости. Выпил, это точно, ну, что ж делать? И курица пьет. Так, что ль? А ты меня прости. Что ж, Митрич – он не обижается, он уберет.

Анисья.

Вправду ставить самовар-то?

Никита.

Ставь. Родитель пришел, я с ним говорить хочу, чай пить буду. (К Акулине.) Покупку-то всю вынесла?

Акулина.

Покупку? Свое взяла, а то в саях. Вот это на, не моя. (Кидает на стол сверток и убирает в сундук покупку. Анютка смотрит, как Акулина укладывает; Аким не глядит на сына и убирает онучи и лапти на печь.)

Анисья (уходит с самоваром).

И так полон сундук, – еще закупил.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Аким, Акулина, Анютка и Никита.

Никита (берет на себя трезвый вид).

Ты, батюшка, на меня не обижайся. Ты думаешь, я пьян. Я положительно всё могу. Потому пей, да ума не теряй. Я с тобой, батюшка, сейчас разговаривать могу. Все дела помню. Насчет денег приказывал, лошаденка извелась – помню. Это всё возможно. Это всё у нас в руках. Если бы сумма денег требовалась огромная, тогда можно бы повременить, а то это всё могу! Вот они!

Аким (продолжает возиться с оборками).

Эх, малый, тае, значит, вешний путь, тае, не дорога...

Никита.

Это ты к чему? С пьяным речь не беседа? Да ты не сумлевайся. Чайку попьем. А я всё могу, положительно все дела исправить могу.

Аким (качает головой).

Э, эх–хе–хе!

Никита.

Деньги, вот они. (Лезет в карман, достает бумажник, вертит бумажки, достает десятирублевую.) Бери на лошадь. Бери на лошадь, я родителя не могу забыть. Обязательно не оставлю. Потому родитель. На, бери. Очень просто. Не жалею.

(Подходит и сует Акиму деньги. Аким не берет денег.)

Никита (хватает за руку).

Бери, говорят, когда даю, я не жалею.

Аким.

Не могу, значит, тае, брать и не могу, тае, говорить с тобой, значит. Потому в тебе, тае, образа нет, значит.

Никита.

Не пушу. Бери. (Сует Акиму в руку деньги.)

ЯВЛЕНИЕ X.

Те же и Анисья.

Анисья (входит и останавливается).

Да ты уж возьми. Ведь не отстанет.

Аким (берет, качая головой).

Эх, вино-то! Не человек, значит...

Никита.

Вот так-то лучше. Отдашь – отдать, а не отдашь – Бог с тобой. Я вот как! (Видит Акулину.) Акулина, покажь гостинцы-то.

Акулина.

Чего?

Никита.

Покажь гостинцы.

Акулина.

Гостинцы-то? Что их показывать. Я уж убрала.

Никита.

Достань, говорю: Анютке поглядеть лестно. Покажь, говорю, Анютке. Полушалчик-то развяжи. Подай сюда.

Аким.

О-ох, смотреть тошно! (Лезет на печь.)

Акулина (достаёт и кладет на стол).

Ну на, что их смотреть-то?

Анютка.

Уж хороша же! Эта не хуже Степанидиной.

Акулина.

Степанидиной? Куда Степанидина против этой годится. (Оживляясь и развертывая.) Глянь-ка сюда, доброта-то... Французская.

Анютка.

И ситец же нарядный! У Машутки такой, только тот светлее, по лазоревому полю. Эта страсть хороша.

Никита.

То-то!

(Анисья проходит сердито в чулан, возвращается с трубой и столешником и подходит к столу.)

Анисья.

Ну вас, разложили.

Никита.

Ты глянь-ка сюда!

Анисья.

Чего мне глядеть! Не видала я, что ль? Убери ты. (Смахивает рукой на пол полушальчик.)

Акулина.

Ты что швыряешься?.. Ты своим швыряй. (Поднимает.)

Никита.

Анисья! Мотри!

Анисья.

Чего смотреть-то?

Никита.

Ты думаешь, я тебя забыл. Гляди сюда. (Показывает сверток и садится на него.) Тебе гостинец. Только заслужи. Жена, где я сию?

Анисья.

Будет куражиться-то. Не боюсь я тебя. Что ж, ты на чьи деньги гуляешь да своей жирехе гостинцы купляешь? На мои.

Акулина.

Как же, твои! Украсть хотела, да не пришлось. Уйди, ты! (Хочет пройти, толкает.)

Анисья.

Ты что толкаешься-то? Я те толкану.

Акулина.

Толкану? Ну-ка, сунься. (Напирает на нее.)

Никита.

Ну, бабы, бабы. Буде! (Становится между ними.)

Акулина.

Тоже лезет. Молчала бы, про себя бы знала. Ты думаешь, не знают?

Анисья.

Что знают? Сказывай, сказывай, что знают!

Акулина.

Дело про тебя знаю.

Анисья.

Шлюха ты, с чужим мужем живешь.

Акулина.

А ты своего извела.

Анисья (бросается на Акулину).

Брешешь.

Никита (удерживает).

Анисья! Забыла?

Анисья.

Что стращаешь? Не боюсь я тебя.

Никита.

Вон! (Поворачивает Анисью и выталкивает.)

Анисья.

Куда я пойду? Не пойду я из своего дома.

Никита.

Вон, говорю. И ходить не смей.

Анисья.

Не пойду. (Никита толкает. Анисья плачет, и кричит, цепляясь за дверь.) Что ж это, из своего дома взашей гонят? Что ж ты, злодей, делаешь? Думаешь, на тебя и суда нет. Погоди ж ты!

Никита.

Ну, ну!

Анисья.

К старосте, к уряднику пойду.

Никита.

Вон! говорю. (Выталкивает.)

Анисья (из-за двери).

Удавлюсь!

ЯВЛЕНИЕ XI.

Никита, Акулина, Анютка и Аким.

Никита.

Небось.

Анютка.

О-о-о! Матушка милая, родимая. (Плачет.)

Никита.

Как же, испугался я ее очень. Ты чего плачешь? Придет небось! Поди самовар погляди. (Анютка выходит.)

ЯВЛЕНИЕ XII.

Никита, Аким и Акулина.

Акулина (собирает покупку, складывает).

Ишь, подлая, загваздала как! Погоди ж ты, я ей безрукавку изрежу. Пра, изрежу.

Никита.

Выгнал я ее, ну чего ж ты?

Акулина.

Новую шаль испачкала. Пра, сука, кабы она не ушла, я бельмы-то бы ей повыдрала.

Никита.

Будет серчать. Тебе что серчать–то? Кабы я ее любил?

Акулина.

Любил? Есть кого любить, толстомордую–то. Бросил бы ее тогда, ничего б не было. Согнал бы ее к чорту. А дом все равно мой и деньги мои. Тоже хозяйка, говорит, хозяйка, какая она мужу хозяйка? Душегубка она, вот кто. С тобой то же делает.

Никита.

Ох, бабий кадык не заткнешь ничем. Что болтаешь, сама не знаешь.

Акулина.

Нет, знаю. Не стану с ней жить. Сгоню со двора. Не может она со мной жить. Хозяйка тоже. Не хозяйка она, острожная шкура.

Никита.

Да буде. Чего тебе с ней делить? Ты на нее не гляди. На меня гляди. Я хозяин. Что хочу, то и делаю. Ее разлюбил, тебя полюбил. Кого хочу, того люблю. Моя власть. А ей арест. Она у меня вот где. (Показывает под ноги.) Эх, гармошки нет!

На печи калачи,

На приступке каша,

А мы жить будем

И гулять будем;

А смерть придет,

Помирать будем.

На печи калачи,

На приступке каша...

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Те же и Митрич (входит, раздевается и лезет на печь).

Митрич.

Подрались, видно, опять бабы–то! Поцапались. О, Господи! Микола милословый.

Аким (сидит с краю на печи, достает онучи, лапти и обувается).

Пролезай, пролезай в угол-то.

Митрич (лезет).

Все не разделят, видно. О, Господи!

Никита.

Достань наливку-то. С чаем выпьем.

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Те же и Анютка.

Анютка (входит; к Акулине).

Нянька, самовар уходить хочет.

Никита.

А мать где?

Анютка.

Она в сенцах стоит, плачет.

Никита.

То-то. Зови ее, вели самовар несть. Да давай, Акулина, посуду-то.

Акулина.

Посуду-то? Ну что ж. (Собирает посуду.)

Никита (достает наливку, баранки, селедки).

Это, значит, себе, это бабе пряжа, карасин там в сенях. А вот и деньги. Постой. (Берет счета.) Сейчас смекну. (Кидает.) Мука пшеничная восемь гривен, масло постное... Батюшке 10 рублей. Батюшка! Иди чай пить. (Молчание. Аким сидит на печи и перевивает обору.)

ЯВЛЕНИЕ XV.

Те же и Анисья.

Анисья (вносит самовар).

Куда ставить-то?

Никита.

Ставь на стол. Что, али сходила к старосте? То-то, говори да и откусывай. Ну, будет серчать-то. Садись, пей. (Наливает ей рюмку.) А вот и гостинчик тебе. (Подает сверток, на котором сидел. Анисья берет молча, качая головой.)

Аким (слезает и надевает шубу; подходит к столу, кладет на него бумажку).

На деньги твои. Прибери.

Никита (не видит бумажку).

Куда собрался одемши-то?

Аким.

А пойду, пойду я, значит, простите Христа ради. (Берет шапку и кушак.)

Никита.

Вот-те на! Куда пойдешь-то ночным делом?

Аким.

Не могу я, значит, тае, в вашем доме, тае, не могу, значит, быть, быть не могу, простите.

Никита.

Да куда ж ты от чаю-то?

Аким (подпоясывается).

Уйду, потому, значит, нехорошо, у тебя, значит, тае, нехорошо, Микишка, в доме, тае, нехорошо. Значит, плохо ты живешь, Микишка, плохо. Уйду я.

Никита.

Ну, буде толковать. Садись чай пить.

Анисья.

Что ж это, батюшка, перед людьми стыдно будет. На что ж ты обижаешься?

Аким.

Обиды мне, тае, никакой нет, обиды нет, значит, а только что, тае, вижу я, значит, что к погибели, значит, сын мой, к погибели сын, значит.

Никита.

Да какая погибель? Ты докажь.

Аким.

Погибель—то, погибель, весь ты в погибели. Я тебе летось что говорил?

Никита.

Да мало ты что говорил.

Аким.

Говорил я тебе, тае, про сироту, что обидел ты сироту, Марину, значит, обидел.

Никита.

Эк помянул. Про старые дрожжи не поминать двжды, то дело прошло...

Аким (разгорячась).

Прошло? Не, брат, это не прошло. Грех, значит, за грех цепляет, за собою тянет, и завяз ты, Микишка, в грехе. Завяз ты, смотрю, в грехе. Завяз ты, погруз ты, значит.

Никита.

Садись чай пить, вот и разговор весь.

Аким.

Не могу я, значит, тае, чай пить. Потому от скверны от твоей, значит, тае, гнусно мне, дуже гнусно. Не могу я, тае, с тобой чай пить.

Никита.

И, канителит. Иди к столу—то.

Аким.

Ты в богатстве, тае, как в сетях. В сетях ты, значит. Ах, Микишка, душа надобна!

Никита.

Какую ты имеешь полную праву в моем доме меня упрекать? Да что ж ты в самом деле пристал? Что я тебе мальчик дался, за виски драть! Нынче уж это оставили.

Аким.

Это точно, слышал я нынче, что и тае, что и отцов за бороды трясут, значит, да на погибель это, на погибель, значит.

Никита (сердито).

Живем, у тебя не просим, а ты ж к нам пришел с нуждой.

Аким.

Деньги? Деньги твои вон они. Побираться, значит, пойду, а не тае, не возьму, значит.

Никита.

Да буде. И что серчаешь, кампанию расстраиваешь. (Удерживает за руку.)

Аким (взвизгивает).

Пусти, не останусь. Лучше под забором переночую, чем в пакости в твоей. Тьфу, прости Господи! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Никита, Акулина, Анисья и Митрич.

Никита.

Вот на!

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Те же и Аким.

Аким (отворяет дверь).

Опамятуйся, Микита. Душа надобна. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Никита, Акулина, Анисья и Митрич.

Акулина (берет чашки).

Что ж, наливать, что ль?

(Все молчат.)

Митрич (рычит).

О, Господи, помилуй мя грешного!

(Все вздрагивают.)

Никита (ложится на лавку).

Ох, скучно, скучно, Акулька! Где ж гармошка-то?

Акулина.

Гармошка-то? Ишь, хватился. Да ты ее чинить отдал. Я налила, пей.

Никита.

Не хочу я. Тушите свет... Ох, скучно мне, как скучно! (Плачет.)

Занавес.

—

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА ЧЕТВЕРТОГО ДЕЙСТВИЯ.

Никита.

Матрена.

Анисья.

Анютка.

Митрич.

Соседка.

Кума.

Сват – угрюмый мужик.

Осень. Вечер. Месяц светит. Внутренность двора. В середине сенцы, направо теплая изба и ворота, налево холодная изба и погреб. В избе слышны говор и пьяные крики. Соседка выходит из сеней, манит к себе Анисью куму.

ЯВЛЕНИЕ I.

Кума и соседка.

Соседка.

Чего ж Акулина-то не вышла?

Кума.

Чего не вышла? И рада бы вышла, да недосуг, слышь. Приехали сваты невесту смотреть, а она, матушка моя, в холодной лежит и глаз не кажет, сердечная.

Соседка.

Да что ж так?

Кума.

С глазу, говорит, живот схватило.

Соседка.

Да неужто?!

Кума.

А то что ж. (Шепчет на ухо.)

Соседка.

Ну? Вот грех-то. А ведь дознаются сваты.

Кума.

Где ж им дознаться. Пьяные все. Да больше за приданым гонятся. Легко ли, дадут за девкой-то две шубы, матушка моя, расстегаев шесть, шаль французскую, холстов тоже много что-то да денег, сказывали, две сотни.

Соседка.

Ну, уж это и деньгам не рад будешь. Срамота такая.

Кума.

Шш... Сват никак.

(Замолкают и входят в сени.)

ЯВЛЕНИЕ II.

Сват (один выходит из сеней, икает).

Сват.

Упарился. Жарко страсть. Простудиться маленько. (Стоит, отдувается.) И Бог е знает как... что-то не того, не радуется... Ну, да как старуха...

ЯВЛЕНИЕ III.

Сват и Матрена.

Матрена (выходит из сеней же).

А я смотрю: где сват, где сват? А ты, родной, во где... Ну, что ж, родимый, слава те Господи, всё честь честью. Сватать не хвастать. А я хвастать и не училась. А как пришли вы за добрым делом, так, даст Бог, и век благодарить будете. А невеста-то, ведашь, на редкость. Такой девки в округе поискать.

Сват.

Оно так, да на счет денег не сморгать бы.

Матрена.

А насчет денег не толкуй. Что ей от родителей награждение было, всё при ней. По нонешнему времени, легко ли, три полста.

Сват.

Мы и не обижаемся, а свое детище. Всё как получше хочется.

Матрена.

Я тебе, сват, истинно говорю: кабы не я, в жисть бы тебе не найти. У них от Кормилиных тоже засылка была, уж я застояла. А насчет денег – верно сказываю: как покойник, царство небесное, помирал, так и приказывал, чтоб в дом вдова Микиту приняла, потому мне через сына всё известно, а денежки, значит, Акулине. Ведь другой бы покорыствовался, а Микита всё дочиста отдает. Легко ли, деньжищи какие.

Сват.

Народ болтает, денег больше за ней приказано. Малый-то тоже провор.

Матрена.

И, голубчики белые. В чужих руках ломоть велик; что было, то и дают. Я тебе сказываю, ты все четки брось. Закрепляй тверже. Девка-то какая; как бобочек хорошая.

Сват.

Оно так. Мы одно с бабой мекаем насчет девки-то. Что ж не вышла? Думаем, что ж как хворая?

Матрена.

И, и... Она-то хворая? Да против ней в округе нет. Девка как литая – не ущипнешь. Да ведь ты наемни видел. А работать страсть. С глушинкой она, это точно. Ну, да червоточинка красному яблочку не

покор. А что не вышла–то, это, ведашь, с глазу. Сделано над ней. И знаю, чья сука смастерила. Знали, ведашь, что сговор, ну, и напущено. Да я отговор знаю. Завтра встанет девка. Ты насчет девки не сумлевайся.

Сват.

Да что ж, дело полагено.

Матрена.

То–то, ты уж того, и не пяться. Да меня не забудь. Хлопотала я тоже. Уж ты не оставь...

Голос Бабы из сеней.

Ехать, так ехать, иди, что ли, Иван.

Сват.

Сейчас. (Уходит.)

(Толпятся в сенях, уезжают.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Анисья и Анютка.

Анютка (выбегает из сеней и манит к себе Анисью).

Матушка!

Анисья (оттуда).

Чего?

Анютка.

Мамушка, подь сюда, а то услышат. (Отходит с ней под сарай.)

Анисья.

Ну чего? Где Акулина–то?

Анютка.

Она в амбар ушла. Что она там делает, страсть! Одна дхнуть, нет, говорит, мочи терпеть. Закричу, говорит, на весь голос. Одна дхнуть.

Анисья.

Авось подождет. Дай гостей проводим.

Анютка.

Ох мамушка! Тяжко ей как. Да и серчает. Напрасно, говорит, они меня пропивают. Я, говорит, не пойду замуж, я, говорит, помру. Мамушка, как бы она не померла! Страсть, я боюсь!

Анисья.

Небось, не помрет; а ты не ходи к ней. Иди.

(Анисья и Анютка уходят.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Митрич (один; идет от ворот и принимается подбирать натрушенное сено).

О, Господи, Микола милословый! Винаща-то что выдули. Да и духу же напустили. Аж во дворе воняет. Да нет, не хочу, ну его! Вишь, нашвыряли сено-то! Есть не едят – только копают. Глядишь, вязанка. Дух-то! Ровно под носом. Ну его! (Зевает.) Спать время. Да неохота в избу итти. Так вокруг носу и вьется. Духовита ж, проклятая. (Слышно – уезжают.) Ну, уехали. О, Господи, Микола милословый! Тоже хомутаются, друг дружку околпачивают. А пустое всё.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Митрич и Никита.

Никита (входит).

Митрич! иди, что ли, на печку, я подберу.

Митрич.

Ну что ж; ты овцам кинь. Что ж, проводили?

Никита.

Проводили, да неладно все. Уж и не знаю, как быть.

Митрич.

Эка дерьма! Чего ж тут. На то спитательный. Там кто хошь его вырони, он всё подберет. Давай сколько хошь, не спрашивают. Да еще деньги дают. Только поди в кормилицы. Нынче это просто.

Никита.

Ты, Митрич, мотри, если что, лишнего не болтай.

Митрич.

А мне что. Заметай след, как знаешь. Эка винащем от тебя разит как.

Пойти в избу. (Уходит зевая.) О, Господи!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Никита (долго молчит; садится на сани).

Никита.

Ну, дела!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Никита и Анисья.

Анисья (выходит).

Ты где ж тут?

Никита.

Здесь.

Анисья.

Чего сидишь? Ждать неколи. Сейчас выносить надо.

Никита.

Что ж делать будем?

Анисья.

Я тебе сказывала что. То и делай.

Никита.

Да вы бы в воспитательный, коли что.

Анисья.

Возьми да и неси, коли тебе охота. На пакости-то лаком. А на разделку-то слаб, вижу.

Никита.

Что делать-то?

Анисья.

Говорю, поди в погреб, яму вырой.

Никита.

Да вы бы так как-нибудь.

Анисья (передразнивая его).

Так как-нибудь. Нельзя, видно, так-то. А ты бы загодя думал. Иди куда посылают.

Никита.

Ах, дела, дела!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Те же и Анютка.

Анютка.

Мамушка! Бабка зовет. Должно, у няньки робенок, однова дыхнуть, закричал.

Анисья.

Что брешешь, пралик тебя расшиби. Котята там пищат. Иди в избу да спи. А то я тебя.

Анютка.

Мамушка, милая, пра, ей-Богу...

Анисья (замахивается на нее).

Я тебя! Чтоб духу твоего не слыхала!

(Анютка убегает.)

Анисья (Никите).

Поди, делай, что говорят. А то смотри! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ X.

Никита (один, долго молчит).

Никита.

Ну, дела! Ох, эти бабы. Беда! Ты, говорит, загодя думал бы. Когда загодя думать-то? Когда думать-то? Что ж, летось пристала эта Анисья. Ну, что ж? Разве я монах? Помер хозяин, что ж, я и грех прикрыл, как должно. Тут моей причины нет. Разве мало бывает так-то? А тут порошки эти. Разве я на это склонял ее? Да кабы я знал, я бы ее, суку, убил тогда! Право, убил бы! Участником в этих пакостях сделала, паскудница! И опостылела ж она мне с этого раза. Как мне мать сказала тогда, опостылела, опостылела она мне, не смотрели б на нее глаза. Ну, как с ней жить? И пошло это у нас!.. Стала эта девка вешаться. Что ж мне? Не я, так другой. А оно вон что! Опять-таки

моей причины нет никакой. Ох, дела!.. (Сидит задумавшись.) Смелы ж эти бабы, – что придумали. Да не пойду я на это.

ЯВЛЕНИЕ XI.

Никита и Матрена (с фонарем и скребкой впопыхах выходит).

Матрена.

Ты что ж сидишь, как курица на насесте? Тебе что баба велела? Готовь дело–то.

Никита.

Да вы что ж делать–то будете?

Матрена.

Да мы знаем, что делать. Ты–то свое дело справляй.

Никита.

Запутляете вы меня.

Матрена.

Ты что ж? Али пятиться думаешь? До чего дошло, ты и пятиться.

Никита.

Ведь это какое дело! Живая душа тоже.

Матрена.

Э, живая душа! Чего там, чуть душа держится. А куда его деть–то? Поди, понеси в воспитательный, – всё одно помрет, а помолвка пойдет, сейчас расславят, и сядет у нас девка на руках.

Никита.

А как узнают?

Матрена.

В своем дому да не сделать дела? Так сделаем, что и не попахнет. Только делай, что велю. А то наше дело бабье, тоже без мужика никак нельзя. На–ка скребочку–то, да слезь, да и справь там. А я посвечу.

Никита.

Что справлять–то?

Матрена (шопотом).

Ямку выкопай. А тогда вынесем и живо приберем там. Вон она опять кличет. Иди, что ль! А я пойду.

Никита.

А что ж, помер он?

Матрена.

Известно, помер. Только живей надо. А то народ не полегся. Услышат, увидят, – им всё, подлым, надо. А урядник вечер проходил. А ты вот что. (Подает скребку.) Слезь в погреб–то. Там в уголку выкопай ямку, земля мягкая, тогда опять заровняешь. Земля–матушка никому не скажет, как корова языком слижет. Иди же. Иди, родной.

Никита.

Запутляете вы меня. Ну вас совсем. Право, уйду. Делайте одни, как знаете.

ЯВЛЕНИЕ XII.

Те же и Анисья.

Анисья (из двери).

Что ж, выкопал он, что ли?

Матрена.

Ты что ж ушла? Куда дела–то его?

Анисья.

Веретьем прикрыла. Не слышать будет. Что ж, он выкопал?

Матрена.

Не хочет!

Анисья (выскакивает в бешенстве).

Не хочет! А в остроге вшей кормить хочет?! Сейчас пойду, все уряднику скажу. Пропадать за одно. Сейчас всё скажу.

Никита (оторопевши).

Что скажешь–то?

Анисья.

Что? Всё скажу! Деньги кто взял? Ты! (Никита молчит.) А яду кто давал! Я давала! Да ты знал, знал, знал! С тобой в согласьи была!

Матрена.

Да будет. Ты, Микишка, что костричишься? Ну, что ж делать?
Потрудиться надо. Иди, ягодка.

Анисья.

Ишь ты, чистяк какой! Не хочет! Надругался ты надо мной, да будет.
Поездил ты на мне, да и мой черед пришел. Иди, говорю, а то я то
сделаю!.. На скребку-то, на! Иди!

Никита.

Да ну же; что пристала? (Берет скребку, но жметя.) Не захочу – не
пойду.

Анисья.

Не пойдешь? (Начинает кричать.) Народ! Э-э!

Матрена (закрывает ей рот).

Что ты! Очумела! Он пойдет... Иди, сынок, иди, роженный.

Анисья.

Сейчас караул закричу.

Никита.

Да будет! Эх, народ этот. Да вы живей, что ли. Уж заодно. (Идет к
погребу.)

Матрена.

Да, уж дело такое, ягодка: умел гулять, умей и концы хоронить.

Анисья (всё в волнении).

Измывался он надо мной с висюгой своей! Да будет! Пусть не я одна.
Пусть-ка и он душегубец будет. Узнает каково.

Матрена.

Ну, ну, распалилась. А ты, деушка, не серчай, а потихоньку да
помаленьку, как получше. Иди к девке-то. Он потрудится. (Идет за ним
с фонарем. Никита влезает в погреб.)

Анисья.

Ему и задушить велю отродье свое поганое. (Всё в волнении.)
Измучалась я одна, Петровы кости-то дергаючи. Пускай и он узнает. Не
пожалю себя; сказала, не пожалю!

Никита (из погребца).

Посвети-ка, что ль!

Матрена (светит; к Анисье).

Копают. Иди, неси.

Анисья.

Постой над ним. А то он, подлый, уйдет. А я пойду вынесу.

Матрена.

Мотри, окрестить не забудь. А то я потружусь. Крестик-то есть?

Анисья.

Найду, я знаю как. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Матрена (одна) и Никита (в погребце).

Матрена.

Тоже острабучилась, как баба. Да и то сказать, обидно. Ну, да слава Богу, дай это дело прикроем, и концы в воду. Спихнем девку без греха. Останется сынок жить покойно. Дом, слава Богу, полная чаша. Тоже и меня не забудет. Без Матрены что б они были? Ничего б им не обдумать. (В погреб.) Готово, что ли, сынок?

Никита (вылезает, голова видна).

Чего ж там? Несите, что ль! Что валандаетесь? Делать, так делать.

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Те же и Анисья. (Матрена идет к сеним и встречает Анисью. Анисья выходит с ребенком, завернутым в тряпье).

Матрена.

Что ж, окрестила?

Анисья.

А то как же? Насилу отняла, – не дает. (Подходит и подает Никите.)

Никита (не берет).

Да ты сама снеси.

Анисья.

На, бери, говорю. (Кидает ему ребенка.)

Никита (подхватывает).

Живой! Матушка родимая, шевелится! Живой! Что ж я с ним буду...

Анисья (выхватывает ребенка у него из рук и кидает в погреб).

Задуши скорей, не будет живой. (Сталкивает Никиту вниз). Твое дело, ты и прикончи.

Матрена (садится на приступку).

Жалостлив он. Трудно ему, сердечному. Ну, да что ж! Его грех тоже. (Анисья стоит над погребом. Матрена садится на приступок крыльца, поглядывает на нее и рассуждает.) И-и-и как испужался! Ну, да что ж? хоть и трудно, помимо-то нельзя. Куда денешься-то? Тоже, подумаешь, как другой раз просят детей! Ан, глядь, Бог не дает, всё мертвеньких рожают. Вон хоть бы попадья. А тут не надо его, тут и живой. (Глядит к погребу.) Должно, покончил. (К Анисье.) Ну что?

Анисья (глядя в погреб).

Доской прикрыл, на доску сел. Кончил, должно.

Матрена.

О-ох! И рад бы не грешить, а что сделаешь?

Никита (вылезает, трясется весь).

Жив всё! Не могу! Жив!

Анисья.

А жив, так куда ж ты? (Хочет остановить его.)

Никита (бросается на нее).

Уйди ты! Убью я тебя! (Схватывает ее за руку, она вырывается, он бежит за ней с скребкой. Матрена бросается к нему навстречу, останавливает его. Анисья убегает на крыльцо. Матрена хочет отнять скребку. Никита на мать.) Убью, и тебя убью, уйди! (Матрена убегает к Анисье на крыльцо. Никита останавливается.) Убью. Всех убью!

Матрена.

С испугу это. Ничего, сойдет это с него.

Никита.

Что ж это они сделали? Что они со мной сделали? Пищал как. Как захрустит подо мной. Что они со мной сделали! И жив, всё, право,

жив! (Молчит и прислушивается.) Пищит... Во пищит. (Бежит к погребу.)

Матрена (к Анисье).

Идет, видно зарыть хочет. Микита, тебе бы фонарь.

Никита (не отвечая, слушает у погреба).

Не слышать. Приметилось. (Идет прочь и останавливается.) И как захрустят подо мной косточки. Кр.... кр.... Что они со мной сделали? (Опять прислушивается.) Опять пищит, право, пищит. Что ж это? Матушка, а матушка! (Подходит к ней.)

Матрена.

Что, сынок?

Никита.

Матушка родимая, не могу я больше. Ничего не могу. Матушка родимая, пожалей ты меня!

Матрена.

Ох, напугался же ты, сердечный. Поди, поди. Винца, что ль, выпей для смелости.

Никита.

Матушка родимая, дошло, видно, до меня. Что вы со мной сделали? Как захрустят эти косточки, да как запищит!.. Матушка родимая, что вы со мной сделали! (Отходит и садится на сани.)

Матрена.

Поди, родной, выпей. Оно, точно, ночным делом жутость берет. А дай срок, ободняет да, ведашь, денек-другой пройдет, и думать забудешь. Дай срок, девку отдадим и думать забудем. А ты выпей, выпей поди. Я уж сама приберу в погребе-то.

Никита (встряхивается).

Вино осталось там? Не запью ли?! (Уходит. Анисья, стоявшая всё время у сеней, молча сторонится.)

ЯВЛЕНИЕ XV.

Матрена и Анисья.

Матрена.

Иди, иди, ягодка, а уж я потружусь, полезу сама, закопаю. Скребку-то куда он тут бросил? (Находит скребку, спускается в погреб до

половины.) Анисья, подь-ка сюда, посвети, что ль?

Анисья.

А он-то что ж?

Матрена.

Да напугался больно. Напорно уж больно ты налегла на него. Не замай, опамятуется. Бог с ним, уж я сама потружусь. Фонарь-то поставь тут. Я увижу. (Матрена скрывается в погребу.)

Анисья (на дверь, куда ушел Никита).

Что, догулялся? Широко ты был, теперь погоди, сам узнаешь каково. Пыху-то сбавишь.

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Те же и Никита (выскакивает из сеней к погребу).

Никита.

Матушка, а матушка?

Матрена (высовывается из погреба).

Чего, сынок?

Никита (прислушивается).

Не зарывай, живой он. Разве не слышишь? Живой! Во... пищит. Во, внятно...

Матрена.

Да где ж пищать-то? Ведь ты его в блин расплющил. Всю головку раздребезжил.

Никита.

Что ж это? (Затыкает уши.) Всё пищит! Решился я своей жизни. Решился! Что они со мной сделали?! Куда уйду я?! (Садится на приступки.)

Занавес.

—

ВАРИАНТ.

Вместо явлений XII–XIV, XV и XVI, действия четвертого можно читать следующий вариант.

СЦЕНА 2-я.

Изба 1-го действия.

ЯВЛЕНИЕ I.

Анютка раздетая лежит на коннике под кафтаном, Митрич сидит на хорах и курит.

Митрич.

Ишь, духу-то напустили, в рот им ситного пирога с горохом. Мимо лили добро-то. И табаком не заглушишь. Так в носу и вертит. О, Господи! Спать, видно. (Подходит к лампочке, хочет завернуть.)

Анютка (вскакивает, садится).

Дедушка, не туши, голубчик!

Митрич.

Чего не тушить?

Анютка.

А на дворе-то гомонили как. (Прислушивается.) Слышишь, опять в амбар пошли?

Митрич.

Тебе-то чего? Авось тебя не спрашивают. Ложись, да и спи. А я вот заверну свет. (Завертывает.)

Анютка.

Дедушка, золотой! не гаси совсем. Хоть в мышиный глазок оставь, а то жуть.

Митрич (смеется).

Ну, ладно, ладно. (Присаживается подле нее.) Чего жутко-то?

Анютка.

Как не жутко, дедушка! Нянька как билась. Об рундук головой билась. (Шопотом.) Я ведь знаю... у ней робеночек родиться хочет... Родился уж никак...

Митрич.

Эка егоза, залягай тебя лягушки. Всё тебе знать надо. Ложись, да и спи. (Анютка ложится.) Вот так-то. (Закрывает ее.) Вот так-то. А то много знать будешь, скоро состаришься.

Анютка.

А ты на печку пойдешь?

Митрич.

А то куды ж? То-то глупая, посмотрю я. Всё ей знать надо. (Закрывает ее еще и поднимается итти.) Вот так-то лежи, да и спи. (Идет к печи.)

Анютка.

Разочек крикнул, а теперь не слышать.

Митрич.

О, Господи, Микола милослевый!.. Чего не слышать-то?

Анютка.

Робеночка.

Митрич.

А нет его, так и не слышать.

Анютка.

А я слышала, однова дыхнуть, слышала. Тооненько так.

Митрич.

Много ты слышала. А слышала так, как вот такую-то девчонку, как ты, детосека в мешок посадил, да и ну ее.

Анютка.

Какой такой детосека?

Митрич.

А вот такой самый. (Лезет на печь.) И хороша ж печка нынче, тепла. Любо! О Господи, Микола милослевый!

Анютка.

Дедушка! Ты заснешь?

Митрич.

А то что ж ты думала – песни играть буду? (Молчание.)

Анютка.

Дедушка, а дедушка! Копают! Ей-Богу, копают, в погребу копают, слышь! Однова дыхнуть, копают!

Митрич.

Чего не вздумает. Ночью копают. Кто копает? Корова чешется, а ты – копают! Спи, говорю, а то сейчас свет потушу.

Анютка.

Голубчик, дедушка, не туши. Не буду. Ей-Богу, не буду, однова дыхнуть, не буду. Страшно мне.

Митрич.

Страшно? Ты не бойся ничего, вот и не будет страшно. А то сама боится и страшно, говорит. Как же не страшно, как ты боишься? Эка девчонка глупая какая. (Молчание. Сверчок.)

Анютка (шопотом).

Дедушка! А дедушка! Ты заснул?

Митрич.

Ну, чего еще?

Анютка.

Кака же така детосека?

Митрич.

А вот така. Вот как попадетса такая же, как ты, – не спит, он придет с мешком, да девчонку шварк в мешок, да сам туда же с головой, подымет ей рубашонку, да и ну хлестать.

Анютка.

Да чем же он хлестает?

Митрич.

А веник возьмет.

Анютка.

Да он там не увидит, в мешке-то.

Митрич.

Небось увидит.

Анютка.

А я его укушу.

Митрич.

Нет, брат, его не укусишь.

Анютка.

Дедушка, идет кто-то! Кто это? Ай, матушки родимые! Кто это?

Митрич.

Идет, так идет. Чего ж ты? Мать, я чай, идет.

ЯВЛЕНИЕ II.

Те же и Анисья (входит).

Анисья.

Анютка! (Анютка притворяется, что спит.) Митрич!

Митрич.

Чего?

Анисья.

Что свет-то жжете? Мы в холодной ляжем.

Митрич.

Да вот только убрался. Я потушу.

Анисья (ищет в сундуке и ворчит).

Как надо, его никак и не найдешь.

Митрич.

Да ты чего ищешь-то?

Анисья.

Крест ищу. Окрестить надо. Помилуй Бог, помрет! Некрещеный-то! Грех, ведь!

Митрич.

А то как же, известно, порядок надо... Что, нашла?

Анисья.

Нашла. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Митрич и Анютка.

Митрич.

То-то, а то бы я свой дал. О, Господи!

Анютка (вскакивает и дрожит).

О-о, дедушка! Не засыпай ты, Христа ради. Страшно как!

Митрич.

Да чего страшно-то?

Анютка.

Помрет, должно, робеночек-то? У тетки Арины так же бабка окрестила, — он и помер.

Митрич.

Помрет — похоронят.

Анютка.

Да, может, он бы и не помер, да бабка Матрена тут. Ведь я слышала, что бабка-то говорила, одна дыхнуть, слышала.

Митрич.

Чего слышала? Спи, говорю. Закройся с головой, да и всё.

Анютка.

А кабы жив был, я б его няньчила.

Митрич (рычит).

О, Господи!

Анютка.

Куды ж они его денут?

Митрич.

Туда и денут, куда надо. Не твоя печаль. Спи, говорю. Вот мать придет – она тебя! (Молчание.)

Анютка.

Дедушка! А ту девчонку, ты сказывал, ведь не убили же?

Митрич.

Про ту-то? О, та девчонка в дело вышла.

Анютка.

Как ты, дедушка, сказывал, нашли-то ее?

Митрич.

Да так и нашли.

Анютка.

Да где ж нашли? Ты скажи.

Митрич.

В ихнем доме и нашли. Пришли в деревню, стали солдаты шарить по домам, глядь – эта самая девчонка на пузе лежит. Хотели ее пришить. Да так мне скучно стало, взял я ее на руки. Так ведь не дается. Отяжелела, как пять пудов в ней сделалось; а руками цапается за что попало, не отдерешь никак. Ну, взял я ее, да по головке, по головке. А шаршавая, как еж. Гладить, гладить – затихла. Помочил сухарика, дал ей. Поняла-таки. Погрызла. Что с ней делать? Взяли ее. Взяли, стали кормить да кормить, да так привыкла, с собой в поход взяли, так с нами и шла. Хороша девчонка была.

Анютка.

Что ж, а некрещеная?

Митрич.

А кто е знает. Сказывали, что не вполне. Потому народ ненашенский.

Анютка.

Из немцов?

Митрич.

Эка ты: из немцов. Не из немцов, а азиаты. Они всё равно как жида, а не жида тоже. Из поляков, а азиаты. Крудлы, круглы прозвище им. Да уж забыл я. Девчонку-то мы Сашкой прозвали. Сашка, а хороша была. Ведь вот всё забыл, а на девчонку, в рот ей ситного пирога с

горохом, как сейчас гляжу. Только и помню из службы из всей. Как пороли, помню, да вот девчонка в памяти. Повиснет, бывало, на шее, и несешь ее. Такая девчонка была, что надо лучше, да некуда. Отдали потом. Ротного жена в дочери взяла. И в дело вышла. Жалели как солдаты!

Анютка.

А вот, дедушка, тоже батя, я помню, как помирал. Ты еще не жил у нас. Так он позвал Микиту, да и говорит: прости меня, говорит, Микита... а сам заплакал. (Вздыхает.) Тоже как жалостно.

Митрич.

А вот то-то и оно-то...

Анютка.

Дедушка, а дедушка. Вот опять шумят чтой-то в погребке. Ай, матушки, сестрицы-голубушки! Ох, дедушка, сделают они что над ним. Загубят они его. Махонький ведь он... О-о! (Закрывается с головой и плачет.)

Митрич (прислушивается).

И впрямь что-то пакостят, дуй их горой. А пакостницы же бабы эти! Мужиков похвалить нельзя, а уж бабы... Эти как звери лесные. Ничего не боятся.

Анютка (поднимается).

Дедушка, а дедушка!

Митрич.

Ну, чего еще?

Анютка.

Намедни прохожий ночевал, сказывал, что младенец помрет, – его душка прямо на небу пойдет. Правда это?

Митрич.

Кто е знает, должно так. А что?

Анютка.

Да хоть бы и я померла. (Хнычет.)

Митрич.

Помрешь, из счета вон.

Анютка.

До 10 годов всё младенец, душа к Богу, може, еще пойдет, а то ведь изгадишься.

Митрич.

Еще как изгадишься-то! Вашей сестре как не изгадиться? Кто вас учит? Чего ты увидишь? Чего услышишь? Только гнусность одну. Я хоть немного учен, а кое-что да знаю. Не твердо, а всё не как деревенска баба. Деревенска баба что? Слякоть одна. Вашей сестры в России большие миллионы, а все как кроты слепые, – ничего не знаете. Как коровью смерть опаживать, привороты всякие, да как под насест ребят носить к курам – это знают.

Анютка.

Мамушка и то носила.

Митрич.

А то-то и оно-то. Миллионов сколько баб вас да девок, а все как звери лесные. Как выросла, так и помрет. Ничего не видала, ничего не слыхала. Мужик – тот хоть в кабаке, а то и в зámке, случаем, али в солдатстве, как я, узнает кое-что. А баба что? Она не то что про Бога, она и про пятницу-то не знает толком какая такая. Пятница, пятница, а спроси какая, она и не знает. Так, как щенята слепые ползают, головами в навоз тычутся. Только и знают песни свои дурацкие: го-го, го-го. А что го-го, сами не знают...

Анютка.

А я, дедушка, Вотчу до половины знаю.

Митрич.

Знаешь ты много! Да и спросить с вас тоже нельзя. Кто вас учит? Только пьяный мужик когда вожжами поучит. Только ученья. Уж и не знаю, кто за вас отвечать будет. За рекрутов так с дядьки или с старшого спросят. А за вашу сестру и спросить не с кого. Так, беспастушная скотина, озорная самая, бабы эти. Самое глупое ваше сословие. Пустое самое ваше сословие.

Анютка.

А как же быть-то?

Митрич.

А так и быть. Завернись с головой да и спи. О, Господи!

(Молчание. Сверчок.)

Анютка (вскакивает).

Дедушка! Кричит кто-то, не путем кто-то! Ей-Богу, право, кричит.
Дедушка, милый, сюда идет.

Митрич.

Говорю, с головой укройся.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Те же, Никита и Матрена.

Никита (входит).

Что они со мной сделали? Что они со мною сделали?!

Матрена.

Выпей, выпей, ягодка, винца-то. (Достает вино и ставит.) Что ты?

Никита.

Давай. Не запью ли?

Матрена.

Тише! Не спят ведь. На, выпей.

Никита.

Что ж это? Зачем вы это вздумали? Снесли бы куда.

Матрена (шопотом).

Посиди, посиди тут, выпей еще, а то покури. Оно разобьет мысль-то.

Никита.

Матушка родимая, дошло видно до меня. Как запищит, да как захрустят эти косточки – кр... кр..., не человек я стал.

Матрена.

И-и! Что говоришь несуразно совсем. Оно точно – ночным делом жутость берет, а дай ободняет, денек-другой пройдет, и думать забудешь.
(Подходит к Никите, кладет ему руку на плечо.)

Никита.

Уйди от меня. Что вы со мной сделали?

Матрена.

Да что ты, сынок, в самом деле. (Берет его за руку.)

Никита.

Уйди ты от меня! Убью! Мне теперь всё нипочем. Убью!

Матрена.

Ах, ах, напугался как! Да иди, что ль, спать-то.

Никита.

Некуда мне итти. Пропал я!

Матрена (качает головой)

Ох, ох, пойти убрать, а он обидится, сойдет это с него. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Никита, Митрич, Анютка.

Никита (сидит, закрыв лицо руками. Митрич и Анютка замерли).

Пищит, право пищит, во, во... внятно. Зароет она его, право зароет!
(Бежит в дверь.) Матушка, не зарывай, живой он...

ЯВЛЕНИЕ VI.

Те же и Матрена.

Матрена (возвращаясь, шопотом).

Да что ты, Христос с тобой! И что не примстится. Где же живому быть!
Ведь и косточки-то все раздребезжены.

Никита.

Давай еще вина. (Пьет.)

Матрена.

Иди, сынок. Заснешь теперь, ничего.

Никита (стоит, слушает).

Жив всё... во... пищит. Разве не слышишь? Во!

Матрена (шопотом).

Да нет же!

Никита.

Матушка родимая! Решился я своей жизни. Что вы со мной сделали! Куда уйду я? (Выбегает из избы и Матрена за ним.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Митрич и Анютка.

Анютка.

Дедушка, милый, голубчик, задушили они его!

Митрич (сердито).

Спи, говорю. Ах ты, лягай тебя лягушки! Вот я тебя веником! Спи, говорю.

Анютка.

Дедушка, золотой! Хватает меня кой-то за плечушки, хватает кой-то, лапами хватает. Дедушка, милый, снова дыхнуть, пойду сейчас. Дедушка, золотой, пусти ты меня на печь! Пусти ты меня ради Христа... Хватает... хватает... А-а! (Бежит к печке.)

Митрич.

Ишь натращали девчонку как. То-то пакостницы, лягай их лягушки. Ну! пролезай, что ль.

Анютка (лезет на печь).

Да ты не уходи.

Митрич.

Куда я пойду? Лезь, лезь! О, Господи, Микола угодник, Мать пресвятая Богородица Казанская... Натращали девчонку как. (Прикрывает ее.) То-то дурочка, право дурочка... Натращали, право, паскудницы, в рот им ситного пирога с горохом.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА ПЯТОГО ДЕЙСТВИЯ.

Никита.

Анисья.

Акулина.

Аким.

Матрена.

Анютка.

Марина.

Муж Марины.

1-я девка.

2-я девка.

Урядник.

Извозчик.

Дружко.

Сваха.

Жених Акулины.

Староста.

Гости, бабы, девки, народ на свадьбе.

СЦЕНА 1-я.

Гумно. На первом плане одонье, слева ток, справа сарай гуменный. Открыты ворота сарая; в воротах солома; в глубине виден двор и слышны песни и бубенцы. Идут по дорожке мимо сарая к избе две девки.

ЯВЛЕНИЕ I.

Две девки.

1-я девка.

Вот видишь, как прошли, и полусапожек не замарали, а слободой-то беда! – грязно...

(Останавливаются, отирают соломой ноги.)

1-я девка (глядит в солому и видит что-то).

Это что ж тут?

2-я девка (разглядывает).

Митрич это, работник ихний. Вишь, налился как.

1-я девка.

Да он не пил никак?

2-я девка.

До поднесенного дня, видно.

1-я девка.

Глянь-ка, он, видно, сюда за соломой пришел. Вишь, и веревка в руках, да так и заснул.

2-я девка (прислушивается).

Всё еще величают. Должно, еще не благословляли. Акулина-то, сказывали, и выть не выла.

1-я девка.

Мамушка сказывала, неохотой идет. Ей вотчим пригрозил, а то бы в жисть не пошла. Ведь про нее что болтали!

ЯВЛЕНИЕ II.

Те же и Марина (догоняет девок).

Марина.

Здорово, деушки!

Девки.

Здорово, тетенька!

Марина.

На свадьбу, миленькие?

1-я девка.

Да уж отошла. Так, поглядеть.

Марина.

Покличьте вы моего старика, Семена из Зуева. Знаете, я чай?

1-я девка.

Как не знать? Родня он жениху никак.

Марина.

Как же, племянник моему хозяину–то жених–от.

2–я девка.

Что ж сама не идешь? На свадьбу да не итти.

Марина.

Неохота, деушка, да и недосуг. Ехать надо. Мы не на свадьбу и сбирались. Мы с овсом в город. Покормить остановились, а старика–то моего и зазвали.

1–я девка.

Вы к кому же заехали? К Федорочу?

Марина.

У него. Так я здесь постою, а ты покличь, миленькая, старика–то моего. Вызови, касатка. Скажи: баба твоя, Марина, велела ехать; товарищи запрягают.

1–я девка.

Что ж, ладно, коли сама не пойдешь. (Девки уходят по тропинке ко двору. Слышны песни и бубенцы.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Марина (одна).

Марина (задумывается).

Пойти бы ничего, да неохота, потому не видалась я с ним с той самой поры, как отказался он. Другой год. А взглянула бы глазком, как живет он с своей с Анисьей. Говорят люди – нелады у них. Баба она грубая, характерная. Поминал, я чай, не раз. Позарился на прокладную жизнь. Меня променял. Ну да Бог с ним, я зла не помню. Тогда обидно было. Ах, больно было! А теперь перетерлось на себе – и забыла. А поглядела б его... (Смотрит ко двору, видит Никиту.) Вишь ты! Чего ж это он идет? Али девки ему сказали? Что ж это он от гостей ушел? Уйду я.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Марина и Никита (идет сначала повеся голову и, махая руками, бормочет).

Марина.

Да и сумрачный же какой!

Никита (видит Марину, узнает).

Марина! Друг любезный, Маринушка! Ты чего?

Марина.

Я за стариком за своим.

Никита.

Что ж на свадьбу не пришла? Посмотрела б, посмеялась на меня.

Марина.

Чего ж мне смеяться-то? Я за хозяином пришла.

Никита.

Эх, Маринушка! (Хочет ее обнять.)

Марина (сердито отстраняется).

А ты, Микита, эту ухватку оставь. То было, да прошло. За хозяином пришла. У вас он, что ль?

Никита.

Не поминать, значит, старого? Не велишь?

Марина.

Старое нечего поминать. Что было, то прошло.

Никита.

И не воротится, значит?

Марина.

И не воротится. Да ты что ж ушел-то? Хозяин, да со свадьбы ушел.

Никита (садится на солому).

Что ушел-то? Эх, кабы знала ты да ведала!.. Скучно мне, Марина, так скучно, не глядели б мои глаза. Вылез из-за стола и ушел, от людей ушел, только бы не видать никого.

Марина (подходит к нему ближе).

Что ж так?

Никита.

А то, что в еде не заем, в питье не запью, во сне не засплю. Ах, тошно мне, так тошно! А пуще всего тошно мне, Маринушка, что один я, и не с кем мне моего горя размыкать.

Марина.

Без горя, Микита, не проживешь. Да я свое переплакала – и прошло.

Никита.

Это про прежнее, про старинное. Эх, друг, переплакала ты, а мне вот дошло!

Марина.

Да что ж так?

Никита.

А то, что опостылело мне всё мое житье. Сам себе опостылел. Эх, Марина, не умела ты меня держать, погубила ты меня и себя тоже! Что ж, разве это житье?

Марина (стоит у сарая, плачет и удерживается).

Я на свое житье, Никита, не жалюсь. Мое житье – дай Бог всякому. Я не жалюсь. Покаялась я тогда старику моему. Простил он меня. И не попрекает. Я на свою жизнь не обижаюсь. Старик смирный и желанный до меня; я его детей одеваю, обмываю. Он меня тоже жалеет. Что ж мне жалиться. Так, видно, Бог присудил. А твое житье что ж? В богатстве ты...

Никита.

Мое житье!.. Только свадьбу тревожить не хочется, а вот взял бы веревку, вот эту (берет в руки веревку с соломы), да на перемете вот на этом перекинул бы. Да петлю расправил бы хорошенько, да влез на перемет, да головой туда. Вот моя жизнь какая!

Марина.

Полно, Христос с тобой!

Никита.

Ты думаешь, я в шутку? Думаешь, что пьян? Я не пьян. Меня нынче и хмель не берет. А тоска, съела меня тоска наотделку. Так заела, что ничто–то мне не мило! Эх, Маринушка, только я пожил как с тобой, помнишь, на чугунке ночи коротали?

Марина.

Ты, Микита, не вереди, где наболело. Я закон приняла и ты тож. Грех мой прощенный, а старое не вороши...

Никита.

Что ж мне с своим сердцем делать? Куда деваться-то?

Марина.

Чего делать-то? Жена у тебя есть, на других не зарься, а свою береги. Любил ты Анисью, так и люби.

Никита.

Эх, эта мне Анисья – полынь горькая, только она мне как худая трава ноги оплела.

Марина.

Какая ни есть, – жена. Да что толковать! Поди лучше к гостям да мне мужа покличь.

Никита.

Эх, кабы знала ты все дела... Да что говорить!

ЯВЛЕНИЕ V.

Никита, Марина, муж ее и Анютка.

Муж Марины (выходит от двора красный пьяный).

Марина! Хозяйка! Старуха! Здесь ты, что ль?

Никита.

Вот и твой хозяин идет, тебя кличет. Иди.

Марина.

А ты что ж?

Никита.

Я? Я полежу тут. (Ложится в соломе.)

Муж Марины.

Где ж она?

Анютка.

А вон она, дяденька, дле сарая.

Муж Марины.

Чего стоить? Иди на свадьбу–то! Хозяева велят тебе итти, честь сделать. Сейчас поедет свадьба, и мы пойдем.

Марина (выходит навстречу мужу).

Да неохота было.

Муж Марины.

Иди, говорю. Выпьешь стаканчик. Петруньку шельмеца проздравишь. Хозяева обижаются, а мы во все дела поспеем.

(Муж Марины обнимает ее и шатаясь с ней вместе уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Никита и Анютка.

Никита (поднимается и садится на соломе).

Эх, увидел я ее, еще тошней стало. Только и было жизни, что с нею. Ни за что про что загубил свой век; погубил я свою голову!
(Ложится.) Куда денусь? Ах! Расступись, мать сыра земля!

Анютка (видит Никиту и бежит к нему).

Батюшка, а батюшка! Тебя ищут. Все уже, и крестный, благословили. Однова дыхнуть, благословили. Уж серчают.

Никита (про себя).

Куда денусь?

Анютка.

Ты чего? Чего говоришь–то?

Никита.

Ничего я не говорю. Что пристала?

Анютка.

Батюшка! пойдём, что ль? (Никита молчит. Анютка тянет за руку.)
Батя, иди благословлять–то! Право слово, серчают, ругаются.

Никита (выдергивает руку).

Оставь!

Анютка.

Да ну же!

Никита (грозит ей вожжами).

Ступай, говорю. Вот я тебя.

Анютка.

Так я ж мамушку пришлю. (Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Никита (один).

Никита (поднимается.)

Ну как я пойду? Как я образ возьму? Как я ей в очи гляну? (Ложится опять.) Ох, кабы дыра в землю, ушел бы. Не видали б меня люди, не видал бы никого. (Опять поднимается.) Да не пойду я... Пропадай они совсем. Не пойду. (Снимает сапоги и берет веревку; делает из нее петлю, прикидывает на шею.) Так-то вот.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Никита и Матрена. (Никита видит мать, снимает веревку с головы и ложится опять в солому.)

Матрена (подходит впопыхах).

Микита! А Микита? Вишь ты, и голоса не подает. Микита, что ж ты, аль захмелел? Иди, Микитушка, иди, иди, ягодка. Заждался народ.

Никита.

Ах, что вы со мной сделали? Не человек я стал.

Матрена.

Да чего ты? Иди, родной, честь честью благословенье сделай, да и к стороне. Ждет ведь народ-от.

Никита.

Как мне благословлять-то?

Матрена.

Известно как. Разве не знаешь?

Никита.

Знаю я, знаю я. Да кого благословлять-то буду? Что я с ней сделал?

Матрена.

Что сделал? Эка вздумал поминать! Никто не знает: ни кот, ни кошка, ни поп Ерощка. А девка сама идет.

Никита.

Как идет-то?

Матрена.

Известно, из-под страху идет-то. Да идет же. Да что же делать-то? Тогда бы думала. А теперь ей упираться нельзя. И сватам тоже обиды нет. Смотрели два раза девку-то, да и денежки за ней. Всё шито, крыто.

Никита.

А в погребе-то что?

Матрена (смеется).

Что в погребе? Капуста, грибы, картошки, я чай. Что старое поминать?

Никита.

Рад бы не поминал. Да не могу я. Как заведешь мысль, так вот и слышу. Ох, что вы со мной сделали?

Матрена.

Да что ты в сам деле ломаешься?

Никита (переворачивается ничком).

Матушка! Не томи ты меня. Мне вот по куда дошло.

Матрена.

Да всё ж надо. И так болтает народ, а тут вдруг ушел отец, нейдет, благословлять не насмелится. Сейчас прикладать станут. Как заробеешь, сейчас догадываться станут. Ходи тором, не положат вором. А то бежишь от волка, напхаешься на ведмедя. Пуще всего виду не показывай, не робь, малый, а то хуже вознают.

Никита.

Эх, запутляли вы меня!

Матрена.

Да буде, пойдём. А выдь да благослови; всё как должно, честь честью, и делу конец.

Никита (лежит ничком).

Не могу я.

Матрена (сама с собой).

И что сделалось? Всё ничего, ничего, да вдруг нашло. Напущение, видно. Микитка, вставай! Гляди, вон и Анисья идет, гостей побросала.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Никита, Матрена и Анисья.

Анисья (нарядная, красная, выпивши).

И хорошо как, матушка. Так хорошо, честно! И как народ доволен. Где ж он?

Матрена.

Здесь, ягодка, здесь. В солому лег, да и лежит. Нейдет.

Никита (глядит на жену).

Ишь, тоже пьяная! Гляжу, так с души прет. Как с ней жить? (Поворачивается ничком.) Убью я ее когда-нибудь. Хуже будет.

Анисья.

Вишь куда, в солому забрался. Аль хмель изнял? (Смеется.) Полежала бы я с тобой тут, да неколи. Пойдем, доведу. А уж как хорошо в дом-то! Лестно поглядеть. И гармония! Играют бабы, хорошо как. Пьяные все. Уж так почестно, хорошо так!

Никита.

Что хорошо-то?

Анисья.

Свадьба, веселая свадьба. Все люди говорят, на редкость свадьба такая. Так честно, хорошо всё. Иди же. Вместе пойдем... я выпила, да доведу. (Берет за руку.)

Никита (отдергивается с отвращением).

Иди одна. Я приду.

Анисья.

Чего кауришься-то! Все беды избыли, разлучницу сбыли, жить нам только, радоваться. Всё так честно, по закону. Уж так я рада, что и сказать нельзя. Ровно я за тебя в другой замуж иду. И-и! народ как доволен! Все благодарят. И гости всего хорошие. И Иван Мосеич – тоже и господин урядник. Тоже повеличали.

Никита.

Ну, и сиди с ними, – зачем пришла?

Анисья.

Да и то итти надо. А то к чему пристало? Хозяева ушли и гостей побросали. А гости всё хорошие.

Никита (встает, обирает с себя солому).

Идите, а я сейчас приду.

Матрена.

Ночная–то кукушка денную перекуковала. Меня не послушал, а за женой сейчас пошел. (Матрена и Анисья идут.) Идешь, что ль?

Никита.

Сейчас приду. Вы идите, я следом. Приду, благословлять буду... (Бабы останавливаются.) Идите... а я следом. Идите же! (Бабы уходят. Никита глядит им вслед задумавшись.)

ЯВЛЕНИЕ X.

Никита один, потом Митрич.

Никита (садится, и разувается).

Так и пошел я! Как же! Нет, вы поищите, на перемете нет ли. Распростал петлю да прыгнул с перемета, и ищи меня. И вожжи, спасибо, тута. (Задумывается.) То бы размыкал. Какое ни будь горе, размыкал бы! А то вон оно где – в сердце оно, не вынешь никак. (Приглядывается ко двору.) Никак опять идет. (Передразнивает Анисью.) «Хорошо, и хорошо как! Полежу с тобой!» У! шкуреха подлая! На ж тебе, обнимайся со мной, как с перемета снимут. Один конец. (Схватывает веревку, дергает ее.)

Митрич (пьяный поднимается, не пуская веревку).

Не дам. Никому не дам. Сам принесу. Сказал, принесу соломы – принесу! Микита, ты? (Смеется.) Ах, чорт! Аль за соломой?

Никита.

Давай веревку.

Митрич.

Нет, ты погоди. Послали меня мужики. Я принесу... (Поднимается на ноги, начинает сгрести солому, но шатается, справляется и под конец падает.) Ее верх. Пересилила...

Никита.

Давай вожжи-то.

Митрич.

Сказал, не дам. Ах, Микишка, глуп ты, как свиной пуп. (Смеется.) Люблю тебя, а глуп ты. Ты глядишь, что я запил. А мне черт с тобой! Ты думаешь, ты мне нужен... Ты гляди на меня. Я унтер! Дурак, не умеешь сказать: унтер-офицер гренадерского ея величества самого первого полка. Царю, отечеству служил верой и правдой. А кто я? Ты думаешь, я воин? Нет, я не воин, а я самый последний человек, сирота я, заблудуший я. Зарекся я пить. А теперь закурил!.. Что ж, ты думаешь, я боюсь тебя? Как же! Никого не боюсь. Запил, так запил! Теперь недели две смолить буду, картошку под орех разделаю. До креста пропьюсь, шапку пропью, билет заложу и не боюсь никого. Меня в полку пороли, чтоб не пил я. Стегали, стегали... «Что, – говорят, – будешь?» Буду, – говорю. Чего бояться дерьма-то? Вон он я! Какой есть, такого Бог зародил. Зарекся не пить. Не пил. Теперь запил – пью. И не боюсь никого. Потому не вру, а как есть... Чего бояться, дерьма-то? На-те, мол, вот он я. Мне поп один сказывал. Дьявол – он самый хвастун. Как, говорит, начал ты хвастать, сейчас ты и заробеешь. А как стал робеть от людей, сейчас он, беспятый-то, сейчас и сцапал тебя и попер, куда ему надо. А как не боюсь я людей-то, мне и легко. Начхаю ему в бороду, лопатому-то, – матери его поросятины! Ничего он мне не сделает. На, мол, выкуси!

Никита (крестится).

И что ж это я в самом деле? (Бросает веревку.)

Митрич.

Чего?

Никита (поднимается.)

Не велишь бояться людей?

Митрич.

Есть чего бояться, дерьма-то. Ты их в бане-то погляди. Все из одного теста. У одного потолще брюхо, а то потоньше, только и различки в них. Вона! кого бояться, в рот им ситного пирога с горохом!

ЯВЛЕНИЕ XI.

Никита, Митрич, Матрена (выходит из двора).

Матрена (кличет).

Что, идешь, что ли?

Никита.

Ох! Да и лучше так-то. Иду. (Идет ко двору.)

Занавес.

СЦЕНА 2-я.

Перемена декорации. Изба 1-го действия полна народом, сидящим за столами и стоящими. В переднем углу Акулина с женихом. На столе иконы и хлеб. В числе гостей Марина, муж ее и урядник. Бабы поют песни, Анисья разносит вино. Песни замолкают.

ЯВЛЕНИЕ I.

Анисья, Марина, муж Марины, Акулина, жених, извозчик, урядник, сваха, дружка, Матрена, гости и народ.

Извозчик.

Ехать, так ехать, а церковь разве близко.

Дружка.

А вот дай срок, вотчим благословит. Да где ж он?

Анисья.

Идет. Сейчас идет, миленькие. Кушайте еще по стаканчику, не обижайте.

Сваха.

Что ж долго? Уж с какого времени ждем.

Анисья.

Придет. Сейчас придет. Стриженная девка косы не заплетет, тут будет. Кушайте, миленькие. (Подносит вино.) Сейчас идет. Поиграйте еще, красавицы, пока что.

Извозчик.

Да уж все песни пропели ожидавши.

(Бабы поют. Посередине песни входят Никита и Аким.)

ЯВЛЕНИЕ II.

Те же, Никита и Аким.

Никита (держит Акима за руку и подталкивает вперед себя).

Иди, батюшка, без тебя нельзя.

Аким.

Не люблю я, значит, тае...

Никита (на баб).

Буде, замолчите. (Оглядывает всех в избе.) Марина, ты тут?

Сваха.

Иди, бери образ, благословляй.

Никита.

Погоди, дай срок. (Оглядывается.) Акулина, ты здесь?

Сваха.

Да что ты народ перекликаешь? Где ж ей быть-то? Что он чудной какой...

Анисья.

Батюшки родимые! Да что ж он разутый!

Никита.

Батюшка! ты здесь? Гляди на меня. Мир православный, вы все здесь, и я здесь! Вот он я! (Падает на колени.)

Анисья.

Микитушка, чтой-то ты? О, головушка моя!

Сваха.

Вот на!

Матрена.

Я и говорю: перепил он французского, что ли, много. Опамятуйся, что ты? (Хотят поднять его, он не обращает ни на кого внимания, глядит перед собой).

Никита.

Мир православный! Виноват я, каяться хочу.

Матрена (тащит его за плечо).

Что ты, с ума спятил? Миленькие, у него ум зашелся. Увести его надо.

Никита (отстраняет ее плечом).

Оставь! А ты, батюшка, слушай. Первое дело: Маринка, гляди сюда. (Кланяется ей в ноги и поднимается.) Виноват я перед тобой, обещал тебя замуж взять, соблазнил тебя. Тебя обманул, кинул, прости меня Христа ради ! (Опять кланяется в ноги.)

Анисья.

И чего разлопушился? Не к лицу совсем. Что никто не спрашивает. Встань ты, что озорничаешь?

Матрена.

О-ох, напущено это на него. И что это сделалось? Попорчен он. Встань. Что пустое болтаешь! (Тянет его.)

Никита (мотает головой).

Не тронь! Прости, Марина, грех мой перед тобой. Прости Христа ради.

(Марина закрывается руками, молчит.)

Анисья.

Встань, говорю, что озорничаешь. Вспоминать вздумал. Буде форсить. Стыдно! О, головушка моя! Что это, очумел совсем.

Никита (отталкивает жену, поворачивается к Акулине).

Акулина, к тебе речь теперь. Слушайте, мир православный! Окаянный я. Акулина! виноват я перед тобой. Твой отец не своею смертью помер. Ядом отравили его.

Анисья (вскрикивает).

Головушка моя! Да что он?

Матрена.

Не в себе человек. Уведите ж вы его.

(Народ подходит, хочет взять его.)

Аким (отстраняет руками).

Постой! Вы, ребята, тае, постой, значит.

Никита.

Акулина, я его ядом отравил. Прости меня Христа ради.

Акулина (вскакивает).

Брешет он! Я знаю кто.

Сваха.

Что ты? Ты сиди.

Аким.

О, Господи! Грех–то, грех–то.

Урядник.

Берите его! А старосту пошлите да понятых. Надо акт составить. Встань–ка ты, поди сюда.

Аким (на урядника).

А ты, значит, тае, светлые пуговицы, тае, значит, погоди. Дай он, тае, скажет, значит.

Урядник (Акиму).

Ты, старик, смотри, не мешайся. Я должен составить акт.

Аким.

Экий ты, тае. Погоди, говорю. Об ахте, тае, не толкуй, значит. Тут, тае, Божье дело идет... кается человек, значит, а ты, тае, ахту...

Урядник.

Старосту!

Аким.

Дай Божье дело отойдет, значит, тогда, значит, ты и, тае, справляй, значит.

Никита.

Еще, Акулина, перед тобою грех мой великий: соблазнил я тебя, прости Христа ради! (Кланяется ей в ноги.)

Акулина (выходит из–за стола).

Пусти меня, не пойду замуж. Он мне велел, а теперь не пойду.

Урядник.

Повтори, что сказал.

Никита.

Погодите, господин урядник, дайте досказать.

Аким (в восторге)

Говори, дитяtko, всё говори, легче будет. Кайся Богу, не бойся людей. Бог-то, Бог-то! Он во!..

Никита.

Отравил я отца, погубил я, пес, и дочь. Моя над ней власть была, погубил ее и ребеночка.

Акулина.

Правда это, правда.

Никита.

На погребнице доской ребеночка ее задушил. Сидел на нем... душил... а в нем косточки хрустели. (Плачет.) И закопал в землю. Я сделал, один я!

Акулина.

Брешет. Я велела.

Никита.

Не щити ты меня. Не боюсь я теперь никого. Прости меня, мир православный! (Кланяется в землю.)

(Молчание.)

Урядник.

Вяжите его, свадьба ваша, видно, расстроилась. (Подходит народ с кушаками.)

Никита.

Погоди, поспеешь... (Отцу кланяется в ноги.) Батюшка родимый, прости и ты меня, окаянного! Говорил ты мне спервоначала, как я этой блудной скверной занялся, говорил ты мне: «коготок увяз и всей птичке пропасть», не послушал я, пес, твоего слова, и вышло по-твоему. Прости меня Христа ради.

Аким (в восторге.)

Бог простит, дитяtko родимое. (Обнимает его.) Себя не пожалел, Он

тебя пожалеет. Бог–то, Бог–то! Он во!..

ЯВЛЕНИЕ III.

Те же и староста.

Староста (входит.)

Понярых и здесь много.

Урядник.

Сейчас допрос снимем.

(Никиту вяжут.)

Акулина (подходит и становится рядом).

Я скажу правду. Допрашивай и меня.

Никита (связанный).

Нечего допрашивать. Всё я один сделал. Мой и умысел, мое и дело. Ведите куда знаете. Больше ничего не скажу.

Занавес.

—

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

«ВЛАСТЬ ТЬМЫ».

[ПЛАН ДРАМЫ.]

1 Д[ѣйствие].

1 с[цена]. Петръ старикъ на печи. Акулина жалѣть отца. Акси́нья и Власъ.

2 с[цена]. Катерина, мать Вл[аса]. Видать, счастье для сына –

помреть. Приѣхалъ снимать сына – женить. Не ходи.

3 с[цена]. Акимъ Петра, слѣзаетъ. Петръ не пускаетъ. Акс[инья]. Какъ хочешь. Молчить. Уходить. А[ксинья].

4-я сцена. П[етръ] на печь. Ак[имъ] увѣщаетъ, не согрѣшилъ ли? – В[ласъ] отказывается. Рѣчь о бѣдѣ отъ прелюбодѣянiя. А[кимъ] хвалить Власа.

5-я. Акс[инья] жалуется. Наскучило все возит[ь]ся. Сонные порошки.

6-я. <Дѣвка Марина, упрекаетъ, плачетъ и уходитъ. Не даетъ> тебѣ Б[огъ] счастья.

2 Д[ѣйствiе].

1-я. Петръ. Подають въ чаю ядъ. Она все обдумаетъ. Власъ, живи. Акулина растеть. Уходить.

2 с[цена]. Кат[ерина], Акс[инья]. Все шито–крыто, и такъ бы померь. При немъ не говори, онъ дурашный, мягкослезый.

3-я. Гуляютъ съ Власомъ. Чай, водка.

4-я. Акул[ина]. Прощаться зачалъ. Власъ отходить, рыдаетъ.

5-я. Кат[ерина] Власа уговариваетъ жени[ться].

6. Воетъ и заказываетъ домовище.

3 Д[ѣйствiе].

1 сцена. Акул[ина] и Вл[ась] гуляютъ. Ак[улина]. Брось ее, и все тутъ. Я за ней дѣло знаю. Рассказываетъ.

2 с[цена]. Акс[инья]. Ревность. Онъ ее попрекаетъ. А[ксинья]. Ты со мной была. Ак[улина] вступаетъ. Руготня. Попрекаетъ брюхомъ.

3. Марина съ отцомъ. Вл[ась] пьяный раскаивается. Запутали, пропаль я.

4. Акс[инья] съ Акул[иной]. <Попрекаетъ беременностью> Ак[улину]. Я хозяйинъ. Покорять[ся]. Акс[инья]. Буду жить, не твоя бѣда.

4-е Дѣйств[iе]. Ночь.

1 сцена. Вл[ась] сидить.

2 с[цена]. Акс[инья] входитъ: родила, поди неси. Онъ покорень>.

3 сц[ена]. Акс[инья] одна. Замужъ выдать, сватають. Аниска.

4 сцена. Убилъ. Не человекъ я теперь, себя убью. – Успокаиваетъ.

5. Катер[ина] свахой. Ужь хорошо. Отложить.

6. Власъ въ страхъ виляетъ.

5-е Д[ѣйствіе].

На гумнѣ лежитъ въ соломѣ Аниска.

Марина. Свахой. Я не попрекать. Уйди, <убью. Идетъ за ней>. Сейчасъ приду. Аниска [,] ударяетъ ее. И идетъ.

1 сцена. Сидятъ женихъ съ невѣстой. Не [1 неразобр.] везти въ церковь. Сваты, угощенье, намеки.

2) <Марина съ мужемъ закрываетъ намеки. Посылаютъ Аниску.>

3) Входитъ Власъ. Кается на колѣнахъ. – Вяжите меня. Коготокъ увязъ, и всей птичкѣ пропасть.

Конецъ.

Лица: 1. Петръ домовитый, степенный мужикъ, домъ прежде всего, <обстоятель[ный]>.

2. Акимъ. Бѣднякъ, говорливый, <ласковый, добрый>, по божественному.

3) Катерина – вѣдьма хитрая, хлопотница, скрытная и всѣхъ видитъ.

4) Акс[инья]. <Тѣло животное, чувственная, робка.> Кокетка и не видящая дальше носа.

5) Власъ – работникъ, щеголь, мягкосердечный и забывающійся.

6) Акулина – грубое животное, чувственное и гордое.

7) <Аниска рѣзвая, милая ласковая.>

7) Марина нѣжная, <добр[ая]> покорная.

ВАРИАНТЫ.

* № 1.

Аксинья. Чтоже мнѣ отъ тебя, тетка Катерина, хорониться? Ты всѣ дѣла знаешь. Не стану безъ него жить.

Катерина. Экъ, новости сказала. Тетка Катерина насквозь все видитъ, подь землей на аршинъ видитъ. Новость сказала. Знаю, все знаю, зачѣмъ молодымъ бабамъ сонныхъ порошковъ надоть. Еще принесла. (Разрешаетъ узелокъ платка, достаетъ въ бумагѣ). Вижу, да въ себѣ хороню. (Шепотомъ.) Тоже молода была. Всѣ ухватки знаю, всѣ 77 увертокъ увертываю. Я, думаешь, съ дуракомъ своимъ прѣхала сына брать женить? Какже! Дуру нашли. Кто своему дѣтищу счастья не желаетъ.

Аксинья. Да какже быть, тетушка?

Катерина. А какъ быть, оберну вокругъ пальца, никто не увидитъ. (Шепотомъ.) А вонь глянь ка сюда. Была я у благодѣтеля своего, у фершала, за порошками, онъ мнѣ еще даль снадобья. Это, говорить, такое снадобье, что дать испить, никакого духу нѣтъ, а силу большую имѣеть. И сонъ отъ него, и если постылому давать, такъ примѣтки не будетъ, а слободу даетъ. Рублевку, говорить. Думаю, Михайловнѣ снесу.

Аксинья. Давай сюда.

Катерина. Живой живое и думаетъ. Эхъ, дурья голова, посмотрю я на своего. Заладилъ женить. А того не знаетъ, что сыну Богъ счастье послалъ. Да все отъ Маринки, отъ паскуды. Приходила она, говорить мнѣ, говорить, Андрюха общалъ, смутилъ, говорить, меня. А ее чего смущать? Потаскуха. Въ куфаркахъ въ артели жила. Такъ нѣтъ же, говорить, грѣхъ, говорить. Да только по его не выйдетъ.

* № 2.

Матрена. Ээхъ, дѣвка, не робѣй. Хлопочу я для васъ ужъ какъ, кажется. Всѣ ноженьки отходила. Ты насчетъ это, дѣвка, не сумлѣвайся. Тоже есть благодѣтель у меня – писарь. Я до него вхожа. Была у него, тоже такъ, къ слову, разговорилась. Какъ, говорю, Иванъ Мосеичъ, разсудить дѣло это? Мужикъ богатый, вдовый взялъ, примѣрно, за себя другую жену. И примѣрно только и дѣтей, что дочь отъ той жены да отъ этой. И помри мужъ этотъ. Кому, значить, принадлежитъ домъ? Извѣстно, говорить, дочери. Ну а, говорю, случаемъ войдетъ на вдову въ дворъ мужикъ чужой, женится. Можетъ онъ дочерей замужъ отдать, а самъ во дворѣ остаться? Отдѣлится, говорить, надо дочерей. Кабы, говорить, на дочь вошелъ мужикъ, тогда, говорить, другое дѣло. Всему, говорить, бабушка, дѣлу деньги голова. Съ деньгами, говорить, можно это дѣло оборудовать. И стариковъ, говорить, угостить да

похлопотать, может онъ и на вдову взойти. Все, говорить, можно съ ними сдѣлать, только, говорить, чтобы денежки были. Такъ къ слову поговорили. Такое оно, дѣушка, дѣло, тоже ума надо много. А то гляди, какъ онъ проживетъ, да на дочь, на Акульку то, зятя приметъ. Тогда ты иди съ сумой. Тоже обдумать надо.

Анисья. Онъ и то намеднись говорилъ: кабы Акулькѣ года вышли, принялъ бы на нее зятя, хоть Микитку того жъ. По крайности домъ бы цѣль былъ. То то и скучно, тетушка.

* № 3.

<Марѳа (входитъ). Здорово, тетенька.

Матрена. Здорово, милая. Аль братца провѣдать пришла? Плохъ, дуже плохъ. И съ кровати не сползаетъ. Соборовать бы надо.

Марѳа. Да ты чья же будешь?

Матрена. А я, миленькая, къ сыночку пришла, живетъ тутъ въ работникахъ. Тоже горе. Надо деньжонокъ бы, да не того. Тоже нужда, старикъ плохой, а хлѣбъ дорогой.

Марѳа. Вѣстимо. (Хочетъ пройти.)

Матрена. Я и то говорю – жить бы да жить. П[етръ] И[ванычъ] мужикъ правильный, 2-й годъ сынъ живетъ, онъ насъ не оставляетъ. Такой человекъ – на рѣдкость. Ужъ мы какъ за него Богу молимъ. Да, видно, не доходна молитва наша по грѣхамъ.

Марѳа. Вѣстимо. Пойти къ нему, чего то звалъ. Акулька прибегала.

Матрена. Свой своему поневолѣ братъ, жалко. Такъ то и я, касаточка, скажу тебѣ, росла я сиротой. Ты присядь. Онъ должно, спать, а очнется, онъ тебя покличетъ. Росла я, милая моя, сиротой. Отдали меня замужъ молоденьку. Старикъ попалъ дурашный, да своихъ 8 человекъ было.

Акулина (входитъ съ бѣльемъ, кладетъ белье. Къ Марѳѣ). Пойдемъ къ батюшкѣ.

Матрена. Да вотъ, умница, самоваръ ставить хотѣли, да все недосугъ. Анисья съ хворью сидитъ. Сходи, дѣушка.

Акулина (беретъ ведра). Ну, что жъ, тетка Марѳа, была у него?

Марѳа. Вотъ пришла, съ старушкой разговорилась. Пойти теперь.

(Из избы выбѣгаетъ Анисья съ воемъ «Померь». Матрена подходитъ к ней, подхватываетъ ее и уговариваетъ.)

Анисья (шепотомъ). Я деньги сняла. Вотъ они.

(Акулина съ воемъ бежитъ въ избу. Опять воетъ. Народъ подходитъ и идетъ въ избу, подходитъ къ воротамъ.)

Никита (выходить). Чего?

Матрена. Померь, и деньги сняли.

Никита. Ну васъ совсѣмъ. Еще запутаете въ дѣла.

Матрена. Бери, дуракъ, такъ пропадутъ.

Никита. Помните же, не я взялъ, мнѣ дали. Мнѣ что? Я на огородъ схороню.

Анисья. Бери, народъ идетъ. Я взвою сейчасъ...

Матрена (сыну). У тебя въ рукахъ.

Никита. Помните жъ, не я... (Кладетъ въ голенище и уходитъ въ ворота).>

* № 4.

Никита (береть на себя трезвый видъ). Ты что пришелъ? Али какое дѣло?

Акимъ. Дѣло то дѣло. Да до завтраго и все того.

Никита. Ты думаешь, я пьянь? Я такъ, покуражился, значить. Ты скажи.

Акимъ. Да что тае и все того. Знаешь, работаль я въ городѣ и все того. Работишка ничего, кормимся съ лошаденкой, да пала вотъ подь заговѣнье лошаденка то, и сѣлъ я. Ну, думаю, и все того, перехватить на переверть гдѣ и все того, хоть какую нибудь объегорить. Чтобъ дѣло то не стало, а то взялъ. Думаю, коли что, у тебя съ Анисьей не разживусь ли?

Никита (лѣзетъ въ карманъ, достаетъ бумажникъ, вертитъ бумажки, достаетъ 10 рублевую). Бери. Потому родитель.

Акимъ. Ну, спасибо и все того, я не то что какъ и не то. А вотъ дай получу къ Пасхѣ, я отдамъ.

* № 5.

Акулина. А зачѣмъ ты ее любилъ? Ты бы повременилъ, тогда бы меня взялъ и безъ грѣха бы. А теперь вотъ что.

Никита. Любилъ да разлюбилъ. (Задумывается.) Вѣришь ли, Акуля, какъ узналъ я эти дѣла, какъ мнѣ матушка сказала объ порошкахъ этихъ, опостылѣла она мнѣ, такъ опостылѣла, что не смотрѣли бы мои глаза. А тутъ ты меня полюбила. Эхъ жизнь!

На печи калачи [и т. д.]

* № 6.

Акулина (выходить больная). Анютка! Гдѣ ты?

Анютка (выглядывая). Чего?

Акулина. Посылай ко мнѣ мать.

Анютка. Погоди, провожаютъ.

Акулина. Ай, ай! Что сдѣлалось, что будемъ дѣлать. Смерть моя.

Анисья (вбѣгаетъ). Куда вылѣзла? Уйди ты въ холодную. Дай срокъ.

Акулина. Уѣхали они. что ль?

Анисья. Уѣхали. Иди. Что слоняешься!

Акулина. Матушка, родимая, что дѣлать будемъ.

Анисья. Тогда бы думала. Иди въ избу.

(Уходятъ. Никита выходитъ, затворяетъ ворота и садится на сани, опустивъ голову.)

* № 7.

Матрена (выходить). Что нахохлился? Эхъ, погляжу я на ваше сословіе – плохи вы, мужики, на раздѣлку. Какъ до чего дѣло дойдетъ, и носъ повѣсилъ.

Никита. Да ты чего думаешь? Развѣ я боюсь? Что же, коли ей дѣтища не жаль.

Матрена. Сама велить. Куда жъ ей съ нимъ? Славу сдѣлаетъ – не миновать.

Никита. Такъ чего жъ? Въ немъ и жизни то нѣтъ. Только узнаютъ люди – бѣда.

Матрена. Это не бѣда, а побѣдушка. Сватовъ проводили, имъ въ носъ не вскочили. А теперь то въ своемъ дому да не обдѣлать дѣла этаго? Такъ обдѣлаешь, что и не попахнетъ. Эхъ, умѣй гулять, умѣй концы хоронить. Ты только дѣлай что я прикажу, все шито-крыто будетъ.

Никита. Отстань ты отъ меня, уйду въ трактиръ, дѣлайте какъ знаете.

Матрена. Ты уйдешь, а наше бабье дѣло какже? Ты все мужикъ, да и все. Нѣтъ, ты тутъ посиди. Похоронить надо ребенка то.

Никита. А чтожъ, померъ онъ?

Матрена. Да тамъ видно будетъ.

Никита. Право, уйду.

Матрена. Ты уйди, а тутъ урядникъ придетъ. Онъ тебя найдетъ. И не моги ходить, а ты жди, да скребку возьми, мѣсто приготовь въ погребѣ то. Гдѣ онъ у васъ? Тутъ то поди ямку выкопай. Такъ то.

Никита. Ну да вы живѣе, что ль. Заодно.

Матрена. Ужъ потрудись, а наше дѣло бабье само собой.

Никита. Ну васъ совсѣмъ.

* № 8.

<1-я Дѣвка. Величаютъ. Должно, еще нескоро уѣдутъ.

2-я Дѣвка (соломой обтираетъ ботинки). Невѣсту видѣла? Сарафанъ... и

платокъ. У, хорошо убрана.

1-я Дѣвка. А не веселая что-то сватьба. Пойдемъ же хоть на улицѣ постоимъ, посмотримъ, какъ поѣдутъ. (Идутъ, встрѣчается Акимъ.)

2-я Дѣвка. Что, дѣдушка, благословляютъ, что ль?

Акимъ. А Богъ е знаетъ, дѣушки, я не видѣлъ и все того.

1-я Дѣвушка. Чтожъ такъ? Вѣдь ты родной, чтожъ ты ушелъ.

Акимъ. Мое дѣло такое старое и все того. Не веселитъ. Я нынче ночь то шель, такъ вотъ соснуть хочу.

1-я Дѣвка. Какже благословенье то?

Акимъ. Ну пора, такъ меня и не хватятся. Много и безъ меня и все того. (Садится на солому.) А вы чтоже? Идите, идите, поиграйте, ваше дѣло такое и все того.

(Дѣвушки уходятъ.)

Акимъ. Не глядѣли бѣ мои глаза. Грѣхи то, грѣхи какъ вяжутъ. Тѣфу. Тѣфу, скверность какая. Дочь отдаетъ тоже, а она ему кто? Долго терпитъ Господь-батюшка, да не миновать раздѣлки. Охъ, жаль мнѣ малаго. А что сдѣлаешь, по плечи увязъ, не вывернется. И то соснуть. (Лѣзетъ въ солому, укрывается кафтаномъ.)

Никита (выходитъ изъ двора, идетъ къ гумну и останавливается у тока). Сидѣлъ, сидѣлъ, какъ загорѣлось что въ сердцѣ. Не могу отъ стыда глаза поднять. Не могу, силъ моихъ нѣтъ. Хоть одумаюсь малость. Женихъ то – малый хорошій, смирный. Какъ мнѣ ему въ глаза глядѣть! Эхъ, жистъ. Идетъ кто то. Схоронюсь. (Заходитъ за одонье.)

Анисья (красная, выпившая). Микита, а Микита, гдѣ онъ тутъ схоронился? (Заходитъ за одонье.) Чего хоронишься то? Иди, тебя ждуть. Слава тебѣ, Господи, все покончено. Благословлять надо. Ужъ рада я, рада, Никитушка.

Никита. Не пойду. Погоди, дай срокъ.

Анисья. Да что ты, очумѣль, что ль?

Никита. Не пойду, говорю. Что пристала? (Матрена выбѣгаетъ, подходитъ.) Иди, я приду сейчасъ. Дай мнѣ одуматься.

Анисья. Чудакъ, посмотрю я на тебя. Чего одуматься то? Слава те, Господи, честь честью справили. Всѣ дѣла прикрыли, всѣ грѣхи развязали. Ужъ рада жъ я, Никитушка. Станемъ опять жить по прежнему, только не разлюби ты меня, а я тебя такъ кажется... пуще прежняго.

Никита. Ладно, ладно. Дай посижу тутъ. Сейчасъ приду. Стыдно мнѣ, Анисья.

Анисья. Вона, стыдъ не дымъ, глаза не выѣсть. Чего жъ тебѣ – Марину стыдно, что она сваха то?

Никита. Что мнѣ Марина?

Анисья. Эка раскачалъ мою печаль. Къ тебѣ съ добромъ, а ты съ дерьмомъ. Эхъ, не тужи, заживемъ лучше прежняго.

(Уходить и встречается Матрену. [1] Дѣвки идутъ по тропинкѣ ко двору. Слышны пѣсни и бубенцы.)

Марина (одна задумывается). Подумаешь, судьба развела насъ, и мнѣ за вдовцемъ привелось и ему на вдовѣ. Глядь, онъ дочь отдаетъ въ нашу деревню. Мужу племянникъ. Да и не видалась съ нимъ съ той поры. Не хочу я на сватьбу идти, нечего расшевелить. Что было, то прошло. И за моимъ жить можно. (Смотритъ къ двору, видитъ Никиту). Зачѣмъ это онъ идетъ?>

* № 9.

Анютка (бѣжить к Никитѣ). А тебя ищутъ. Мамушка велѣла идти скорѣе. Благословлять, говорить, пора. Ужъ всѣ поѣзжане давно собрались.

(Никита молчить.)

Анютка. Батюшка, да ты что? Батюшка! Иди, чтоль.

(Молчить.)

Анютка (тянетъ за руки). Батя, иди.

Никита (выдергиваетъ руку). Я приду, Анютка. Дѣдушки нѣтъ, моего отца Акима нѣтъ въ избѣ?

Анютка. Нѣтути. Онъ приходилъ, да не сталъ сидѣть. Онъ кудый то ушелъ. Должно, у Мирошкиныхъ сидитъ.

Никита. Поди ты, сыщи батюшку моего. Скажи, Никита велитъ безпремѣнно приходитъ въ избу. Очень нужно, скажи. Дѣло есть. Слышишь?

Анютка. Ну чтожъ. А ты придешь?

Никита. Приду.

Анютка. Я такъ и мамушкѣ скажу. (Убѣгаетъ.)

* № 10.

Анисья (нарядная, красная, выпившая.) Здѣсь онъ? Чтожь нейдетъ? Али животь схватило?

Матрена. Нѣтъ, а вотъ застыдился, людно, говорить: какъ я послѣ такихъ дѣловъ благословлять буду?

Анисья. Эхъ, на это смотрѣть. Чего стыдиться то? Развѣ мы хуже людей?

Матрена. Не мимо молвится: безъ стыда лица не износишь, какъ платье безъ пятна.

Анисья. Чего скучаешь, Никита? (Трогаетъ рукой.) Все, слава Богу, по закону, по порядку, справили. Ужъ такъ рада я, что и сказать нельзя. Ровно я за тебя другой разъ замужъ иду. Всѣ бѣды избыли, разлучницу сбыли, жить намъ только, радоваться, а ты что? И любить же тебя буду. Иди, желанный. Только за тобой дѣла стали. Иди. (Беретъ за руку. Никита встаетъ.)

Матрена. И впрямь напущено на тебя что. Вѣдь не миновать благословить. Какже безъ этаго? Нельзя.

Никита. Сейчасъ приду, слѣдомъ приду за тобой. Приду, благословлять буду. Идите вы, а я слѣдомъ. Моего батюшку позови, чтобъ онъ тамъ былъ.

Матрена. За нимъ Анютка побѣжала.

Никита. Марина тамъ?

Анисья. На что она тебѣ понадобилась?

Матрена. Всѣ тамъ, народу много.

Никита. Ну и идите, а я слѣдомъ.

* № 11.

Никита (идеть сначала повѣся голову и махая руками и бормочеть). Охъ тошно. Охъ скучно. (Видитъ Марину, узнаеть.) Марина! Ты чего? Чтожь на сватьбу не пришла? Старикъ твой тама. (Подходить вплоть.) Чего пришла? Посмѣяться надо мной пришла? (Валится на солому.) Смѣйся теперь. Теперь топчи меня кто хошь.

Марина. Чего смѣяться то? Я за хозяиномъ пришла. У васъ онъ, чтоль?

Никита. Эхъ, Марина, Марина, другъ любезный, кабы да знала ты да вѣдала, пожалѣла бы ты меня. Маринушка, зазнобушка старинная, садись поговоримъ. (Тянетъ ее къ себѣ.)

Марина (сердито отстраняется). А ты, Микита, эту ухватку оставь. То было да прошло. За хозяиномъ пришла. У васъ онъ, что ль?

Никита. Ахъ, другъ ты мой старинный. Не хочешь меня пожалѣть. Не съ кѣмъ мнѣ мое горе размыкать, одинъ я, какъ персть одинъ, никому то моего горя не надобно.

* № 12.

<Никита (одинъ). Какъ, я ея ребенка убиль да ее благословлять буду? Не могу, не насмѣлюсь, скажу все. А какъ сказать? Нѣтъ, видно не миновать. И возжи тутъ, и переметь здѣся. Такъ тому и быть! Кабы оно, горе то мое, не во мнѣ было, а то въ сердцѣ оно. Никуда не уйду отъ него. И нельзя мнѣ его размыкать. А распросталь петлю да прыгнуль съ перемета то! И нѣтъ меня. И некому сердце сосать. Эхъ, что робѣть, то хуже. (Схватываетъ веревку и, дергая ее, будить Митрича.)

Митричъ (пьяный поднимается изъ соломы. Никита съ ужасомъ смотритъ на него). Вотъ какъ за соломой пошелъ, да и заснулъ. Потомъ осилила. (Хочетъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, но ноги подкашиваются, и онъ падаетъ.) Пересилила! <Осилила. Все одно: пить – умереть, не пить – умереть.> Микита, хозяинъ! Ты чего сюда пришелъ? За соломой? Я самъ принесу. Она осилила, а дай срокъ, и мой верхъ будетъ. Я принесу. Ты не обижайся, что я запиль. Я дай все съ себя пропью, тогда остепенюсь. Микитъ! отдай мнѣ свои сапоги, я ихъ пропью. Ты малый хорошій, только ты [...]

Никита. <На возьми.> Ты чего?

Митричъ. Пропью. Рубаху одну на тѣлѣ оставлю да крестъ. А ты что скучаешь? Ты не скучай, <эка, о чемъ толковать. Дворъ то твой. Дерьмо, дерьмо – невидаль. Все дерьмо, нечего думать. Все одно, что

богаты, что бѣдень, что съ бабой, что съ дѣвкой жить. Что въ острогѣ, что на волѣ – все одно. Вездѣ живутъ, вездѣ мрутъ. Эка дерьмо, сватьяба, ты не тужи. А за сапоги спасибо, пропью у Федорыча. Ты на меня гляди. Зарекся не пить, не стану пить. Анъ выпиль. Выпиль, а мнѣ весело, легко на душѣ. Потому выпиль. А то скучать? Ты чего скучаешь? Гляди на меня. Я радуюсь. Имѣнья у меня крестъ да пуговица, а скотина – тараканъ да жуковица. А вотъ охъ я. <Радуюсь.> Ты думаешь, я кто? Царю вѣрой–правдой служилъ. У меня билетъ царскій за службу, а я и билетъ пропью, ничего не останется. <Потому я заблудящій.> Сирота я, и пожалѣть меня некому, и пить зарекался, опять запиль. Ты помни, заблудящій я, никуда не гожаюсь. Что жъ, я боюсь чего? Ничего не боюсь и радуюсь. Потому люблю тебя. Поцѣлуй меня. Отець! Жалко мнѣ тебя. Какъ жалко! (Плачетъ.) <Жалко! Давай возжи–то, Я снесу.>

Никита. <Бери.> (Швыряетъ веревку). Да не поддамся жъ я тебѣ. Врешь.

<Митричь. Чтожъ сапоги то снялъ? Меня нарядить хочешь? Давай, я пропью. За твое здоровье пропью.>

Никита. <На. (Швыряетъ сапогъ.) Чтожъ, я въ самомъ дѣлѣ, боюсь, что ли, ихъ? Бога не побоялся, а ихъ бояться. Господи, благослови! (Крестится, идетъ по двору.)>

* № 13.

2–я СЦЕНА.

Изба 1–го дѣйствія. Анютка раздѣтая лежитъ на коникѣ подъ кафтаномъ. Митричь сидитъ на хорахъ и курить.

Митричь. Ишь, добро то мимо лили. И табакомъ не заглушишь духъ то. Такъ въ носу и вертитъ. О Господи! Спать, видно. (Подходить къ лампочкѣ, хочетъ завернуть.)

Анютка (вскакиваетъ, сидѣмя трясется). Не туши. Дѣдушка, голубчикъ, миленькій, не туши. Боюсь.

Митричь. Боишься? Чего боишься то? То молодухество. Боишься. Чего боишься?

Анютка. Страшно, дѣдушка.

Митричь. Чего страшно то?

Анютка. Что они тамъ долго?

Митричь. Да должно, тамъ и спать лягутъ.

Анютка. Охъ, дѣдушка, жутко, жутко какъ. Не туши ты ради Христа. Пра, ей Богу, страшно.

Митричь. Вотъ такъ заверну только.

Анютка (ложится и вскакиваетъ). Дѣдушка, дѣдушка! Слышишь? Кричить мамушка какъ. Не туши, голубчикъ миленькій, не туши. (Хватаетъ его за руку.)

Митричь. Ишь, напугали. То-то дурочка, пра дурочка. Ложись.

Анютка (ложится). Не будешь тушить?

Митричь. Вотъ такъ то повернись къ стѣнкѣ да и спи себѣ. (Закрываетъ ее кафтаномъ; медлитъ около нея, прикрывая.) О Господи, Микола милослєвий.

Анютка. А ты на печку пойдешь?

Митричь. А то куды жъ? То то глупая, я посмотрю. Страшно! Ты не бойся, вотъ и не будетъ страшно. (Поднимается.) О Господи, Микола милослєвий.

Анютка (поворачивается). Да какже не бояться то? Вѣдь я знаю. Вотъ и страшно.

Митричь. Только ты не бойся ничего, вотъ и не будетъ страшно. У насъ въ полку, помню, полковникъ былъ здоровенный, долбней, кажется, не убьешь, а какъ до чего коснется въ страженьи, сейчасъ и за кустъ. А то дѣвчонка, такая жъ какъ ты, съ нами ходила, дробленькая была, смотрѣть не на что, а бывало ничего не боится.

Анютка. Чья жъ дѣвчонка то?

Митричь. Дѣвчонка то? Это, братъ, исторія. Ну, полѣзу на печь, а ты спи.

Анютка. А ты Расскажи. (Прислушивается.) Охъ, что то въ погребѣ что то. Охъ, одна дыхнуть, въ погребѣ. Дѣдушка родимый, что это? Охъ, не ходи ты, страшно.

Митричь. Въ погребѣ – въ погребѣ ничего нѣтъ, такъ, корова чешется.

Анютка. Такъ ничего? Такъ дѣвчонка то какая?

Митричь. Какая дѣвчонка то? Походомъ шли мы въ Турціи ли, въ Польшѣ ли – запомятоваль. Кабы ученый, помнилъ бы. Такъ тамъ, помню, народъ такой. Не русскіе они и не нѣмцы, а все равно какъ жидаы. И не жидаы тоже, а, значить, Азіаты. Какъ то зовутъ ихъ чудно какъ то. Забыль ужъ. Круглы, кудры, крудлы. Забыль. Ну вотъ поперли мы ихъ вонъ изъ

деревень. Побили.

Анютка. До смерти?

Митричь. Какихъ до смерти, какихъ такъ. Ну, вотъ пришли въ деревню, а тамъ эта самая дѣвчонка, лежитъ на пузѣ, ореть. Вотъ не помню, гдѣ было дѣло, а дѣвчонку помню, какъ сейчасъ вижу. Такая жъ, какъ ты. Только и помню, какъ пороли, да дѣвчонку помню. Что съ ней дѣлать? Взяли ее. Взяли, стали кормить да кормить, да такъ привыкли, походомъ ее съ собой несли.

Анютка. Чтожъ она не крещеная?

Митричь. Не крещеная, а какая дѣвчонка была улизливая. Такъ на шею тебѣ и вскочить, ластится.

Анютка. Не боялась?

Митричь. Такая смѣлая была, ничего не боится, бывало. Хорошая дѣвчонка была. Отдали потомъ. Ужъ жалѣли какъ солдаты. Хорошая дѣвчонка была.

Анютка. А вотъ, дѣдушка, тоже батя, я помню, какъ помиралъ. Ты еще не жилъ у насъ. Такъ онъ позвалъ Микиту да и говорить: прости меня, говорить, Микита. А самъ заплакалъ. (Вздыхаетъ.) Тоже жалѣлъ меня[2]... (Прислушивается.) Дѣдушка милый, идетъ кто-то.

Митричь. Ну идетъ, чего жъ ты?

* № 14.

<Анютка. Такъ куда жъ дѣвчонка то дѣлась?

Митричь. А я тебѣ про дѣвчонку доложу. Ты помни, дѣвчонка совсѣмъ барышней стала. Тоже довелось видѣть. Лѣтъ 8 или 9 прошло. Въ Кіевѣ стояли. Ротный и встрѣтилъ меня. Узналъ. Что, говорить, помнишь дѣвчонку? Помню. Она, говорить, у меня въ дочеряхъ. Взглянуть бы, говорю. Заходи, говорить. Чтожъ дѣвица какая выравнялась.

Анютка. Чтожъ, хороша?

Митричь. И хороша да и умна. Книжекъ что прочитала. Обучилась. Ласкова, не побрезгивала мной тоже. И деньжонокъ дала.

Анютка. Чему жъ обучена то она?

Митричь. Закону обучена. Все знаетъ и объ христіанской жизни. Умна

какъ.

Анютка. Не то что наши?

Митричь. Во сличила. Та настоящая, какъ попъ все знаетъ. А наша сестра что какая одна изъ десяти пятницу знаетъ, а то и того не слыхала.>

АВТОРСКИЕ ИСПРАВЛЕНИЯ, СДЕЛАННЫЕ В ПЕЧАТНОМ ТЕКСТЕ «ВЛАСТИ ТЬМЫ».

Нижеследующие исправления сделаны рукой Толстого в экземпляре пьесы издания „Сочинения графа Л. Н. Толстого. Власть тьмы, или «Коготок увяз, всей птичке пропасть»“. М. 1887.

Вначале обозначаются страницы и строки экземпляра, в котором были сделаны исправления, рядом же в скобках – страницы и строки настоящего издания.

Действие первое.

Явление VIII.

Стр. 14, строка 5 св. (Стр. 128, строка 24.)

После слов: Да ты чего? добавлено: Тпру, тпру. (Гладит.)

Стр. 16, строка 10 св. (Стр. 130, строка 13.)

После слов: и баба его, значит, любит, добавлено: (Обнимает.)

Явление IX.

Стр. 17, строка 5 св. (Стр. 131, строка 1.)

Слово: нагибается зачеркнуто и вместо него написано: топор у двери

Явление X.

Стр. 17, строка 1 сн. (Стр. 131, строки 18–19.)

клонит исправлено на клонить

Стр. 19, строка 1 сн. (Стр. 133, строка 4.)

велит исправлено на велить

Явление XII.

Стр. 28, строка 11 св. (Стр. 139, строка 23.)

веселит исправлено на веселить

Явление XIII.

Стр. 29, строки 15–16 св. (Стр. 140, строки 19–20.)

Обязался ты с девкой, значит, то есть обязался ты с ней, значит?
исправлено на Обязался ты с девкой, значить, то есть, тае, значить,
с девкой, значить?

Стр. 30, строка 2 (Стр. 141, строка 2.)

Никита! исправлено на Микита!

Явление XVIII.

Стр. 35, строка 3 сн. (Стр. 145, строка 13.)

После слова: Микиту добавлено: (Убегает опять.)

Стр. 36, строка 3 сн. (Стр. 146, строка 11.)

После слова: Анютка добавлено: вбегают.

Стр. 36, строка 2 сн. (Стр. 146, строка 12.)

Слова: глянь–ка! (Глядит в окно.) зачеркнуты.

Стр. 36, строка 1 сн. (Стр. 146, строка 13.)

Слова: она. Я уйду, зачеркнуты и вместо них написано: идет.

Явление XIX.

Стр. 37, строка 5 сн. (Стр. 147, строка 4.)

Слово: позабыть зачеркнуто.

Стр. 38, строка 5 сн. (Стр. 147, строка 30.)

После слов: бить будешь? добавлено: (Близко подставляет ему лицо.)

Стр. 38, строка 4 сн. (Стр. 147, строка 31.)

После слов: Эх, Никита. добавлено: (Молчание.)

Стр. 39, строка 2 св. (Стр. 148, строка 2.)

Слова: что было, то уплыло. зачеркнуты.

Стр. 39, строки 2–4 (Стр. 148, строки 3–4.)

Слова: Берегла я свою честь девичью пуце глаза. Погубил ты меня ни

за что, обманул. Не пожалел сироту. зачеркнуты.

Стр. 39, строки 4–6 (Стр. 148, строки 5–6).

Слова: отрекся от меня. Убил ты меня, да я на тебя зла не держу. Бог с тобой. зачеркнуты.

Действие второе.

Явление VII.

Стр. 48, строка 1 св. (Стр. 153, строка 1.)

После слов: Явление VII. добавлено: Слышен крик.

Явление X.

Стр. 56, строка 7 св. (Стр. 159, строка 18.)

После слова: (Убегает.) добавлено: на ходу повязываясь платком.

Явление XIV.

Стр. 59, строки 8–10 св. (Стр. 162, строки 2–3.)

Сбоку на полях против этих строк с ремаркой добавлено: кнут, кафтан и узда.

Стр. 59, строка 4 св. (Стр. 162, строка 17.)

После слов: Никита подходит добавлено: близко, облакачивается на крыльцо.

Стр. 61, строка 6 св. (Стр. 163, строка 19.)

После слова: Прости добавлено: (Кланяется.)

Стр. 61, строка 12 св. (Стр. 163, строка 25.)

После слова: (Плачет.) добавлено: (Еще кланяется.)

Явление XVIII.

Стр. 67, строка 6 св. (Стр. 168, строка 17.)

Слова: Бумага, известно, зачеркнуты и вместо них написано: Ну да я сразу понял.

Явление XXIV.

Стр. 71, строки 3–4 св. (Стр. 171, строка 14.)

Слова: Народ приходит. зачеркнуты и вместо них написано: Сосед, старик, две бабы.

Стр. 71, строка 5 св. (Стр. 171, строка 15.)

Слова: Один голос из народа. зачеркнуты и вместо них написано: Одна баба.

Действие третье.

Явление III.

Стр. 78, строка 11 св. (Стр. 174, строка 30.)

После слов: Митрич (рычит). добавлено: кашляет.

Явление V.

Стр. 87, строка 5 св. (Стр. 181, строка 30.)

Слово: что ли зачеркнуто и вместо него написано: стали

Стр. 87, строка 8 св. (Стр. 181, строка 32.)

Слова: десятину уберу за уважение. зачеркнуты и вместо них написано: приплачу сколько положишь.

Стр. 87, строка 11 св. (Стр. 182, строка 1.)

Слова: да и всё. зачеркнуты и вместо них написано: бери.

Стр. 87, строка 12 св. (Стр. 182, строки 2–3.)

Слова: беру десятку зачеркнуты.

Стр. 87, строка 2 сн. (Стр. 182, строка 18.)

Слова: жрать нечего, зачеркнуты.

Стр. 88, строки 3–1 сн. и стр. 89, строка 1 св. (Стр. 183, строки 8–11.)

Слова: Да уж, видно, время, тае, подходит, кончая: А ни к чему. Всё ни к чему. сбоку на полях отчеркнуты.

Явление XV.

Стр. 103, строка 11 сн. (Стр. 195, строки 6–7.)

Слова: говори да не откусывай. зачеркнуты.

Действие четвертое.

Явление X.

Стр. 119, строки 11–12 св. (Стр. 205, строки 30–31.)

Слова: Участником в этих пакостях сделала, паскудница! зачеркнуты.
Следующая фраза: И опостылела же она мне с этого раза. – зачеркнута
и затем волнистой линией снизу восстановлена.

Явления XIII–XIV.

Страницы 124–128. (Страницы 209–212.)

Перечеркнуты целиком поперечной чертой.

Вариант последних явлений четвертого действия.

Явление I.

Стр. 131, строки 11–12 св. (Стр. 214, строки 1–2.)

Против слов: Анютка (вскакивает, садится). Дедушка не туши голубчик.
сбоку на полях написано: Спокойно.

Стр. 132, строки 1–3 св. (Стр. 214, строки 11–13.)

Против слов: Анютка. Дедушка, золотой! Не гаси совсем и т. д. сбоку
на полях написано: Спокойно.

Стр. 133, строки 5 и 3 сн. (Стр. 215, строки 22 и 25.)

копают исправлено на копають.

Явление III.

Стр. 138, строки 8–7 сн. (Стр. 219, строка 23.)

После слов: Сашка, а хороша была. добавлено: (Встает, садится).

Явление IV.

Стр. 142, строка 12 св. (Стр. 222, строка 19.)

кр... кр... зачеркнуто.

Действие пятое.

Сцена 1–я.

Явление III.

Стр. 152, строка 1 св. (Стр. 227, строка 25.)

Слова: Меня променял. зачеркнуты.

Явление IV.

Стр. 152, строка 12 св. (Стр. 228, строка 6.)

После слова: узнает добавлено: и подходит.

Стр. 155, строки 9–10 св. (Стр. 230, строки 17–18.)

Слова: Жена у тебя есть, на других не зарься, а свою береги. зачеркнуты.

Явление VI.

Стр. 157, строки 3–4 св. (Стр. 231, строки 28–29.)

Слова: Все уже, и крестный благословили. зачеркнуты и вместо них написано: Уж и жених приехал.

Стр. 157, строка 4 св. (Стр. 231, строка 29.)

Слова: Однова дыхнуть, благословили. исправлены на Однова дыхнуть, приехал.

Явление IX.

Стр. 160, строка 1 сн. (Стр. 235, строка 5.)

Слова: Полежала бы я с тобой тут, да неколи. зачеркнуты.

Стр. 161, стр. 2 св. (Стр. 235, строка 6.)

Слова: И гармония! – зачеркнуты.

Стр. 161, строка 10 сн. (Стр. 235, строки 20–21.)

Слова: И гости всё хорошие. зачеркнуты и вместо них написано: Приходи же благословлять: заждались.

Стр. 162, строки 2–3 св. (Стр. 235, строки 31–32.)

Слова: Матрена. Ночная–то кукушка денную перекуковала. Меня не послушал, а за женой сейчас пошел. зачеркнуты.

Стр. 162, строка 5 св. (Стр. 235, строка 32.)

Слова: Идешь, что ль? зачеркнуты и вместо них написано: Приходи же, касатик. Надо ведь.

Сцена 2–я.

Явление I.

Стр. 165, строка 1 сн. (Стр. 238, строка 18.)

После слов: Уж с какого времени ждем. добавлено: Видано ли дело, и жених приехал.

Явление II.

Стр. 167, строка 2 св. (Стр. 239, строка 11.)

После слов: Да что ж он разутый! добавлено: Народ ахает.

Стр. 167, строки 5–6 св. (Стр. 239, строка 14.)

После слов: Падает на колени. добавлено: Убивец я!

Стр. 167, строки 11–14 св. (Стр. 239, строки 19–29.)

Против этих строк написано: пр[опустить]

Стр. 171, строки 11–12 св. (Стр. 242, строки 27–28.)

Слова: как я этой блудной скверной занялся, говорил ты мне: «коготок увяз, и всей птичке пропасть», зачеркнуты. Предварительно блудней исправлено на блудной.

Явление III.

Стр. 171, строки 4–3 сн. (Стр. 243, строки 3–4.)

Слова: Староста (входит). Понятых и здесь много. – зачеркнуты.

Комментарии Н. К. Гудзия[3]

«ВЛАСТЬ ТЬМЫ».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ, ПЕЧАТАНИЯ И ПОСТАНОВКИ НА СЦЕНЕ «ВЛАСТИ ТЬМЫ».

I.

В основу сюжета «Власти тьмы» легло следующее судебное дело, с которым ознакомил Толстого его близкий знакомый – прокурор Тульского окружного суда Н. В. Давыдов. Крестьянин Тульской губернии Ефрем

Колосков 37 лет, женатый на вдове Марфе Ионовой 50 лет, изнасиловал ее шестнадцатилетнюю дочь от первого брака, свою падчерицу Елену, и в дальнейшем, когда бывал пьян, несмотря на упорное сопротивление девушки, насилием и угрозами принуждал ее к сожительству с собой. Последствием этой связи было рождение ребенка. В своих показаниях на следствии и на суде Колосков об этом и о дальнейших событиях рассказал следующее. Когда Елена забеременела и время родов приближалось, он, чтобы уберечь девушку от позора, решил покончить с ребенком, приказав жене своей Марфе спрятать его в погребе, когда он родится. Ребенок родился 6 ноября 1879 г., и Марфа поступила так, как приказал ей муж. Отправившись в погреб, Колосков долго плакал и, удалив зашедшую туда жену, придавил новорожденного доской. Ночью, подойдя к погребу, он еще слышал плач ребенка, который умер лишь к утру. Вечером Колосков закопал труп у себя в задворке. Елена, бывшая еще в беспамятстве, когда у нее унесли ее ребенка, ничего не знала о случившемся. Марфа хотела было заявить о происшедшем властям, но Колосков заставил ее молчать, угрожая в противном случае покончить с нею.

Через некоторое время Елена была просватана, и 18 января 1880 г. у Колосковых праздновалась свадьба. Когда пришло время жениху и невесте отправиться в церковь, Колосков спрятался в риге, не чувствуя себя в состоянии благословить к венцу девушку, с которой он сожительствовал. Когда же его в риге нашла сестра и привела на улицу, он, упав на колени, сознался перед находившимся тут народом в своем преступлении и стал было откапывать труп убитого им ребенка, но у него для этого не хватило сил. В это время около него находилась его шестилетняя дочь Ефимья, которая не переставая плакала. Любя дочь и подумав о том, что она останется одна без него и будет по нем плакать, он, схватив кол, ударил им ее по голове, чтобы сразу убить ее: «лучше умрет на моих глазах», решил он. Когда Ефимья упала (она не особенно пострадала и осталась жива), Колосков крикнул: «Теперь берите меня».

Непричастность Елены к убийству ребенка была установлена еще на предварительном следствии, и она не была даже привлечена к суду. Что же касается жены Колоскова Марфы, то, вопреки ее заверениям, будто бы она ничего не знала о намерениях своего мужа убить ребенка и узнала об этом только в день всенародного покаяния Колоскова, на суде свидетельскими показаниями было установлено, что убийство ребенка произошло с общего согласия супругов Колосковых. Н. В. Давыдов даже утверждает, что Ефрем Колосков убил ребенка по настоянию жены. 21 октября 1880 г. дело супругов Колосковых слушалось в Тульском окружном суде, и оба они были приговорены к каторжным работам. По словам Н. В. Давыдова, беседовавшего с осужденным Колосковым, он был доволен приговором, видя в нем возможность искупить свое преступление.

Как сообщает Н. В. Давыдов, он, по должности прокурора суда ознакомившись с делом Колосковых, тотчас же сообщил его Толстому, очень им заинтересовавшемуся и дважды видевавшемуся с Ефремом Колосковым. [4]

Сам Толстой в беседе с сотрудником газеты «Новости» Н. Ракшаниным

подтвердил только что сказанное:

«Фабула «Власти тьмы» почти целиком взята мною из подлинного уголовного дела, рассматривавшегося в Тульском суде. Сообщил мне подробности этого дела мой большой приятель, тогдашний прокурор, а теперешний председатель суда Давыдов... В деле этом имелось именно такое же, какое приведено и во «Власти тьмы», убийство ребенка, прижитого от падчерицы, причем виновник убийства точно так же каялся всенародно на свадьбе этой падчерицы...

Отравление мужа было придумано мною, но даже главные фигуры навеяны действительным происшествием. Сцена покаяния в пьесе выражена мною значительно слабее. Прототип Никиты, так же как и в драме, не хотел было итти благословлять молодых, и звать его действительно приходили разные члены семьи. Пришла, между прочим, и девочка – подросток, в роде моей Анютки... Мучимый совестью, виновник преступления, чувствовавший, что у него нет сил итти и благословлять, в озлоблении схватил оглоблю и так ударил девочку, что она упала замертво. Под впечатлением этого нового преступления он решился, охваченный ужасом, на всенародное покаяние... Я не ввел этой сцены, во-первых, в виду сценических условий, а во-вторых, не желая сгущать красок – ужасов в пьесе и без того ведь достаточно... Но когда я увидел «Власть тьмы» на сцене, я понял, что конец ее гораздо сильнее рисовался моему воображению под впечатлением уголовного дела». [5]

Полагаем, что свидание Толстого с Ефремом Колосковым состоялось до апреля 1881 г. За 1880 г. и начальные месяцы 1881 г. дневники Толстого, если они им велись в это время, не сохранились. В дневниках же 1881 г., ведшихся Толстым с апреля этого года, нет упоминаний о встрече с Колосковым. А между тем если бы эта встреча состоялась в это время, она, несомненно, была бы Толстым отмечена в дневниковой записи, так как толстовский дневник 1881 г. как раз отмечает почти исключительно разнообразные встречи и беседы Толстого с крестьянами, странниками и вообще с людьми по своему социальному положению и жизненной судьбе отличными от того круга, в котором жил Толстой.

Знакомство с делом Колоскова и встреча с ним в течение нескольких лет не нашли себе никакого отражения в писаниях Толстого. Замысел драмы на сюжет, в основу которого легло это дело, возник, видимо, не ранее 1886 г. Первое свидетельство о намерении художественно оформить этот бытовой факт, быть может и не в драматической форме, находим в записи сюжетов, сохранившейся на отдельном недатированном листке, хранящемся в АТБ (папка XXXI). Здесь, в числе десяти сюжетов (комедия «Спириты» (будущие «Плоды просвещения»), «Фальшивый купон» и др.) отмечен сюжет, озаглавленный «Месть над ребенком». Полагаем, что за этим заглавием скрывается будущая «Власть тьмы», в которой Анисья, заставляя Никиту убить его ребенка, рассчитывает избавиться от присутствия в доме Акулины, выдав ее замуж, и одновременно отомстить Никите (Ср. слова Анисьи в XII явлении четвертого действия). «Ему и задушить велю отродье свое поганое. Измучалась я одна, Петровы кости–то дергаючи. Пускай и он узнает. Не пожалею себя; сказала, не пожалею». Однако мотив мести не является в драме основным или преобладающим, каким он представлялся Толстому

первоначально, судя по тому, как замысел был озаглавлен.

У нас нет данных для точной датировки указанного листка с записями сюжетов. Косвенные же соображения, основанные на учете записей в нем других сюжетов, заставляют отнести его к 1886 г., без более точного хронологического приурочения.

В августе 1886 г. Толстой, ударившись ногой о грядку телеги, в то время как он нагружал в нее сено, сильно ушибся и около трех месяцев пролежал в постели с рожистым воспалением, грозившим осложниться заражением крови. Во время болезни и вынужденного бездействия он и написал «Власть тьмы».

Есть все основания думать, что толчком для работы над «Властью тьмы» послужило письмо директора московского народного театра «Скоморох» М. В. Лентовского. 31 августа 1886 г. он писал Толстому: «Без посторонней помощи, сам собственными невероятными усилиями я начал строить театр общедоступных и народных представлений. Не ради заискивания, не ради каких-либо корыстных целей, а из какого-то мне самому непонятного чувства, влекущего меня к Вам, я спешу Вас первого известить о предстоящем деле. Веря в Вашу многолюбивую душу, я прошу Вашей нравственной поддержки для моего измученного сердца». В post-scriptum добавлено: «Я истомился, повторяю, я нуждаюсь в поддержке, в освежении моей затурканной, моей больной головы» (АТБ).

Так как с самого начала работы над пьесой Толстой предназначал ее для постановки на сцене народного театра, то и следует полагать, что работа его над пьесой была вызвана желанием пойти навстречу просьбе Лентовского. Что Толстой пьесу обещал в первую очередь именно Лентовскому, явствует из письма последнего к Толстому от 17 февраля 1887 г.: «В виду дошедших до меня слухов, что Ваше последнее драматическое произведение «Власть тьмы» будет разрешено к представлению, я позволю себе просить Вас об уведомлении меня об этом, так как к постановке Вашей драмы на сцене «Скоморох» на Святой неделе, как Вы того желали и как мы на том согласились, я желал бы приступить заблаговременно, в течение великого поста, и теперь же приступить к разучиванию пьесы и подготовке ее обстановочной части» (АТБ).

Однако еще 19 октября 1886 г. Толстой писал Н. Н. Страхову: «Теперь всё еще примериваюсь к работе и всё еще не могу сказать, чтобы напал на такую, какую мне нужно для спокойствия, такую, чтобы поглотила меня всего. Если нужно, то Бог даст» (ИРЛИ).

Около 20 октября 1886 г. в Ясную поляну приехал приятель Толстого А. А. Стахович, театрал, поклонник Островского и очень хороший чтец. Он читал Толстому Островского и Гоголя. Когда через три недели Стахович вновь приехал в Ясную поляну, Толстой, по словам Стаховича, сказал ему: «Как я рад, что вы приехали. Вашим чтением вы расшевелили меня. После вас я написал драму... Или я давно ничего не писал для театра, или, действительно, вышло чудо, чудо!» [6] Таким образом можно думать, что мастерское чтение Стаховичем особенно, вероятно, драмы Островского «Не так живи, как хочется», наиболее любимой Толстым и кое в чем сходной с «Властью тьмы», побудило Толстого не откладывая

приняться за работу над пьесой. Может быть, непосредственно вслед за чтением Стаховича был набросан план драмы (см. выше, стр. 538–539), кстати сказать, написанный ночью [7] (Толстой обычно работал по утрам). В этом плане сразу же были намечены важнейшие эпизоды пьесы и характеры действующих лиц, и притом в основном так, как они сложились и в окончательной редакции «Власти тьмы». Здесь однако еще отсутствует фигура Митрича и несколько второстепенных фигур, в том числе сестры Петра Марфы, кумы-соседки и др., ничего не сказано о покушении Власа на самоубийство, и в пятом действии намечен один эпизод, не разработанный Толстым ни в одной редакции пьесы: «Аниска, ударяет ее». Видимо, эти слова указывают на первоначальное намерение развить в пьесе эпизод покушения на убийство Ефремом Колосковым своей дочери Евфимьи. Дурковатость Акулины не подчеркивается, и она характеризуется как грубое животное, чувственное и гордое. Имена некоторых действующих лиц иные, чем в окончательной редакции.

В записи своего дневника от 25 октября С. А. Толстая отмечает: «Лев Николаевич затевает писать драму из крестьянского быта», а 26 октября она там же записывает: «Левочка написал 1-е действие драмы. Я буду переписывать». [8] На следующий день, 27 октября, она записывает: «Переписала 1-е действие новой драмы Левочки. Очень хорошо. Характеры очерчены удивительно, и завязка полная и интересная. Что-то дальше будет». [9] 30 октября там же записано: «Написано еще 2-е действие драмы. Встала рано и переписала. Вечером переписала вторично. Хорошо, но слишком ровно: нужно бы было больше театрального эффекта, что я и сказала Левочке». [10]

Вскоре после этого С. А. Толстая уехала в Ялту к своей умирающей матери, и ее записи в дневниках были прерваны до марта 1887 г.

4 ноября Толстой, имея в виду работу над драмой, писал Н. Н. Ге: «Начал художественную работу, которая очень меня занимает». [11] Но когда в первых числах ноября А. А. Стахович, приблизительно через три недели после предшествующего посещения Толстого, вновь приехал в Ясную поляну, вся драма начерно была уже готова, и он вместе с другими принял участие в ее переписке (см. рукопись, описанную под № 15). [12] На следующий день драма была переписана, и по просьбе Толстого Стахович прочел ее собравшимся в количестве около сорока человек яснополянским крестьянам. Пятый акт был прочтен самим Толстым. Крестьянами драма не была понята и не произвела на них того впечатления, на которое рассчитывал автор.

14 ноября Толстой писал Н. Н. Страхову: «Я живу очень хорошо, радостно – пишу. Написал пьесу для народных театров» (ИРЛИ). В тот же день он пишет В. Г. Черткову: «Чем я занят? – Написал драму на прелюбодеяние. Кажется хорошо». [13]

Во второй половине ноября Толстой с семьей переехал в Москву, и драма была отдана в печать и в цензуру. 26 ноября С. А. Толстая пишет своей сестре Т. А. Кузминской: «Левочка здоров, гуляет, работает, т. е. пишет; отдал в набор свою драму (издание «Посредника») и в цензуру. Надеемся, что пропустят, и будем ее ставить на народный театр. Это его займет, и я рада» (Архив Т. А. Кузминской в ГТМ).

К этому времени было написано пять актов драмы в редакции, представленной текстом рукописи, описанной под № 20. В процессе работы над рукописями драмы 1-е действие переделывалось 4 раза, 2-е – 5 раз, остальные по 3 раза. Можно думать, что с 1-й по 14-ю рукопись (см. описание рукописей) работа шла так, что вслед за написанием каждый акт немедленно переписывался и исправлялся до начала работы над следующим актом, и лишь начиная с рукописи № 15 драма исправлялась вся целиком. Если принять во внимание, что Толстой исправлял по крайней мере три корректуры драмы (не считая варианта 4-го действия), то пьеса в целом (без варианта 4-го действия) имела не менее семи редакций.

После того как драма была сдана в печать и переслана в цензуру, Толстой, в виду доходивших до него суждений о том, что четвертый акт слишком реалистичен и потому для исполнения на сцене мало пригоден, решил написать вариант последних четырех явлений этого действия. Работа над ним происходила в декабре 1886 г. Этим месяцем рукой С. А. Толстой помечен автограф варианта (см. описание рукописей, № 23). 9–10 декабря Толстой писал Черткову: «Работал я для календаря, а потом драму. Кажется, что я грешил с ней, очень уж ее отделявал. А это не следует, и оттого хуже многое бывает». [14] 18 декабря он писал ему же: «Я вот недели здесь занят поправками, прибавками к драме. Она нравится всем очень». [15] Вариант, после того как он был написан, был трижды исправлен и отдан в печать. (Всего таким образом мы имеем четыре его рукописных редакции: в корректуре он подвергся незначительным исправлениям.)

Творческая работа Толстого над драмой выражалась преимущественно в стилистической ее отделке и исправлении языка действующих лиц. Но не только в этом. Как видно из описания рукописей, фигура Митрича введена была в пьесу не сразу, а лишь в третьей редакции третьего действия, и по мере работы над пьесой она занимала в ней всё большее и большее место. С этой фигурой связан впоследствии и эпизод покушения Никиты на самоубийство, введенный в пьесу не ранее, чем во второй корректуре. В процессе работы введены были и некоторые второстепенные фигуры, в том числе Марфы, сестры Петра, кумы-соседки и др.

Над языком драмы Толстой работал очень упорно, стремясь к максимальной его выразительности и близости к живой народной речи. Особенно это нужно сказать о работе над языком Матрены, вбивавшем в себя всё большее и большее количество колоритных словечек, метких присловий и поговорок. Приведем несколько примеров.

В первом действии (явление V) к словам Петра в рукописи № 15 «Да буде. Чего взбеленилась?» в рукописи № 20 добавлено: «ровно овца круговая?» Так и в печатном тексте.

В том же действии (явление X) слова Матрены в рукописи № 15 «Рассудка нет в нем ничего, а тоже другой раз втемяшит что в башку свою дурацкую, никак не выбьешь» в рукописи № 20 исправлены так: «Ум у него вовсе расхожий, а тоже другой раз заберет что в башку свою дурацкую, как колом подопрет, никак не выбьешь». Так и в печатном

тексте.

В том же действии и явлении слова Анисьи в рукописи № 15 «Думаю, любит он ее» в рукописи № 20 исправлены так: «Думаю, в сердце она у него». Так и в печатном тексте.

Во втором действии (явление XII) в рукописи № 8 Матрена говорит, обращаясь к Петру: «Мое почтение. Старик поклон прислал. Петр Игнатьич, и что ты стал, погляжу на тебя. Не красит, видно, хворь-то. Исчадел, исчадел ты весь, сердечный, погляжу на тебя». В копии этой рукописи (№ 16) эти слова исправлены так: «Здравствуй, благодетель, здравствуй, касатик. Хвораешь, видно, всё. И старик мой как жалеет! Поди, говорит, проведать, поклон прислал. (Еще раз кланяется.) И то посмотрю на тебя, Игнатьич, не по лесу видно, а по людям боль-то ходит. Исчадел, исчадел ты весь, сердечный, погляжу я на тебя. Не красит, видно, хворь-то». Так и в печатном тексте.

Несколько ниже, в том же действии и явлении, слова Матрены в рукописи № 8 «Что же так убиваешься. Бывает, и поднимешься. Так-то вот» – в рукописи № 16 исправлены: «Бог души не вынет, сама душа не выйдет. В смерти и животе Бог волен, Петр Игнатьич. Тоже и смерти не угадаешь. Бывает, и поднимешься. Так-то вот у нас в деревне мужик совсем уж было помирал...» Так и в печатном тексте.

В том же действии (явление XVIII) слова Матрены в рукописи № 8 «Нет, малый, тут ума много надо. Ты думаешь, я тебя забыла? Я все ноженьки исходила, об тебе хлопотала» в рукописи № 16 исправлены так: «Нет, малый, живой живое и думает. А дело загодя припасать надо. Нет. ягодка, тут тоже ума много надо. Ты как думаешь? Я по твоему делу по всем местам толкалась, все ноженьки исходила, об тебе хлопотамши». В дальнейшем здесь исправления сделаны были еще в рукописи № 20, в первой и второй корректуре. В результате в печатном тексте читается: «Эх, сынок! Живой живое и думает. Тут, ягодка, тоже ума надо много. Ты как думаешь, я по твоему делу по всем местам толкалась, все ляжки измызгала, об тебе хлопотамши. А ты, помни, тогда меня не забудь».

В четвертом действии (явление III) слова Матрены в рукописи № 8 «И, и... Она-то хворающая? Да против ней в округе нет. А работать – страсть. Так, что-то над ней сделалось, с глаза, должно, это сделано» в рукописи № 16 исправлены так: «И, и ... Она-то хворающая? Да против ней в округе нет. Девка гладкая – не ущипнешь. А работать – страсть. С глушинкой она – это точно. Ну да червоточина красному яблочку не покор. А что не вышла, это с глазу. Так, что-то над ней сделалось. Сделано над ней». В рукописи № 20 «гладкая» исправлено на «как литая». Во второй корректуре после слов «не ущипнешь» добавлено: «Да ведь ты видел»; перед словами «с глазу» добавлено «ведать». Слова «так, что-то над ней сделалось» зачеркнуты. Так и в печатном тексте.

В том же действии (явление XI) слова Матрены в рукописи № 8 «Что заробел?» в рукописи № 16 исправлены так: «Ты что сидишь, как курица на насесте? Тебе что баба велела? Готовь дело-то». Так и в печатном тексте.

В том же действии (явление XIII) слова Матрены в рукописи № 18 «Тоже озлилась баба» в рукописи № 20 исправлены: «Тоже острабучилась баба». Так и в печатном тексте.

Количество этих примеров может быть сильно умножено.

Идейное наполнение пьесы, главные ее эпизоды и ситуации, а также характеры действующих лиц – всё это в основном не претерпело существенных изменений в процессе работы Толстого над пьесой, если не считать добавления эпизода покушения на самоубийство Никиты и введения нескольких новых действующих лиц, из которых важнейшим является Митрич.

В развитии сюжета драмы Толстой, как сказано выше, отправлялся от судебного дела Колосковых. Оттуда и прототипы четырех персонажей пьесы – Никиты, Анисьи, Акулины и Анютки (Ефрем и Марфа Колосковы, Елена и Ефимья). Но реальные прототипы в их творческой переработке были значительно видоизменены с явным намерением подчеркнуть отрицательные стороны женской натуры. Анисья в пьесе нравственно значительно более отталкивающий тип, чем Марфа Колоскова в жизни, насколько о ней можно судить по судебному делу. Для усиления темных красок в облике Анисьи в пьесу введен эпизод отравления ее первого мужа Петра, не находящий себе никакого соответствия в данных судебного дела. Падчерица Колоскова Елена, несчастная жертва своего отчима, по отзывам свидетелей–крестьян «девушка добрая, смиренная, работающая и ни в чем дурном не замеченная», [16] у Толстого превратилась в дурковатую, злую, грубую и чувственную Акулину, очевидно добровольно вступающую в связь с Никитой. С другой стороны, Никита в пьесе морально выигрывает по сравнению со своим прототипом Ефремом Колосковым. Он не насильник и по существу не злой человек (его Толстой в плане пьесы характеризует даже как мягкосердечного), в то время, как Колосков насилует безответную Елену и по отзывам свидетелей «человек нехороший, нетрезвый и суровый». [17]

Очевидно в интересах романической интриги Толстой уменьшил возраст Анисьи и Никиты по сравнению с возрастом Марфы и Ефрема Колосковых: Анисье тридцать два года (вместо пятидесяти лет Марфы Колосковой) и Никите двадцать (вместо тридцати семи Ефрема Колоскова). Для того чтобы сделать Анютку действующим лицом в пьесе, возраст ее был увеличен сравнительно с возрастом Евфимьи (Анютке десять лет, Евфимье – шесть). Эпизод покушения Колоскова на убийство дочери, судя по плану предполагавшийся для введения в пьесу, не был однако использован Толстым.

Что касается других персонажей пьесы, то некоторые из них несомненно подсказаны были Толстому встречавшимися ему в жизни реальными прототипами.

Так, Н. В. Давыдов вспоминает, что несколько раньше или в то время когда Толстой писал «Власть тьмы», он говорил, что повстречался на шоссе с ехавшим куда-то стариком-крестьянином, с которым вступил в беседу, причем старик этот пленил его своим благодушием и кротостью; крестьянин между прочим рассказал, что нашел выгодную работу отходника. [18] В этом крестьянине нетрудно усмотреть прототип Акима.

А. К. Черткова, записывая следующие слова Толстого, вспоминает свою беседу с ним в середине декабря 1886 г., в связи с его тогдашней работой над вариантом четвертого действия, вызванной тем, что литераторы и театралы находили четвертое действие слишком грубым, бьющим на нервы: «Ну что же, может это и правда... Так вот я думал, чем бы заменить помягче, чтобы не так шокировать их деликатные нервы... ну, и увлекся. Вспомнил тип отставного солдата, забавный был такой старик!...»[19] Здесь речь идет о Митриче, фигура которого, судя по этим словам и по исправлениям и дополнениям в корректуре пятого действия, уже в самом конце работы над пьесой была сильно развита по сравнению с тем, что сделано было вначале. Образ Митрича – теперь отставного солдата, добродушного словоохота, в котором неожиданно прорвалась его натура пропойцы и беспечного забулдыги, которому Толстой до известной степени усвоил функции хора древне-греческой трагедии, – этот образ получил свое оформление сначала в работе над вариантом конца четвертого действия, затем в работе над корректурой пятого действия.[20]

II.

Драма Толстого, поступив в цензуру, встретила там на первых порах сопротивление. 17–18 декабря Толстой писал Н.Н. Ге-старшему: «Дело печатания затихло от цензуры. Всё марают.[21] Тогда же в цитированном уже письме к Черткову он пишет: «Так цензура нас совсем хочет заструнить. Надеюсь, что вас это не огорчает, меня несколько... Я хотел было, чтобы играли ее на народном театре у Лентовского, но боюсь, что не придется от цензуры театральной, хотя в драме ничего нет нецензурного».[22]

Судя по воспоминаниям кн. Д. Д. Оболенского, драма Толстого первоначально была направлена в московскую духовную цензуру, которая отнеслась к ней крайне сурово. Д. Д. Оболенский рассказывает следующее. В бытность его в Петербурге зимой 1886 г. (или 1887 г., добавляет Д. Д. Оболенский, явно ошибаясь) он повстречался с публицистом С. С. Татищевым, сообщившим ему, что артистка Александринского театра М. Г. Савина усиленно ищет пьесу для своего бенефиса и ничего подходящего не находит. Оболенский рассказал Татищеву о новой пьесе, написанной Толстым, и тут же обратился к Толстому по телеграфу с просьбой разрешить постановку пьесы в бенефис Савиной. На следующий день от Толстого был получен телеграфный ответ приблизительно следующего содержания: «Согласен, буду очень рад, только чтобы мне денег за это не получать». Вслед за этим Оболенский поехал в Москву с намерением выслать оттуда отпечатанный или написанный от руки экземпляр драмы, не имевшей еще заглавия. Так как у Толстого под руками не было ни одного ее экземпляра, то он вместе с Оболенским отправился в типографию И. Д. Сытина, где драма печаталась. Но в типографии ему сообщили, что духовная цензура вернула перечеркнутый экземпляр пьесы, уведомив,

что пьеса ни под каким видом пропущена не будет. После этого перечеркнутый цензурой экземпляр был переслан Оболенским в Петербург Татищеву, сам же Оболенский решил в Петербурге добиваться отмены цензурного запрещения пьесы. [23]

В письме от 20 декабря М. Г. Савина благодарила Толстого за согласие, полученное ею через Оболенского, и просила через него же переслать ей рукопись драмы, обещая взять на себя хлопоты перед общей и театральной цензурой (АТБ). В ответ на это письмо Толстой в декабре же писал ей: «Посылаю вам, Марья Гавриловна, свою пьесу. Очень желал бы, чтобы она вам понравилась. Боюсь, что она покажется петербургской публике и вам слишком грубою. Четвёртый акт с того листа, где отчеркнуто красным карандашом, мною изменён. Вариант этот, если не будет готов нынче печатный, то я пришлю его вам завтра. Всё, что найдет нужным театральная цензура изменить, чтобы смягчить, я на всё согласен, если такие изменения будут одобрены А. А. Потехиным, которому я вполне доверяю. Роль ваша мне представляется Марина». [24]

27 декабря А. А. Стахович писал Толстому: «Сию минуту вернулся от Савиной, которая сегодня едет в Москву, единственно чтоб переговорить с Вами и ранее моего письма объяснить Вам, что, по сложившимся обстоятельствам, она не может взять на свой бенефис «Власть тьмы» (кажется, власть тьмы ополчается на вашу пьесу)»... (АТБ).

2 Января 1887 от Савиной была получена телеграмма, в которой она сообщала о том, что пьеса запрещена не только для театра, но и для печати. [25] Толстой в это время гостил у А. В. Олсуфьева в его имении Никольском. С. А. Толстая в связи с телеграммой Савиной написала начальнику главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову недоумевающее письмо, в ответ на которое Феоктистов в письме к С. А. Толстой от 9 января, ничего не говоря о запрещении пьесы для печати и не предвещая вопроса о том, будет ли она разрешена для постановки на сцене, высказал свой личный взгляд на пьесу и, между прочим, писал: «Пьеса должна произвести самое удручающее впечатление на публику; в ней изображался целый ряд прелюбодеяний и убийств, в высшей степени возмутительных. Действующие лица говорят языком невозможным по своему цинизму; не только отдельные сцены, но весь четвёртый акт таков, что – полагаю – никогда и нигде в мире не появлялось на сцене ничего подобного... Надо иметь железные нервы, чтобы вынести всё это» (АТБ).

Толстой, извещённый женой о судьбе драмы, отнёсся вполне спокойно к цензурным неприятностям. 7 января он писал ей: «А ты не слишком ли разлетелась на Феоктистова? Главное, не надо сердиться, а ещё лучше – вовсе не заботиться». [26] В тот же день он писал Черткову: «Нынче получил письмо от Стаховича [27] и от жены и статью в «Новом времени» [28] – всё о драме. Чуть-чуть опять не впал в малодушество; но как-то в более серьёзном духе здесь и остаюсь равнодушным и вполне уверенным, что в «Посреднике» она пройдёт, что, главное, желательно». [29]

Хлопоты перед цензурой взял на себя В. Г. Чертков. Он старался

ознакомить с драмой возможно большее количество влиятельных лиц из светского общества, могущих в благоприятном для судьбы драмы смысле повлиять на цензурные сферы. С этой целью по просьбе Черткова А. А. Стахович читал драму в различных великосветских салонах, и сам Чертков при посредстве своей матери старался добиться положительного отношения к драме со стороны министра двора гр. И. М. Воронцова–Дашкова, царя и царицы.

Из письма Черткова к Толстому от 2 января, так же как и из цитированного письма Феоктистова к С. А. Толстой от 9 января, явствует, что гр. Татищев, который представил Феоктистову полученный им от Савиной экземпляр драмы, ходатайствовал лишь о разрешении её постановки на сцене. Феоктистов, по словам Черткова, сам взялся цензурировать драму, видимо для театра, и сделал такие поправки, при которых первоначальная редакция 4–го действия совсем кастрирована, но вариант и всё остальное не испорчено. Все резкие ругательства, в роде «пес», вычеркнуты; место о банке всё обчерчено (письмо Черткова к Толстому от 2 января 1887 г., АТБ).

10 января Чертков писал Толстому: «Много хлопотал по поводу драмы, устраивал чтения её со Стаховичем ради противодействия распушенным невыгодным слухам. Стахович мне говорил, что он вам писал про эти чтения. Читали у графини Шуваловой, княгини Паскевич и графини А. А. Толстой. [30] Везде она произвела самое прекрасное и сильное впечатление, и результат этих чтений уже проявляется. Сегодня мать была у императрицы, которая ей сказала, что сначала она слышала про эту драму дурное, а теперь её очень хвалят. Государь хочет её прочесть, и ко мне обращались за экземпляром для него. Между тем я просил Кузминского передать её Феоктистову, и он должен был это сделать сегодня; но я ещё не знаю результата». В приписке к этому письму, сделанной 11 января, Чертков пишет: «Кузминский мне сегодня сообщил, что Феоктистов обещался разрешить драму для печати, и с вариантом, и в первоначальной форме. На этих днях мы получим официально разрешенный экземпляр. Завтра будет чтение драмы у Кузминских, и Феоктистов придёт. Надеюсь, что он принесёт разрешенную драму» (АТБ).

13 января драма была разрешена к печати без всяких цензурных изъятий, за исключением лишь эпиграфа из «Евангелия». Об этом Феоктистов известил С. А. Толстую в письме от 14 января, в котором писал: «Во всей пьесе не вычеркнуто ни одного слова. Из этого вы изволите видеть, что мы ничего не имеем против появления пьесы в печати, но имеем очень многое против постановки ее на сцене» (АТБ).

А. А. Стахович в письме к С. А. Толстой так объясняет тот факт, что «Власть тьмы» была разрешена цензурой в народном издании, каким являлся «Посредник»: «Феоктистов объявил Черткову, что не может разрешить напечатать в «Посреднике» эту пьесу. Чтобы доказать, что напечатать ее можно, потому что народ не поймет такой серьезной вещи, и что «Власть тьмы» вообще выше понимания масс, которым только доступны народные рассказы и поучения Льва Николаевича, я во многих домах рассказывал о чтении в Ясной поляне «Власти тьмы» крестьянам, и как они не поняли и не оценили ее. То же самое передал Чертков Феоктистову, и наша хитрость удалась. «Власть тьмы» была пропущена

для «Посредника», т. е. для народного чтения». [31]

В письме от 15 января Чертков, извещая Толстого о том, что пьеса разрешена цензурой, писал ему: «Я слышал от молодого Олсуфьева, что вы хотите еще кое-что изменить и прибавить в вашей драме. Пожалуйста, позвольте сделать эти изменения во втором издании, но не изменяйте теперь того, что я послал Сытину для печатания. В цензуре еще не знают, что драма эта выйдет в таком доступном народном виде, и они могут придрататься к малейшему изменению. Когда же она выйдет в свет в первом издании, то очень трудно будет остановить дальнейшие издания. Я распорядился, чтобы вариант поместили тотчас после IV действия. Читателям будет очень приятно и хорошо прочесть обе редакции конца этого действия, и на этом месте, как мне кажется, вариант не только не повредит общему впечатлению, но, наоборот, прибавит содержания, так как, собственно говоря, в варианте очень много повторения» (АТБ).

В ответ на эти строки письма Толстой писал Черткову 18 января: «Драму, я думаю, лучше печатать половину экземпляров с одной, а другую половину с другой редакцией 4-го действия. Напишите, как вы думаете. Для цензуры в этом, кажется, ничего нет противного. А остальное до 2-го издания переменять не буду». [32]

В письме к Толстому от 20 января Чертков не советовал печатать драму так, как предполагал это сделать Толстой, и настаивал, подробно аргументируя свои соображения, на том, чтобы вариант 4-го действия был напечатан во всех экземплярах драмы вслед за основным текстом этого действия (АТБ).

В ответ на это письмо Толстой писал Черткову 22 января: «Вчера получил ваше письмо с доводами, почему печатать так, как вы распорядились, и совершенно согласен». [33]

21 января цензурованный экземпляр «Власти тьмы» был получен в Москве, [34] и в начале февраля 1887 г. драма вышла в свет в издании «Посредника»: «Власть тьмы», или «Коготок увяз, всей птичке пропасть». Драма в пяти действиях Льва Толстого». Типография И. Д. Сытина и К°, Москва, 1887, 198 стр., цена 9 к., цензурное разрешение – Спб. 13 января 1887 г., в количестве 12 000 экземпляров. [35] Заглавие «Власть тьмы», нигде не встречающееся ни в рукописях, ни в сохранившейся корректуре, было дано драме Толстым, очевидно, в последней, не дошедшей до нас корректуре и, видимо, заимствовано из «Евангелия» от Луки, гл. XXII, ст. 53: «Но теперь – ваше время и власть тьмы». (Первоначальное заглавие – «Коготок увяз, всей птичке пропасть», ставшее потом подзаголовком, заимствовано из слов Никиты в конце V действия.) В этом издании допущен ряд опечаток. Почти одновременно с этим изданием «Власть тьмы» была напечатана в изданиях С. А. Толстой. 1) «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть двенадцатая. Произведения последних годов». Издание третье. Типография А. Мамонтова и К° Москва, 1886, в количестве 6000 экземпляров. [36] 2) «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Декабристы. Холостомер и Смерть Ивана Ильича». Издание шестое, та же типография, М., 1886, в количестве 6000 экземпляров. [37] 3) „«Сочинения графа Л. Н. Толстого. Власть тьмы, или «Коготок увяз, всей птичке пропасть»“,

та же типография, М. 1887, 174 стр., цензурное разрешение 13 февраля 1887 г., в количестве 3600 экземпляров.[38] В трех последних изданиях исправлены почти все опечатки, вкравшиеся в первое издание «Посредника». Вслед за первым изданием «Посредника» появились одно за другим еще четыре (без нумерации изданий). Второе издание отпечатано в той же типографии Сытина, 108 стр., цензурное разрешение 5 февраля 1887 г., в количестве 12 000 экземпляров.[39] Все опечатки первого издания в нем удержались. В третьем издании (та же типография, 180 стр., цензурное разрешение 5 февраля 1887 г.)[40] частично исправлены опечатки первых двух. Четвертое и пятое издания (оба в типографии Е. Евдокимова, Спб. 1877, 176 стр. и 96 стр., цензурное разрешение в обоих на титульном листе 5 февраля и на задней обложке 13 марта 1887, одно в количестве 20 000, другое – 40 000 экземпляров, цена 3 к.)[41] почти совершенно устранили опечатки первых двух изданий, очевидно, с помощью изданий С. А. Толстой. В оба эти издания «Посредника» в заключительные слова Никиты в пятом действии был внесен следующий вариант. Вместо «Всё я один сделал. Мой и умысел, мое и дело» – он говорит: «От меня всё. Мой грех, мое и дело». Происхождение этого варианта таково. В письме от 4 февраля 1887 г. Чертков обратил внимание Толстого на то, что слова Никиты «Мой умысел» не соответствуют действительному положению дела, так как преступления, изображенные в драме, замыслены были не Никитой. Никита виноват в некритическом, снисходительном отношении к своим поступкам, и в этом его внутренняя вина, повлекшая за собой цепь преступлений, не им задуманных, но его нравственным поведением обусловленных. Ему незачем лгать в момент своего покаяния, и вместо «мой умысел» ему лучше сказать «моя вина» (АТБ). В ответ на это письмо Толстой писал Черткову 6 февраля: «Я согласен с вами. Можно так: вместо слов «Всё я один сделал. Мой умысел, мое и дело» – поставить: «От меня всё. Мой грех, мое и дело». Скажу только, что «мой умысел, мое и дело» не значит то, что это значит на юридическом жаргоне, а значит в народном языке то, что он признает себя виновным не только в действии, которое могло быть случайным, но в мыслях в духовном смысле. Иначе я и не думал. Лгать ему тут некогда, а невольно вырываются слова, и слова хорошие, такие, которые никому не повредят» (ГТМ–АЧ). В ответном письме (от 9 февраля) Чертков, вполне удовлетворенный объяснением Толстого, всё же просил разрешения написать предложенный самим Толстым вариант «От меня всё. Мой грех, мое и дело», для того чтобы не вводить в заблуждение читателей, недостаточно знакомых с тонкостями народного языка.

Все издания «Посредника» вышли с пометой «Для взрослых». С той же пометой «Власть тьмы» была издана и учебным отделом магазина «Начальная школа» Е. Н. Тихомировой, М. 1887, типография М. Г. Волчанинова, 120 стр., ц. 8 к., цензурное разрешение 14 марта 1887 г., в количестве 6000 экземпляров.[42] Это точная перепечатка первого издания «Посредника» со всеми его опечатками.

Таким образом в течение первых месяцев 1887 г. «Власть тьмы» была напечатана в количестве свыше 100 000 экземпляров, причем наиболее многотиражное издание – (5-е «Посредника», в 40 000 экземпляров) было выпущено по 3 копейки.

Во всех перечисленных изданиях, как и в последующих, вслед за

текстом четвертого действия, печатался текст варианта его последних явлений.

Непосредственно вслед за выходом в свет «Власти тьмы» Толстой отказался от права литературной собственности на нее. 23 февраля 1887 г. он писал Черткову: «Я забыл ответить на вопрос о печатании драмы для литературного фонда. Прошу всех печатать где и как хотят, и прав собственности ни я ни мои наследники заявлять не будем[43]... Не объявите ли вы это в газете от «Посредника»? Это было бы хорошо. Редактировать вы сами сумеете как. А желательно бы». [44] В начале марта этого года такое объявление, составленное Чертковым, было напечатано в нескольких газетах.

Видимо, в связи со своим намерением сделать дальнейшие исправления в тексте драмы, Толстой в экземпляр ее в издании „Сочинения графа Л. Н. Толстого. Власть тьмы, или «Коготок увяз, всей птичке пропасть»“, М. 1887, цензурное разрешение 13 февраля 1887 г., внес ряд исправлений (о них см. в описании этого экземпляра, находящегося в яснополянской библиотеке). Исправления не проведены однако систематически. Судя по тому, что четыре последние явления четвертого действия в основной его редакции зачеркнуты и вместо них оставлен вариант конца действия, а также судя по значительному количеству добавленных ремарок, исправления имели в виду приспособление драмы к сценическому ее использованию.

Дальнейшие издания «Власти тьмы» представляют собой в большинстве случаев механическую перепечатку изданий 1887 г. Лишь в тексте двенадцатого издания сочинений Толстого (часть двенадцатая, М. 1911), устранено еще несколько опечаток, и без достаточного основания двойственное написание имени Никиты в речах действующих лиц – Микита и Никита – сведено к единообразному – Микита. В тексте драмы, напечатанной в сочинениях Толстого под редакцией П. И. Бирюкова, издание И. Д. Сытина, т. XIV, М. 1913, впервые введен эпиграф из «Евангелия» от Матфея, исключенный из корректуры издания «Посредника» по требованию цензуры; кроме того, в приложении к тому дан вариант 2-й сцены 3-го явления варианта 4-го действия (полнее печатается в настоящем издании. См. вариант № 13). Указание редактора (в примечаниях к тому) на то, что все печатаемые в этом томе драматические произведения тщательно проверены по оригинальным спискам, не может быть отнесено к тексту «Власти тьмы»: он является перепечаткой текста двенадцатого издания С. А. Толстой.

Существенная редакторская работа была проделана над текстом «Власти тьмы» в издании полного собрания художественных произведений Толстого под редакцией К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, т. XI, М.–Л. 1929. Здесь текст драмы выверен по рукописям, к ней относящимся. Ряд ошибок, допущенных переписчиками и не замеченных Толстым ни в копиях, ни в корректурах, в этом издании был исправлен. Но это исправление, с одной стороны, не было исчерпывающим, с другой – методологически не всегда обоснованным. В распоряжении редакции были лишь рукописи драмы из архива В. Г. Черткова, хранившиеся ранее в рукописном отделении Академии наук и затем поступившие в Государственный Толстовский музей в Москве. Этот материал редакцией и, использован с некоторыми, впрочем, пропусками; в известном

количестве введены в текст неоправданные исправления, особенно в результате того, что редакцией игнорировалось отсутствие промежуточных текстовых звеньев между наборной рукописью и корректурой с одной стороны и корректурой и печатным текстом с другой. (Утрачены, по крайней мере, две корректуры с поправками Толстого.) Выправляя печатный текст по авторизованным текстам наборной рукописи и гранкам сохранившейся корректуры, редакторы не учли того, что Толстым могли быть сделаны изменения в двух, по крайней мере, недошедших корректурах драмы (по счету – первой и третьей). Неоправданными автографическими текстами является написание «Микита» всюду в речах действующих лиц, как в 12-м издании С. А. Толстой и в издании Бирюкова. В одном случае редакторы восстановили чтение, аннулированное самим Толстым. Так, в речи Акима в 5-м явлении 3-го действия в корректуре было напечатано: «Тоже сортиры» значит, тае, посмотрел я в городу. Как дошли то есть. Выглажено, выглажено, значит, нарядно. Как церква исделано». Так написано Толстым в рукописи № 17, л. 7 об. и отсюда перешло в наборную рукопись, затем в корректуру. Но в корректуре Толстым слово «церква» зачеркнуто и вместо него написано «трактир». Исправленное Толстым чтение и должно быть принято в основном тексте (Оно вошло во все издания С. А. Толстой; в первых трех изданиях «Посредника» вместо «нарядно, как трактир изделано» – «нарядно, как лавка и всё» – явная опечатка; в четвертом – «нарядно как. Как в трактире сделано», и в пятом – «нарядно, как трактир и исделано»).

III.

Работая над «Властью тьмы», Толстой мечтал о постановке драмы на сцене народного театра. Но судьба пьесы на театре, вначале обернувшаяся благоприятно, сразу же испытала крутой поворот, когда в дело вмешался всесильный Победоносцев. [45] 24 января 1887 г. А. А. Стахович известил С. А. Толстую, что пьеса разрешена к постановке на сцене Александринского театра (АТБ). 27 января на квартире министра двора Воронцова-Дашкова состоялось чтение драмы А. А. Стаховичем в присутствии царя, царицы, великих князей и княжен и кружка приближенных к царю лиц. При чтении Стахович выпускал слова, которые своим реализмом могли шокировать слушателей. Александр III остался очень доволен пьесой и после пятого акта воскликнул: «Чудная вещь». Когда заговорили о том, как распределить в пьесе роли, он высказал мысль, что для успеха представления следует соединить петербургскую труппу с московской, и сам вызвался быть на генеральной репетиции, чтобы решить, достаточно ли хорошо исполнение актеров, чтобы пьеса могла пойти на императорской сцене. Обо всем этом, как и о ряде других подробностей, сопровождавших чтение драмы у Воронцова-Дашкова, А. А. Стахович писал в письме к С. А. Толстой 3 февраля. Письмо это заканчивалось следующими словами: «Сейчас получил телеграмму от кн. Вяземского: «Решено репетировать. Сам будет на генеральной». Ура! по высочайшему повелению ставят на сцену «Власть тьмы». Сам государь будет на генеральной репетиции (значит, как его

интересует пьеса). Она первая не попала даже для проформы в литературный театральный комитет и по воле царя украсит императорскую сцену». [46]

Узнав о разрешении «Власти тьмы» к постановке на сцене Александринского театра, Феокистов обратился к Победоносцеву со следующим письмом: «При последнем свидании вы изволили говорить, что не успели ознакомиться с пресловутой драмой графа Л. Толстого. Посылаю ее при сем. Она представляет особый интерес в виду того обстоятельства, что старания некоторых господ увенчались полным успехом. Вчера г. Всеволожский объявил нашему цензору г. Фридбергу, что государь император приказал поставить пьесу графа Толстого на сцене императорских театров. Глубоко скорблю об этом, ибо никак не могу изменить своё мнение о ней». [47]

Ознакомившись с пьесой Толстого, Победоносцев 18 февраля написал Александру III длинное возмущенное и взволнованное письмо. В нем он писал, между прочим, следующее: «Я только-что прочел новую драму Л. Толстого и не могу придти в себя от ужаса. А меня уверяют, будто бы готовятся давать ее на императорских театрах и уже разучивают роли. Не знаю, известна ли эта книжка вашему величеству. Я не знаю ничего подобного ни в какой литературе. Едва ли сам Золя дошел до такой степени грубого реализма, на какую здесь становится Толстой. Искусство писателя замечательное, но какое унижение искусства! Какое отсутствие, — больше того, — отрицание идеала, какое унижение нравственного чувства, какое оскорбление вкуса!.. Боже мой, до чего мы дожили в области искусства! День, в который драма Толстого будет представлена на императорских театрах, будет днем решительного падения нашей сцены, которая и без того уже упала очень низко... И то уже нехорошо, что в эту минуту драма Толстого, напечатанная в виде народного издания в громадном количестве экземпляров, продается теперь по 10 копеек разносчиками на всех перекрестках; скоро она обойдет всю Россию и будет в руках у каждого, от мала до велика». [48]

Александр III, явно смущенный энергичным протестом Победоносцева, вопреки тому, как сам он недавно отзывался о пьесе Толстого, написал Победоносцеву на следующий же день, 19 февраля: «Благодарю вас, любезный Константин Петрович, за Ваше письмо о драме Л. Толстого, которое я прочел с большим интересом. Драму я читал, и она на меня сделала сильное впечатление, но и отвращение. Всё, что вы пишете, совершенно справедливо, и могу вас успокоить, что давать ее на императорских театрах не собирались, а были толки о пробном представлении без публики, чтобы решить, возможно ли ее давать, или совершенно запретить. Мое мнение и убеждение, что эту драму на сцене давать невозможно, она слишком реальна и ужасна по сюжету. Грустно очень, что столь талантливый Толстой ничего лучшего не мог выбрать для своей драмы, как этот отвратительный сюжет, но написана вся пьеса мастерски и интересно». [49] Получив этот ответ, Победоносцев в письме к Феокистову от 19 февраля сообщил ему, что пьеса Толстого для театра разрешена не будет, и тут же, как и в письме к Александру III, выразил недоумение по поводу того, что «Власть тьмы» была разрешена к печати. [50] В ответном письме от того же числа Феокистов писал Победоносцеву: «Чрезвычайно рад тому, что известие,

сообщенное Всеволожским нашему цензору, не вполне подтверждается. А между тем в газетах уже напечатано распределение ролей между актёрами. Очевидно, это делается не без особенного участия театральной дирекции». Далее Феоктистов добавляет: «Мы запретили пьесу для театра, но мне кажется, что запретить ее печатать не было достаточных оснований». [51]

Тем временем в Александринском театре всё же шла усиленная подготовка к спектаклю. Конец четвертого действия решено было играть по варианту. Как сообщал А. А. Потехин в своих письмах к С. А. и Л. Н. Толстым (АТБ), было сделано семнадцать репетиций пьесы, в Тульскую губернию были посланы декораторы для точного воспроизведения тамошних крестьянских построек, оттуда же были вывезены предметы домашней утвари и одежды. (Видимо под проникшим тогда на русскую сцену влиянием мейнингенцев театр стремился к максимальной этнографической точности постановки.) [52] Но уже 12 марта Потехин писал С. А. Толстой о том, что ходят слухи о запрещении «Власти тьмы», а 22 марта он известил ее о запрещении постановки пьесы, как о совершившемся факте.

Цензурная борьба вокруг «Власти тьмы» начинала уже угнетать Толстого, и в письме к Н. Н. Страхову от 3 марта 1887 г. он пишет: «Про себя скажу, что я последнее время решительно мучим последствиями моей несчастной драмы. Если бы знал, что столько это у меня отнимет времени, ни за что бы не печатал». [53]

В то же время в реакционной печати появление «Власти тьмы» вызвало ожесточенные нападки, в отдельных случаях, быть может, инспирированные Победоносцевым или близкими к нему людьми. Крайне отрицательный отзыв о пьесе дан был, между прочим, в заметке Палимпсестова, напечатанной в № 10 «Московских церковных ведомостей» за 1887 г. Этот номер был послан Александру III, который, направляя его министру внутренних дел, при этом писал ему: «Я поговорю с вами об этом при первом докладе. Надо было бы положить конец этому безобразию Л. Толстого. Он чисто нигилист и безбожник. Не дурно было бы запретить теперь продажу его драмы «Власть тьмы», довольно он успел продать этой мерзости и распространить ее в народе». [54] Очевидно, последствием подобного отношения царя к «Власти тьмы» было следующее распоряжение министра внутренних дел, напечатанное в официальных органах: «Г. Министр внутренних дел воспретил розничную продажу на улицах, площадях и других публичных местах, а равно через офеней, брошюры под заглавием «Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть» – драма графа Л. Н. Толстого». [55]

В дальнейшем, для того чтобы добиться постановки «Власти тьмы» на сцене, в драматическую цензуру представлялись тексты пьесы с некоторыми изменениями, сделанными в целях цензурного ее обезврежения. Так, в 1889 г. в главное управление по делам печати был представлен текст, приносивший для цензуры А. Морозовым. На экземпляре его рукописи Толстой собственноручно написал: «В этом виде пьеса эта разрешается мною для представления. Лев Толстой. 25 сентября 1889 года». Но 5 октября того же года цензор Альбединский в своём докладе дал следующий отзыв об этой переделке: «Изменений в пьесе весьма немного: кое-где сглажена речь, опущены некоторые

ругательства. Главное изменение то, что Акулина, дочь богатого мужика Петра от первого брака, которую соблазняет работник Никита, женившись на вдове Петра Анисье, в новой редакции названа «приемышем», а не дочерью. Это изменение, видимо, сделано дабы избежать грех кровосмешения. Далее, в пятом действии, Никита кается всенародно в грехах своих и поясняет, что он убил рожденного Акулиной от него ребенка, но убийство на сцене не происходит. И в настоящем виде пьеса графа Толстого производит то же тяжелое, безотрадное впечатление, как и в первоначальном. Изменения ее не изменили... Если оказалось нежелательным и неудобным распространение пьесы графа Льва Толстого путем печати, то еще более неудобно дозволить постановку ее на сцене. Никакие частичные ее переделки не смогут изменить ее общий характер». На подлиннике этого доклада сделана надпись: «Запретить». [56]

В конце 1880-х годов актёр В. Н. Давыдов впервые выступил с публичным чтением некоторых сцен из «Власти тьмы» на студенческом концерте. [57] Он же режиссировал спектаклем при единственной ее постановке в 1890 г. на домашней сцене у Приселковых силами любителей из высшего петербургского общества в присутствии избранной публики и великих князей. [58] К 1895 году относится новая попытка добиться разрешения постановки «Власти тьмы» на сцене, предпринятая товарищем председателя литературно-художественного кружка П. П. Гнедичем, ходатайствовавшим о постановке пьесы в театре кружка. [59] С этой целью он обратился к Феоктистову, прося его отчеркнуть в пьесе все те места, которые он считал нецензурными. Когда Феоктистов это сделал, процензурованный текст был набран и отпечатан в типографии Суворина и вновь представлен Феоктистову. Цензор, ознакомившись с этим текстом, охарактеризовал его так: В переделке литературно-художественного кружка сокращено 4-е действие, выпущено всё, что касается подробностей детоубийства. Исключены разглагольствования Акима о беспроцентности капитала; кроме того, исключены грубые выражения, а также разговоры о необходимости окрестить ребенка и вообще всё, что в первом издании оскорбляло религиозное чувство».

Феоктистов вначале разрешил было постановку драмы по цензурованному тексту, но затем запретил ее вновь. Однако 15 сентября 1895 г. последовало, помимо Феоктистова и без его ведома, разрешение Николая II на постановку пьесы на императорской сцене. [60] Вскоре была разрешена постановка ее и на частной сцене. 16 октября того же года «Власть тьмы» была поставлена в Петербурге в театре Литературно-художественного кружка, 18 октября в Александринском театре в бенефис Н. С. Васильевой, 25 октября в московском общедоступном театре М. В. Лентовского «Скоморох», [61] 29 ноября – в московском Малом театре.

Ещё 11 декабря 1894 г., в связи с намерением Н. С. Васильевой поставить «Власть тьмы» в свой бенефис, Толстой подписал следующее разрешение: «Я, с своей стороны, не встречаю препятствий к тому, чтобы артистка С.-Петербургских театров Надежда Сергеевна Васильева поставила в свой бенефис мою драму «Власть тьмы», в случае разрешения ее цензурой, и уполномочиваю ее делать в названной драме вычерки согласно требованиям цензуры и условиям сценической обстановки» (публикуется по копии).

В виду имевших место постановок «Власти тьмы» на сцене народных театров Министерством внутренних дел был разослан конфиденциальный циркуляр, в котором говорилось, что „по имеющимся сведениям, в последнее время были попытки устраивать народные спектакли даже в деревнях с постановкою на сцене, без соблюдения установленных правил, прежде запрещённой, а ныне дозволенной для императорских и частных театров с исключениями драмы графа Л. Н. Толстого «Власть тьмы»“. Циркуляр требовал от полиции неукоснительного исполнения «законных правил». [62]

В связи с разрешением пьесы к представлению на сцене 21 октября 1895 г. была снова разрешена ее перепечатка, но в 1898 г., после нового цензурного рассмотрения, петербургский цензурный комитет циркуляром от 10 сентября 1898 г. признал ее «непригодной для народного чтения» и запретил предпринятое издательством О. Поповой новое ее издание. [63]

Еще задолго до постановки «Власти тьмы» в России она шла в переводах в заграничных театрах 10 февраля 1888 г. она была поставлена в Париже в «Théâtre libre» в переводе И. Я. Павловского и Оскара Магенье под названием «La Puissance des Ténèbres». Пьеса, кроме того, шла ещё и в других парижских театрах, затем в Женеве, Амстердаме, Милане, Риме, Турине, Венеции, Генуе, Берлине. [64]

IV.

В настоящем издании «Власть тьмы» печатается по тексту издания «Сочинения графа Л. Н. Толстого». Часть двенадцатая. Произведения последних годов, изд. третье. Москва, 1886, как наиболее исправному из первопечатных. Вводим эпиграф из «Евангелия» от Матфея, исключенный из текста по требованию цензуры и имеющийся в корректуре, описанной под № 21, гранка 1. Вариант в последней реплике Никиты, в пятом действии – «От меня всё. Мой грех, мое и дело», вместо «Всё я один сделал. Мой и умысел, мое и дело», введенный в четвертое и пятое издания «Посредника», отвергаем. Этот вариант хотя и был санкционирован Толстым по инициативе В. Г. Черткова (см. выше), но, как видно из переписки Толстого о Чертковым по этому поводу, Толстой не отдавал ему преимущества перед вариантом первоначальным, а Чертков после разъяснения Толстым слова «умысел» не только не настаивал на изменении первоначальной версии, но признал свою ошибку в понимании смутившей его фразы. Поправки, сделанные Толстым в экземпляре драмы издания 1887 г., не считаем возможным внести в окончательный текст по следующим основаниям. Ниоткуда не видно, чтобы эти поправки свидетельствовали о серьезном намерении Толстого внести изменения в текст пьесы. В ряде случаев они не выдержаны и не доведены до конца, – там, например, где Толстой делает исправления в речах действующих лиц. Кроме того, если бы этими поправками Толстой дорожил, он распорядился бы внести их в

последующие издания драмы, чего однако не сделал.

Так как в печатный текст «Власти тьмы», как и в другие печатные тексты Толстого, сравнительно с подлинным толстовским текстом, вкралось значительное количество ошибок и отступлений, явившихся результатом небрежной и неточной работы переписчиков и, вероятно, наборщиков и незамеченных Толстым во время исправления копий и корректур, то в окончательный текст пьесы вводим ряд исправлений, руководствуясь автографическими текстами Толстого в их последней редакции. Однако исправления не могут быть исчерпывающими в виду отсутствия первой и последней корректуры: различие, существующее, например, в написании отдельных слов между наборной рукописью и сохранившейся корректурой и затем между этой корректурой и печатным текстом могут быть объяснены столько же недосмотром наборщика, сколько и волей автора. В этом случае обычно принимаем чтение печатного текста. Исключение делается лишь для тех редких случаев, когда есть основание почти с несомненностью предполагать явный недосмотр или непонимание со стороны наборщика или корректора главным образом некоторых диалектизмов, введённых Толстым в текст пьесы. Так, когда в корректуре мы читаем «прохладную жизнь» вместо написанного Толстым в рукописи № 17, л. 2, «прокладную жизнь» и так же переписанного в наборной рукописи, то объясняем это не тем, что в недошедшей до нас первой корректуре сам Толстой исправил «прокладную» на «прохладную», а тем, что наборщик или корректор по рассеянности или по неведению заменил редко встречающийся диалектизм гораздо более распространенным эпитетом, а Толстой этой замены, читая корректуру, не заметил. По тем же приблизительно соображениям исправляем стоящее в печатном тексте «напился», «медведя», «Петруньку» на «налился», «ведмедя», «Петрунькю», как написано Толстым в корректуре, и т. п.

В приводимом ниже перечне исправлений не отмечаем второстепенных буквенных исправлений типа «ж» вместо «же», «тобою» вместо «тобой» и т. п., а также исправлений пунктуации. Подлинная пунктуация Толстого, обычно невыдержанная и беспорядочная, проводится лишь в тех случаях, если она не слишком расходится с общепринятой и не мешает усвоению текста.

Вводим следующие исправления:

Стр. 124 и 128, строки 8 и 28, здесь, как и всюду в репликах действующих лиц, жисть вместо: жизнь, в соответствии с тем, как написано Толстым во всех рукописях.

Стр. 131, строка 31, зачиврел вместо: зачиврил – по рукописи № 20, л. 9.

Стр. 132, строка 15, куфарках вместо кухарках – по рукописи № 15, л. 7 об.

Стр. 136, строка 19, доживат вместо: доживет – по рукописи № 20, л. 14.

Стр. 137, строка 25, не снимешь вместо: не скинешь – по рукописи №

20, л. 15.

Стр. 139, строка 17, накошлял вместо: накашлял – по рукописи № 2, л. 9 об.

Стр. 139, строка 17, думал вместо: думаем – по рукописи № 2, л. 9.

Стр. 140 строки 18–19, ответ произвестъ вместо: ответ произнести – по рукописи № 20, л. 18.

Стр. 141, строка 26, после слов: А время придет добавляем: и женим – по рукописи № 20, л. 19 об. Слова: и женим написаны Толстым в наборной рукописи так и на таком месте, что наборщик легко мог их не заметить и не набрать. В корректуре Толстой после слова: придет, чтобы осмыслить ненабранную целиком фразу, поставил многоточие.

Стр. 150, строка 7, вчерась, вместо: вчера – по рукописи № 16, л. 1.

Стр. 152, строка 18, век–то свой, вместо: век свой – по рукописи № 16, л. 2 об.

Стр. 152, строки 22–23. А он робеет, не хочет в это дело вступать, вместо: А он робеет в это дело вступать – по рукописи № 16, л. 2 об.

Стр. 154, строка 8, перед словами: Да уж одно бы что вставляем: Уж как скучно–то – по рукописи № 16, л. 3 об.

Стр. 154, строка 10, помирает вместо: умирает – по рукописи № 16, л. 3 об.

Стр. 156, строка 31. Да я и то не отрекусь вместо: Да и то, я не отрекусь – по корректуре № 21, гранка 20.

Стр. 157, строка 11, такие деньжищи да дуром пропадут, вместо: да такие деньжищи дуром пропадут – по рукописи № 16, л. 5 об. и по корректуре № 21, гранка 20.

Стр. 159, строка 25, слово: сейчас, стоящее последним в речи Матрены, переносим первым в ближайшую реплику Анисьи – по рукописи № 20, л. 36.

Стр. 161, строка 21, нету вместо: нетути – по рукописи № 16, л. 8.

Стр. 164, строка 17. Как жалко его вместо: Как жалко – по рукописи № 16, л. 10 об.

Стр. 164, строка 29. За сестрой ведь послал вместо: За сестрой послал – по рукописи № 16, л. 11.

Стр. 165, строка 22, да попой вместо: и попой – по рукописи № 16, л. 11.

Стр. 167, строка 7. Да какое дело–то? вместо: Да какое дело? – по рукописи № 16, л. 12.

- Стр. 167, строка 25. О деле вместо: А о деле – по рукописи № 16, л. 12 об.
- Стр. 167, строки 26–27. Я до него тоже притолчна вместо: До него тоже я притолчна – по рукописи № 16, л. 12 об.
- Стр. 168, строка 7, деньги вместо: денежки – по рукописи № 16, л. 13 об.
- Стр. 168, строки 26–27, если что и возьмет вместо: Если и возьмет – по рукописи № 16, л. 14.
- Стр. 170, строка 22, идет с одной, Акулина с другой стороны вместо: идет с одной стороны, Акулина с другой – по рукописи № 16, л. 15.
- Стр. 171, строки 15–19. А то и в самоваре, я чай, есть. Не вылили вместо: А то самовар, я чай, еще не вылит – по рукописи № 16, л. 15 об.
- Стр. 173, строка 3 здесь, как и всюду ниже в репликах Митрича милослевый вместо: милостивый, в соответствии с тем, как написано Толстым в рукописях.
- Стр. 177, строка 11, донюшка вместо: Анютка – по рукописи № 20, л. 46.
- Стр. 177, строка 18, дела вместо: все дела – по рукописи № 9, л. 1 об.
- Стр. 175, строка 6. Ох, натрацал как! вместо: О–о–х, натрацал – по рукописи № 20, л. 48.
- Стр. 176, строки 13–14, и допрежде вместо: допрежде – по рукописи № 17, л. 2.
- Стр. 176, строка 32. Да уж я и сама вместо: Да и я сама – по рукописи № 17, л. 3.
- Стр. 177, строки 2–3, испортить человека вместо: человека испортить – по рукописи № 17, л. 3.
- Стр. 178, строка 9, после слов: Из двора, что ль? добавляем: Проходи, раздевайся – по рукописи № 17, л. 4.
- Стр. 178, строка 23. Митрич, иди ужинать, а Митрич? вместо: Митрич, а Митрич, иди ужинать – по рукописи № 17, л. 4 об. После этих слов добавляем: Митрич (рычит, просыпается). Чего? Анисья. Ужинать – по рукописи № 17, л. 4 об.
- Стр. 179, строка 21. Микишка–то что делает? вместо: Микишка что делает? – по рукописи № 17, л. 5.
- Стр. 179, строка 24, управлялся сам вместо: управлялся – по рукописи

№ 17, л. 5.

Стр. 183, строка 12, родная вместо: родимая – по рукописи № 9, л. 2 об.

Стр. 183, строка 21, сказывать вместо: сказать – по рукописи № 9, л. 3.

Стр. 184, строка 5, перемывает ложки вместо: перемывает посуду – по рукописи № 17, л. 8.

Стр. 184, строка 14, после слова: истовая добавляем: и всё тае – по рукописи № 17, л. 8.

Стр. 184, строка 18, сказывали вместо: сказывают – по рукописи № 17, л. 8.

Стр. 184, строка 26. Уж не чаю вместо: Уж не чаю я – по рукописи № 17, л. 8.

Стр. 185, строки 3–4, после слов: Те же и Никита добавляем: Входит Никита пьяный с мешком и узлом под мышкой и с покупками в бумаге, отворяет дверь и останавливается. – по рукописи № 17, л. 8.

Стр. 185, строки 6–7. Продолжает мыть ложки и не поворачивает головы, когда отворяется дверь. вместо: Продолжает мыть ложки, не поворачивая головы. – по рукописи № 17, л. 8.

Стр. 185, строка 10, и отворачивается. Молчит. вместо: и отворачиваясь молчит. – по рукописи № 17, л. 8.

Стр. 185, строка 17, после слова: подходит добавляем: к нему – по рукописи № 17, л. 8.

Стр. 187, строка 6, с покупками вместо: с покупкой – по рукописи № 9, л. 3 об. и № 10, л. 5.

Стр. 190, строка 7, лазоревому вместо: лазуревому – по рукописи № 10, л. 6.

Стр. 190, строка 16. Чего мне глядеть! вместо: Что мне глядеть! – по рукописи № 9, л. 4 об.

Стр. 194, строка 27, это бабе пряжа вместо: это бабе пряжу – по рукописи № 9, л. 5 об.

Стр. 195, строка 13, не видит бумажку вместо: не видит бумажки – по рукописи № 11, л. 8.

Стр. 199, строка 26, говорит вместо: говорят – по рукописи № 10, л. 9.

Стр. 203, строка 29, мотри вместо: смотри – по корректуре № 21, гранка 47.

Стр. 204, строка 19, сказывала вместо: сказываю – по рукописи №19, л. 4.

Стр. 205, строка 31, с этого раза – вместо: с этого разу – по рукописи № 10, л. 10 об.

Стр. 206, строка 13. Да вы что ж делать-то будете? вместо: Что ж делать-то будете? – по рукописи № 18, л. 5 об.

Стр. 208, строка 8, костричишься вместо: костришься – по рукописи № 12, л. 4 об.

Стр. 212, строка 27, больно ты налегла вместо: очень ты налегла – по рукописи № 18, л. 12.

Стр. 214, строка 12. Хоть вместо: Ты хоть – по вставке в рукопись № 25, л. 1.

Стр. 214, 215, строки 19, 4, робеночек и робеночка вместо: ребеночек и ребеночка – по рукописи № 25, л. 3.

Стр. 214, строка 28. А то куды ж вместо: А то куда ж? – по рукописи № 23, л. 1.

Стр. 215, строка 8. Тооненько вместо: Тоненько – по вставке в рукопись № 25, л. 1 об.

Стр. 215, строка 22, после слов: Ей-Богу, копают добавляем: в погребу копают – по вставке в рукопись № 25, л. 1 об.

Стр. 215, строка 24, после слов: Чего не вздумает исключаем слово: копают – по вставке в рукопись № 25, л. 1.

Стр. 215, строка 25, потушу вместо: погашу – по вставке в рукопись № 25, л. 1 об.

Стр. 215, строка 27, после слов: Ей-Богу, не буду добавляем: однадыхнуть, не буду – по вставке в рукопись № 25, л. 1 об.

Стр. 218, строка 16. Куды ж вместо: Куда ж – по вставке в рукопись № 25, л. 1 об.

Стр. 218, строка 21. А ту девчонку вместо: А девчонку – по рукописи № 26, л. 7.

Стр. 220, строка 8, а уж бабы вместо: а уж баб – по рукописи № 23, л. 2.

Стр. 220, строка 30, в обоих случаях деревенска вместо: деревенская – по рукописи № 26, л. 9.

Стр. 226, строка 1, налилса вместо: напился – по корректуре № 21, гранка 55.

Стр. 227, строка 10. Федорочу вместо: Федорычу – по рукописи № 19, л. 1 об.

Стр. 227, строка 25, прокладную вместо: прохладную – по рукописи № 19, л. 2.

Стр. 228, строка 25, не воротится вместо: не воротишь – по корректуре № 21, гранка 56.

Стр. 231, строка 17. Петрунькю вместо: Петруньку – по корректуре № 21, гранка 57.

Стр. 233, строка 29, рад бы не поминал вместо: рад бы не поминать – по рукописи № 19, л. 5 об.

Стр. 234, строка 7, прикладать вместо: прикладывать – по рукописи № 19, л. 5 об.

Стр. 234, строки 9–10, ведмедя вместо: медведя – по корректуре № 21, л. 59. (Толстой написал сначала: медведя, затем зачеркнул это слово и вместо него написал: ведмедя.)

Стр. 234, строка 13, запутляли вместо: запутали – по корректуре № 21, гранка 59. (Так именно несколько раз выше выражается Никита.)

Стр. 235, строка 5. Полежала бы я вместо: Полежала бы и я – по рукописи № 19, л. 6.

Стр. 235, строка 7, почестно вместо: почетно – по рукописи № 20, л. 93.

Стр. 236, строка 17, не пуская вместо: не пускает – по вставке в корректуру № 21, л. 1.

Стр. 237, строка 9. Чего бояться дерьма то? вместо: Чего их бояться то? – по вставке в корректуру № 21, л. 1 об.

Стр. 237, строка 9. Вон он я! вместо: вот он я! – по вставке в корректуру № 21, л. 1 об.

Стр. 239, строка 14, на колени вместо: на колена – по рукописи № 13, л. 5.

Стр. 242, строка 27, блудной скверной вместо: блудней скверной – по рукописи № 13, л. 6.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ И КОРРЕКТУР.

Рукописи и корректуры, относящиеся к «Власти тьмы», хранятся в Архиве Толстого во Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (папка 28) и в Государственном Толстовском музее (Архив В. Г. Черткова, папка 12).

1. Автограф АТБ на 1 листе в 4°, исписанном с обеих сторон. План всех пяти действий драмы и характеристика действующих лиц. Печатается целиком.

2. Автограф АТБ первого действия драмы в переплетенной в коленкор тетради. Написан на первых 11 нумерованных листах тетради (с обеих сторон) и на вставке (полулист писчей бумаги, согнутый пополам и исписанный с обеих сторон), вложенной между 5 и 6 листом тетради. Заглавия нет. Начало: «Дѣйствующія лица». Конец: «Андреянь (одинъ). Охъ, скучно! Охъ скучно. Занавѣсь». В тексте действия жена Петра называется Надеждой, затем Анисьей, в списке действующих лиц имя Надежда исправлено на Анисья. Во вставке она зовется Аксиньей и один раз Анисьей. Имя работника сначала Никита, затем Андреян, в списке действующих лиц – Никита, во вставке – Влас, затем исправленное на Андреян. Жена Акима в тексте всюду называется Катериной, в списке действующих лиц – Матреной. В списке действующих лиц вторая дочь Петра называется Аниской. Она в первом действии однако не выступает, и будущая ее роль здесь входит в состав роли Акулины. Первая и почти вся вторая страница вставки зачеркнуты. На них написана первая редакция начала первого действия. Оставшееся незачеркнутым приспособлено затем к тексту, написанному в тетради. Текст автографа по содержанию и последовательности явлений близок к тексту I действия в окончательной редакции, отличаясь от него преимущественно стилистическими вариантами и сравнительно большей краткостью. Дальше всего в этом отношении от окончательной редакции отстоит текст, соответствующий 10 явлению (разговор Аксиньи – Анисьи и Катерины – Матрены). Печатаем его в вариантах (№ 1). После того как написан был текст 1 действия, Толстой написал следующий список действующих лиц.

Петръ – мужикъ 42 лѣтъ, женатъ вторымъ бракомъ, богатый, строгій, правдивый, домохозяинъ.

Анисья – его жена 34 лѣтъ, добродушная, чувственная, вспыльчивая.

Акулина – дочь Петра отъ перваго брака 16 лѣтъ, дурковатая.

Аниска – 2-я дочь 8 лѣтъ, ласковая, шустрая.

Никита – работникъ ихъ 25 лѣтъ, щеголь, бабникъ.

Акимъ – отецъ Никиты 50 лѣтъ, мужикъ богобоязненный, кроткій.

Матрена – его жена 50 лѣтъ, болтунья, вѣдьма, любящая пакость.

Марина – дѣвка-сирота, простая, кроткая и страстная.

3. Рукопись АТБ на 6 нумерованных листах в 4° (один чистый), исписанная с обеих сторон рукой С. А. Толстой, с исправлениями рукой

Толстого. Начало: «Поди, чтоль ты». Конец: «Занавѣсь». Не вполне точная копия предыдущей. Отсюда 8 листов, в том числе 1-й, переложены в следующую рукопись, № 4. Все страницы рукописи перечеркнуты поперёк красным карандашом для обозначения того, что они переписаны. Авторские исправления сделаны в направлении к окончательной редакции I действия; введена, между прочим, роль Анютки. Рукой переписчицы имена действующих лиц исправлены в соответствии с текстом их перечня, сделанным Толстым.

4. Рукопись АТБ и ГТМ на 18 нумерованных листах в 4° (один чистый), исписанная большей частью с обеих сторон рукой С. А. Толстой, с исправлениями рукой Толстого. Образовалась из листов, переложённых сюда из рукописи № 3, и из копий листов, оставшихся в этой рукописи. В списке действующих лиц «Аниска» исправлено на «Анютка» и «Никита» на «Тимофей». На 1 листе рукой С. А. Толстой помечено: «Октябрь 1886 года. Ясная поляна».

5. Автограф АТБ на 6 нумерованных листах в 4°, исписанных, кроме последнего, с обеих сторон. Начало: «Дѣйствіе II». Конец: «Да узнать про деньги гдѣ». На обороте 3-го листа автограф, относящийся к «Запискам сумасшедшего». Незаконченный текст второго действия (большая его часть). Он значительно кратче текста окончательной редакции и существенно отличается от него. Умиравший Пётр не посылает за своей сестрой. Матрена сообщает совет писаря, как Никите жениться на Анисье, не Никите, как в окончательной редакции, а Анисье (см. вариант № 2). О поисках денег у умирающего Петра здесь ещё ничего не сказано. Текст автографа заканчивается словами Матрены, в которых она выражает опасение, как бы не были допущены к Петру старики, и заботится о том, чтобы узнать, где деньги.

6. Рукопись АТБ на 8 нумерованных листах в 4° (один чистый), исписанная с обеих сторон рукой С. А. Толстой и (в конце) Толстого. Исправленная Толстым копия предыдущей рукописи, к копии автором приписан конец. Начало: «Дѣйствіе II». Конец: «потружусь и я». В тексте этой рукописи Петр, чувствуя приближение смерти, велит, послать за своей сестрой.

7. Рукопись АТБ на 7 нумерованных листах в 4°, написанная с обеих сторон рукой С. А. Толстой и исправленная рукой Толстого. Копия предыдущей. 3 листа отсюда переложены в рукопись № 8. Начало: «Дѣйствіе II». Конец: «Самоваръ то вскипѣлъ, что ли». Первоначально сюда была введена довольно значительная по объёму сцена разговора Матрены с сестрой Петра Марфой. Она предшествует эпизоду, в котором Анисья похищает у умирающего Петра деньги, и, видимо, введена для того, чтобы задержать Марфу до тех пор, пока Анисья кончит свое дело. Но затем эта сцена зачеркнута, и вместо нее написан новый текст, приближающийся к соответствующему тексту окончательной редакции. Печатаем выпущенную сцену вместе со следующей зачеркнутой, в которой появляется Анисья после похищения денег и смерти Петра, в вариантах (№ 3). Текст рукописи перечеркнут по страницам красным карандашом для обозначения того, что он переписан.

8. Рукопись АТБ на 11 нумерованных листах в 4°, исписанная, большей частью с обеих сторон, рукой С. А. Толстой и исправленная

рукой Толстого. За исключением трех листов, переложенных сюда из рукописи № 7, – копия этой последней.

9. Автограф АТБ на 6 нумерованных посторонней рукой (1–6) листах в 4°, исписанных с обеих сторон. Начало: «Дѣйствіе III». Конец: «Какъ скучно то. (Плачеть). Занавѣсь». В основном текст его близок к тексту третьего действия в окончательной редакции, но значительно кратче его. Извлекаем отсюда варианты №№ 4 и 5, относящиеся соответственно к явлениям 9 и 12.

10. Рукопись АТБ на 14 нумерованных листах в 4°, исписанных, кроме первого – чистого, с обеих сторон. Листы 2–9 и часть 10 исписаны рукой С. А. Толстой и исправлены рукой Толстого. На них – исправленная копия предыдущей рукописи. На листах 10–14 – автограф четвертого действия. Текст его кратче текста того же действия в окончательной редакции. В нем Митрич еще не фигурирует в качестве действующего лица, и явления 5, 6, 8 и 9 (по тексту окончательной редакции) или вовсе не написаны или лишь намечены. Извлекаем из автографа вариант № 7, соответствующий 11 явлению в окончательной редакции.

11. Рукопись АТБ на 9 нумерованных (2–10) листах в 4°, исписанная с обеих сторон рукой В. В. Шидловской и С. Л. Толстого (полстраницы) и исправленная рукой Толстого. Начало: «Анисья. Да Митричь работникъ». Конец: «Охъ, скучно мнѣ. (Плачеть)». Первый лист из этой рукописи переложен в рукопись, описанную под № 17. Копия первых девяти листов рукописи № 10, заключающих в себе текст третьего действия, за исключением конца в несколько строк, написанного на листе 9. Этот конец не переписан, и вместо него Толстым написан в данной рукописи новый текст. Здесь впервые в пьесу введена роль Митрича.

12. Рукопись АТБ на 7 нумерованных через лист листах (1–4) в 4°, исписанная с обеих сторон рукой С. А. Толстой и исправленная рукой Толстого. Начало: «грѣшника. (Никита вздрагвааетъ)». Конец: (Садится на приступки). Занавѣсь». Копия последних пяти листов рукописи № 10, заключающих в себе конец текста третьего действия и текст (автограф) четвертого действия.

13. Автограф АТБ на 6 нумерованных листах в 4°, исписанных с обеих сторон (один чистый). Начало: «Дѣйствіе V». Конец: «Онъ тебя пожалѣеть. Занавѣсь». По сравнению с текстом окончательной редакции пятого действия, текст автографа кратче. В нем также отсутствует еще сцена покушения Никиты на самоубийство и встреча его с Митричем (явление 10 в окончательной редакции). Извлекаем отсюда варианты №№ 8–10. Первый вариант соответствует первым трем явлениям первой сцены пятого действия в окончательной редакции (большая часть его, до монолога Марины, зачеркнута); второй – 6 явлению; третий – 9-му.

14. Рукопись АТБ на 8 нумерованных листах (1–7) в 4°, исписанных, кроме последнего чистого, с обеих сторон рукой С. А. Толстой, с исправлениями рукой Толстого. Копия предыдущей рукописи.

15. Рукопись ГТМ на 19 нумерованных через лист (1–10) листах в 4°,

исписанная с обеих сторон рукой Т. Л. Толстой и А. А. Стаховича и исправленная рукой Толстого. Текст I действия. Копия рукописи, описанной под № 4. Здесь имя Никита исправлено, но не всюду, на Тимофей. Рукопись заключена в обложку, на которой рукой Т. Л. Толстой написано: «I-е Действие, 3-й раз поправленное».

16. Рукопись ГТМ на 16 нумерованных через лист (1–8) листах в 4° (один чистый), исписанная с обеих сторон рукой М. Л. Толстой и исправленная рукой Толстого. Текст II действия. Копия рукописи, описанной под № 8. Заключена в обложку, на которой рукой Т. Л. Толстой написано: «Действие II, переписанное в 3-й раз».

17. Рукопись ГТМ на 18 нумерованных частью по листам, частью через лист (1–11) листах в 4° (один чистый), исписанная большей частью с обеих сторон рукой В. В. Шидловской, Т. Л. Толстой, А. П. Иванова, неизвестного, С. Л. Толстого и М. Л. Толстой и исправленная рукой Толстого. Текст III действия. Копия рукописи, описанной под № 11, откуда в данную рукопись переложено один (1-й) лист. Заключена в обложку, на которой рукой Т. Л. Толстой написано: «Действие: III. Черновое»).

18. Рукопись ГТМ на 13 нумерованных (1–13) листах в 4°, исписанная большей частью с обеих сторон рукой А. П. Иванова и исправленная рукой Толстого. Текст IV действия. Копия рукописи, описанной под № 12. Заключена в обложку, на которой рукой Т. Л. Толстой написано: «Действие IV, 3-й раз списанное». В этой рукописи введена роль Митрича, ранее в IV действии отсутствовавшая.

19. Рукопись ГТМ на 10 нумерованных (1–10) листах в 4°, исписанная с обеих сторон рукой яснополянского школьного учителя и исправленная рукой Толстого. Текст V действия. Копия рукописи, описанной под № 14. Извлекаем из нее вариант № 11.

20. Рукопись ГТМ на 99 листах в 4° (2 чистые), исписанная с обеих сторон рукой Т. Л. Толстой, В. В. Шидловской, В. С. Толстой, М. Л. Толстой, С. А. Толстой и исправленная рукой Толстого. Несколько страниц, заключающих в себе многочисленные авторские исправления и добавления, переписаны и вновь исправлены, и переписанное зачеркнуто. Здесь заключается текст всех пяти действий драмы, судя по типографским пометам и свинцовым пятнам, бывший в наборе. Каждое действие имеет особую нумерацию по листам. Текст некоторых действий заключен в обложки, на которых рукой Т. Л. Толстой отмечено: «4-й раз переписанное». Ее же рукой впереди текста I действия на отдельной странице написано заглавие – „«Коготок увяз, всей птичке пропасть»». Драма в V действиях“. Перед текстом каждого действия – список действующих в данном акте лиц. Данная рукопись – последовательная копия рукописей, описанных под №№ 15–19. Здесь впервые рукой переписчиков каждое действие поделено на явления. Авторские исправления – преимущественно стилистического характера.

21. Корректурa ГТМ пяти действий драмы, набранная для издания «Посредник» (первого) на 64 нумерованных (1–64) гранках с исправлениями рукой Толстого. Заглавия пьесы нет. В самом начале ее рукой С. А. Толстой в качестве эпиграфа выписаны 28 и 29 стихи V

главы «Евангелия» от Матфея. К 61 гранке (V действие, конец I сцены) относится вставка–автограф на полулисте писчей бумаги, на которой написан разговор Никиты с Митричем в связи с попыткой Никиты покончить самоубийством, о чем идет речь впервые в этой именно корректуре. Вся вставка, вместе с предшествующим ей, написанным в начале гранки автографом, в котором говорится о покушении Никиты на самоубийство, переписана рукой С. А. Толстой, исправлена Толстым, и переписанное приклеено к гранке. Так как на 8, 9, 59 и 60 гранках сделаны многочисленные исправления, то текст этих гранок частично переписан С. А. Толстой, большей частью вновь исправлен Толстым, и переписанное приклеено к соответствующим гранкам. Текст корректуры не покрывается текстом наборной рукописи. Поэтому данная корректура – по крайней мере вторая (первая не сохранилась). Текст ее не покрывается и печатным текстом (следовательно, была, по крайней мере, еще одна корректура, очевидно сверстанная). Из гранок 60 и 61 извлекаем вариант № 12 (сцена разговора Никиты с Митричем в V действии).

22. Автограф ГТМ на клочке бумаги, на котором написано: «Въ III актѣ входитъ Анютка. Ак[имъ]. А! умница. Все хлопчешь? Хлопчешь все. Перезябла, я чай». Ан[ютка]. И то озябла страсть. Здорово, дѣдушка». Этот текст в несколько измененном виде вошел в окончательную печатную редакцию «Власти тьмы».

23. Автограф ГТМ на 2 листах in F°, исписанных с обеих сторон. Заключает в себе вариант последних явлений IV действия. Начало: «2–я сцена». Конец: Анютка лѣзеть. Занавѣсь. Впереди текста в правом углу рукой С. А. Толстой помечено: «Декабрь 1886 г. Вариант IV действия». Ко 2 листу относится вставка на клочке бумаги, на котором, кроме текста, относящегося к пьесе, первоначально была сделана рукой Толстого внизу листа, на той же стороне, следующая запись (не вполне сохранившаяся, так как левый край бумаги оторван): «[с]видѣтельствую, что на [выражен]ное сыномъ моимъ Ильею Толстымъ желаніе по]ступить на службу вольно[опредѣ]ляющимся я изъявилъ свое [соглас]іе. 1887[65] года Ноября 25». На оборотной стороне вставки зачеркнутый вариант (автограф) части беседы Митрича с Акимом о банке и о процентах (5 явление III действия). Вслед за тем незачеркнутые записи отдельных слов и выражений: «Шкуреха. До хреста пропился. Шапку пропиль, гуляе, агромадный, полное право». Рукопись написана фиолетовыми чернилами, и затем черными чернилами в ней сделаны многочисленные поправки. Извлекаем отсюда вариант № 13 (1–е явление) и зачеркнутый вариант № 14 из 3–го явления.

24. Рукопись ГТМ на 7 сшитых нумерованных листах в 4°, исписанная с одной стороны рукой С. А. Толстой и исправленная рукой Толстого. Копия предыдущей. Начало: «Сцена 2–я». Конец: «Богородица Казанская. Занавѣсь». Исправления – преимущественно стилистического характера.

25. Рукопись ГТМ – сшитая тетрадь в малую 4°, исписанная с обеих сторон рукой С. А. Толстой и исправленная рукой Толстого. Первый и последний лист – обложка, на которой рукой С. А. Толстой написано: «Вариант 4–го Действия. Сцена II». Первые 3 страницы текста перенумерованы рукой Толстого. Копия предыдущей рукописи. Здесь

много исправлений. Часть текста, после того как она была исправлена, зачеркнута. Вместо зачеркнутого и отчасти в дополнение к прежнему тексту Толстым написано на отдельной вставке (исписанный с обеих сторон полулист писчей бумаги, хранящийся в АТБ) новый текст, условными обозначениями отнесенный к соответствующим местам текста данной рукописи.

26. Рукопись АТБ на 14 нумерованных (1–14) листах в 4° (последний чистый), исписанная с обеих сторон рукой Т. Л. Толстой и исправленная рукой Толстого. Копия предыдущей рукописи. Рукой переписчицы помечено: «Вариант IV действия», и рядом с этим рукой Толстого написано: «Послѣ явленія XII въ IV дѣйствии и до конца дѣйствія». Текст впервые поделен переписчицей на явления. Судя по типографским пометам и свинцовым пятнам, эта рукопись была в наборе.

27. Корректурa ГТМ на 6 нумерованных (1–6) гранках. Набор предыдущей рукописи. Исправлений рукой Толстого нет, но несколько исправлений и небольших дополнений сделано рукой М. А. Шмидт, очевидно по другому экземпляру корректуры, исправленному Толстым. Ее же рукой в начале 1 гранки карандашом написано: «4–е действие, вместо XIV, XV и XVI». Исправленный текст этой корректуры целиком покрывается печатным текстом пьесы в издании «Посредника».

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

В состав настоящего тома входят художественные произведения, над которыми Толстой работал в период времени с 1884 по 1889 год. Одно из них, именно «Холстомер», законченное в 1885 году, было, впрочем, начато еще в 1863 году. Пять печатающихся здесь произведений Толстого представляют собой неотделанные и незаконченные им наброски, из которых четыре (драматическая обработка легенды об Аггее, «Жил в селе человек – звать его Николай»; «Миташа» и статья «Благо только для всех») были опубликованы после смерти Толстого, отрывок же «В некотором царстве, в некотором государстве жил был царь» публикуется впервые в настоящем издании. Помимо неопубликованных доселе вариантов отдельных эпизодов входящих в данный том произведений, здесь печатается целиком самая ранняя черновая редакция «Смерти Ивана Ильича». Сообщаются впервые также исправления, сделанные Толстым в печатном экземпляре «Власти тьмы».

Из статей, вошедших в данный том, впервые появляются в печати: «Благо только для всех», «О Гоголе», «К молодым людям» и ряд вариантов трактата «О жизни». Ряд значительных вариантов дается к статье «Николай Палкин».

Работу по составлению алфавитного указателя произвел В. С. Мишин.

П. В. Булычев

Л. П. Гроссман

Н. К. Гудзий

А. И. Никифоров

Б. М. Эйхенбаум

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ДВАДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Л. Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех тех случаях, где они употребляются Толстым, и начертаний до-Гротовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга (брычка, цаловать).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые, а также и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «кый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ] и т. п. лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или: [2 неразобр.] и т. д., где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: «Абзац редактора».

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при

названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Иллюстрации

Фототипия портрета Толстого раб. И. Е. Репина – между XII и 1-й страницами.

Примечания

1

Очевидно, описка. Следует: Марину.

2

Зачеркнуто поперечной чертой: (Молчаніе.) А что, дѣдушка, правда, что у каждого человѣка андель на плечѣ сидить? У насъ старичокъ ночеваль – сказываль.

Митричь. А кто знаетъ? Надо быть такъ.

Анютка (вздыхаетъ). А что жъ онъ невидимъ?

Митричь. Ну спи теперь. (Зѣваетъ.) И я пойду. (Идет на печь.)

3

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого во Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва);

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва);

Б, I; Б, II; Б, III; Б, IV – П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой. Биография», Государственное издательство: I – М. 1923; II – М. 1923; III – М. 1922; IV – М. 1923;

БИР. 1913 – «Полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого» тт. I – XX. Под ред. и с примеч. П. И. Бирюкова, изд. Сытина. М. 1913;

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина (Москва);

ГЛМ – Государственный литературный музей (Москва);

ГТМ – Государственный толстовский музей (Москва);

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград);

ЛПБ – Государственная публичная библиотека РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград);

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене 1862–1910» Изд. 2 М. 1915;

ПС – «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым» изд. Общества толстовского музея. СПб 1914;

ПТ – «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой». изд. Общества толстовского музея. СПб 1911;

ПТС 1; ПТС 2 «Письма Л. Н. Толстого, собранные и редактированные П. А. Сергеенко» изд. «Книга» 1 – М. 1910, 2 – М. 1911;

ПТСО – «Новый сборник писем Л. Н. Толстого, собранных П. А. Сергеенко, под ред. А. Е. Грузинского, изд. «ОКТО». М. 1912;

ТЕ, 1911, 1912, 1913 – «Толстовский ежегодник» 1911 г., 1912 г., 1913 г.;

ТТ 1; ТТ 2; ТТ 3; ТТ 4 – «Толстой и о Толстом. Новые материалы». Сборники: 1 – М. 1924, 2 – М. 1926, 3 – М. 1927, 4 – М. 1928.

Дело Колоскова и обстоятельства ознакомления с ним Толстого несколько раз пересказаны Н. В. Давыдовым, впервые в статье «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом», напечатанной в «Сборнике воспоминаний о Л. Н. Толстом», книгоиздательство «Златоцвет», М. 1911, стр. 18–20. Здесь дело Колоскова ошибочно приурочивается к 1886 г. В другой статье – «Откуда Лев Николаевич почерпнул сюжет драмы «Власть тьмы»

– «Толстовский ежегодник» 1912 г., М. 1912, стр. 48–50, «Власть тьмы» ошибочно приурочивается ко времени через год после разбирательства дела Колоскова, которое сам Давыдов правильно датирует здесь уже 1880–м годом. В третьей статье – «Лев Николаевич Толстой», напечатанной в книге Давыдова «Из прошлого», М. 1913, стр. 286–287, никаких дат нет, но также ошибочно сказано, что «Власть тьмы» была написана Толстым вскоре после его свидания в тюрьме с Ефремом Колосковым. В приложении к статье напечатаны копии обвинительного акта и приговора по делу Колосковых. В четвертый раз Н. В. Давыдов бегло о деле Колоскова по связи его с «Властью тьмы» говорит в статье «Письма Л. Н. Толстого к Н. В. Давыдову», напечатанной в сборнике «Толстой. Памятники творчества и жизни», 2, М. 1920, стр. 43. В первой и четвертой статье Давыдов говорит о том, что дело Колосковых было прочитано Толстым, во второй и третьей статьях сказано лишь, что Давыдов подробно ознакомил Толстого с обстоятельствами дела, причем во второй статье добавлено, что тогда же Толстой записал содержание дела.

Подлинное дело Тульского окружного суда о Колосковых (на 19 листах, начато 28 апреля 1880 г., окончено 2 апреля 1881 г.) хранится ныне в Центрархиве РСФСР за № 582.

5

Н. Ракшанин, «Беседа с графом Л. Н. Толстым (Впечатления)». – «Новости и биржевая газета» 1896 г., № 9 от 9 января. Беседа эта была вызвана появившейся в «Петербургской газете», 1896 г. № 2, от 3 января, заметкой «Идея Власти тьмы». В этой заметке сотрудник газеты в ироническом тоне сообщил сделанное ему основательницей бывшего Пушкинского театра в Москве А. А. Бренко сенсационное заявление, будто источником пьесы Толстого послужила ее собственная пьеса «Дотаевцы», которую она лет двенадцать назад читала Толстому, очень сочувственно ее принявшему. В беседе с Ракшаниным Толстой, не отрицая факта прослушанья им пьесы «Дотаевцы» из уст Бренко, опроверг ее домыслы ссылкой на подлинное дело, легшее в основу «Власти тьмы».

6

А. Стахович, «Клочки воспоминаний («Власть тьмы», драма Л. Н. Толстого)», ТЕ, 1912, стр. 27.

7

Д. Маковицкий, «Яснополянские записки. 1904–1910 годы». Редактировал Н. Н. Гусев. Выпуск второй. М. 1923, стр. 43.

8

«Дневник Софьи Андреевны Толстой 1860–1891», изд. Сабашниковых. М. 1928, стр. 131–134. В отрывке из своих воспоминаний «Моя жизнь», напечатанном в ТЕ, 1912, стр. 17, написание 1–го действия драмы С. А. Толстой датируется 20–м октября.

9

«Дневники С. А. Толстой», стр. 135.

10

Там же, стр. 135.

11

«Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге», Переписка, изд. «Academia», М.–Л. 1930, стр. 83.

12

ТЕ, 1912, стр. 27–28. См. об этом и письмо Толстого к жене от начала ноября 1887 г. «Письма графа Л. Н. Толстого к жене 1862–1910 г.», изд. 2, М. 1915, стр. 302.

13

Том 85 настоящего издания, стр. 410–411.

14

Там же, стр. 416.

15

Там же, стр. 422.

16

Цитируем заключение прокурора суда об освобождении Елены от обвинения, утвержденное судебной палатой, по подлинному делу Колосковых, л 7.

17

Там же, л. 7.

18

«Из прошлого», стр. 287.

19

«Толстой и о Толстом». Новые материалы. Сборник второй. Редакция В.

Г. Черткова и Н. Н. Гусева, М. 1926, стр. 88. В Дневнике 1881 г. Толстой отмечает целый ряд своих встреч с проходившими через Ясную поляну отставными солдатами. Возможно, что именно в это время он встретился с солдатом, который послужил прототипом Митрича. Уже после написания драмы Толстой 13 января 1887 года писал жене из имения Олсуфьевых Никольского, где он гостил: «Нынче много ходил гулять – в караулке, в лесу, нашел солдата – Митрича живого» (ПЖ, стр. 305).

20

И. Тенеромо (И. Б. Фейнерман), свидетель весьма недостоверный, в своих воспоминаниях о Толстом также дает несколько указаний относительно прототипов «Власти тьмы». В заметке „Как создавалась «Власть тьмы»“, напечатанной в его книге «Живые речи Л. Н. Толстого», Одесса, 1908, стр. 151–156, Тенеромо передает рассказ крестьянина, которого направил к нему Толстой. Крестьянин заикающейся и заплетающейся речью якобы рассказал о том, что его сын Никифор, служивший на станции Козловка, сойдясь с кухаркой Мариной, которая после этого забеременела, отказывается на ней жениться. Девушка покушалась на самоубийство, но Никифор всё-таки упорствует. В тот же вечер, по словам Тенеромо, Толстой вместе с ним поехал в Козловку, чтобы усюветить парня. Дорогой Лев Николаевич с похвалой отзывался о крестьянине и об его манере говорить и вспомнил другую свою встречу с таким же богобоязненным и мягким стариком – крестьянином, работавшим золотарем в Туле и говорившим тоже заплетающейся речью, с добавками «тае, тае». Через месяц отец Никифора якобы вновь был у Толстого с известием, что свадьба сына с Мариной налаживается. Он привел с собой и свою жену старуху, которая восхитила Толстого своим языком, переполненным колоритными ругательствами и похожим на язык яснополянской крестьянки Надежды Зубастой, жены крестьянина Константина. Она была против женитьбы своего сына на Марине. Около того же времени (дело было весной или в начале лета 1886 г.) Давыдов, по словам якобы самого Толстого, рассказал ему о деле Колосковых. Всеми этими впечатлениями подсказаны были образы

Акима, Никиты, Матрены и Марины в драме, написанной через несколько месяцев после этого. Во второй редакции заметки, напечатанной под тем же заглавием в книге «Живые слова Л. Н. Толстого», М. 1912, стр. 239–241, факты переданы не совсем так как в первой редакции. Соблазнитель Марины называется не Никифор, а Иван, о старике-золотаре, говорящем с прибавкой «тае», ничего не говорится, и «тае» усваивается отцу соблазнителя. Ничего не говорится и о приходе к Толстому матери Никифора – Ивана, и из изложения явствует, что не она послужила прототипом Матрены, а Надежда Зубастая. Толстой, оказывается, ездил в Козловку для увещевания соблазнителя Марины не один раз, а два – второй раз с Н. Н. Ге. Иначе во второй редакции заметки звучат и речи крестьян.

Уже эта противоречивость в изложении одних и тех же фактов не позволяет полагаться на сообщения Тенеромо, так же как и на его передачу мыслей Толстого о существовании драматического произведения и о процессе работы над «Властью тьмы», приведенную Тенеромо еще в третьем варианте – заметке «О театре», напечатанной первоначально в его же книжке «Живые речи Л. Н. Толстого», Спб. 1909, стр. 39–41. Но и помимо этого, мы располагаем характеристикой упоминаемой Тенеромо Надежды Зябровой (по прозвищу Зубастой), данной самим Толстым в «Записках христианина» и в дневнике 1881 г. (см. т. 49 настоящего издания), совершенно несходной с той, какую дает Тенеромо, и не дающей никаких оснований видеть в этой крестьянке прототип Матрены.

В заметке «Старого литератора» (псевдоним П. А. Сергеев) „Лев Толстой и «Власть тьмы»“, напечатанной в № 2 журнала «Рампа» за 1908 г., стр. 22–23, передаются сведения о прототипах «Власти тьмы», очевидно, основанные на заметке Тенеромо.

21

«Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка», изд. «Academia», стр. 94.

22

Том 85 настоящего издания, стр. 421.

23

Кн. Д. Оболенский. «О «Власти тьмы» гр. Л. Н. Толстого». – «Русское слово», № 212 от 13 сентября 1908 г. В фельетоне Г. Н. «Московские впечатления заезжего петербуржца», напечатанном в № 18 «С.–Петербургских ведомостей» от 18 января 1887 г., сообщалось о том, что драма Толстого, первоначально представленная в московскую цензуру без имени автора, была запрещена для печати в виду её «скабрёзности и отсутствия всякой литературности». Это сообщение было перепечатано со ссылкой на «С.–Петербургские ведомости» в № 4 «Недели» за тот же год.

24

«Ежегодник императорских театров» сезон 1895–1896 г. Спб., 1897, стр. 139.

25

«Воспоминания С. А. Толстой». ТЕ, 1912, стр. 18.

26

ПЖ, стр. 303.

27

А. А. Стахович в письме к Толстому от 4 января 1887 г. писал о своём чтении драмы у гр. Е. И. Шуваловой (АТБ).

28

А. С. Суворин в № 3898 газеты «Новое время» от 5 января 1887 г. поместил статью «По поводу драмы Л. Н. Толстого», в которой он, на основании знакомства с драмой по рукописи, дает ей очень высокую оценку.

29

ТЕ, 1913, стр. 42–43.

30

В связи с чтением драмы у А. А. Толстой Лев Николаевич писал ей в январе 1887 г.: «Узнал, что вы – несчастная – слушаете моё ужасное сочинение. Право, это не слова: я истинно считаю это сочинение вовсе не заслуживающим тех разговоров, которые о ней идут в вашем обществе. Надеюсь, что она (пьеса) будет полезна для тех. для «большого света», для которого я писал ее, но вам она совсем не нужна». ПТ, стр. 346.

31

ТЕ, 1912, стр. 43.

32

Там же, стр. 43.

33

Там же, стр. 44.

34

Об этом извещал Черткова Толстой в письме от 21 января 1887 г. (ГТМ–АЧ).

35

«См. «Правительственный вестник» 1887 г., № 46 от 1 марта. «Список изданий, вышедших в России с 1 по 8 февраля 1887 г.».

36

Там же, № 51 от 8 марта. «Список изданий, вышедших в России с 9 по 15 февраля 1887 г.».

37

Там же, № 56 от 16 марта. «Список изданий, вышедших в России с 16 по 21 февраля 1887 г.».

38

Там же, № 64 от 24 марта. «Список изданий, вышедших в России с 1 по 8 марта 1887 г.».

39

Там же, № 57 от 15 марта. «Список изданий, вышедших в России с 24 по 28 февраля 1887 г.».

40

Это издание в «Правительственном вестнике» не зарегистрировано.

41

«Правительственный вестник» 1887 г., №№ 82 от 19 апреля и 88 от 26 апреля. «Список изданий, вышедших в России с 16 по 23 марта и с 24 по 31 марта 1887 г.».

42

«Правительственный вестник» 1887 г., № 104 от 20 мая. «Список изданий, вышедших в России с 16 по 23 апреля 1886 г.».

43

Подчеркнуто Толстым.

44

ТЕ, 1913, стр. 49.

45

Цензурная история «Власти тьмы» изложена в статье Ф. Раскольникова «Цензурные мытарства Л. Н. Толстого–драматурга (По неопубликованным архивным материалам)». – «Красная новь» 1928, № 11, стр. 135–139.

46

Письмо А. А. Стаховича хранится в АТБ и частично напечатано с ошибочной датой 11 ноября 1886 г. в приложении к статье «Клочки воспоминаний», ТЕ, 1912, стр. 39–44.

47

«К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки». Том I. *Novum regnum*. Гос. издат. М. – Пгр. 1923, стр. 687.

48

«Письма Победоносцева к Александру III»: – «Новая Москва» 1926, стр. 130–134. Курсивом напечатано – подчеркнутое Победоносцевым.

49

«К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, стр. 643.

50

Е. М. Феоктистов, «За кулисами политики и литературы», изд. «Прибой». Л. 1929, стр. 283.

51

«К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, стр. 687.

52

Сам Толстой в ответ на запрос актера Александринского театра П. М. Свободина от 5 марта 1887 г. сделал подробные указания, как нужно играть роль Акима.

(Письмо Толстого напечатано в заметке А. С. Полякова «К истории постановки «Власти тьмы». – «Бирюч петроградских государственных театров». Июнь – август, Пгр. 1919, стр. 149.) О репетициях «Власти тьмы» в Александринском театре в 1887 г. см. заметки в «Новом времени», 1887, № 3938, 3947, 3949, 3975, в «Еженедельном обозрении», 1887, № 168, и в «Театральном мире», 1887, № 8.

53

«ТТ, 2, стр. 51.

54

«Красный архив» 1922, I, стр. 417.

55

«Московские церковные ведомости» 1887, № 18 от 3 мая.

56

Ф. Раскольников. Указ. статья, стр. 138.

57

См. В. Давыдов, «Из воспоминаний актера». – «Международный толстовский альманах», составленный П. Сергеенко. Издательство «Книга». М. 1909, стр. 42–47.

58

См. «Первая постановка «Власти тьмы» на любительской сцене в 1890 г. (Из воспоминаний А. В. Приселкова)». – «Ежегодник императорских театров», 1909, в. I, стр. 29 и след.

Около того же времени, в августе 1895 г., А. С. Суворин, бывший председателем литературно-артистического кружка, обратился непосредственно к Толстому с просьбой приспособить (видимо, цензурно) «Власть тьмы» к постановке на сцене. См. запись в дневнике С. И. Танеева от 3 августа 1895 г. «С. И. Танеев. Личность, творчество, документы его жизни». Гос. издат. М. 1925, стр. 61. Письмо Суворина в архиве Толстого не сохранилось. Ответ Толстого на это обращение нам неизвестен.

См. П. Гнедич, «Из старой записной книжки. «Власть тьмы» и цензура». – «Бирюч петроградских императорских театров», 1918, 4, стр. 62–64. Его же, «Книга жизни. Воспоминания 1855–1918», изд. «Прибой». Л. 1929, стр. 228–229. Ф. Раскольников. Указ. статья, стр. 138–139.

См. Е. М., «Власть тьмы» на сцене народного театра». – «Бирюч петроградских театров», 1918, 3, стр. 32–34. А. Поляков. Указ. заметка, стр. 150. Литературу о других постановках «Власти тьмы» в Петербурге, Москве и в провинции см. в книгах Ю. Битовта «Граф Л. Н. Толстой в литературе и искусстве». М. 1903, стр. 293–299, и С. Балухатого и О. Писемской «Справочник по Толстому», Гос. издат. М. – Л. 1928, стр. 110–112. В связи с постановкой пьесы в московском Малом театре к Толстому в Ясную поляну 4 ноября 1895 г. ездили за указаниями художник-декоратор К. Ф. Вальц и режиссер театра С. А. Черневский, а затем вскоре помощник Вальца. Об этом Толстой записывает в дневнике: «Были режиссер и декоратор» (запись 5 ноября) и «Был помощник Вальца» (запись 7 ноября). Как сообщает К. Ф. Вальц, Толстой «входил до мелочей во всё, касающееся постановки, обсуждая каждую ничтожную подробность». «Лев Николаевич, например, потребовал, – продолжает К. Ф. Вальц, – чтобы постановка была сделана не только вообще верно, но и этнографически верно, чтобы декорации дали не только деревню, но именно деревню Тульской губернии». Под руководством дочерей Толстого приехавшими были закуплены образцы одежды и предметов домашнего обихода крестьян

Тульской губернии. См. «Литературное обозрение» 1895 г., №47, стр. 1316–1318. В связи с этой же постановкой Толстой, видимо, на репетиции «Власти тьмы» в московском Малом театре (см. запись в дневнике от 7 декабря, после трехнедельного перерыва: „За это время был в театре на репетициях «Власти тьмы»“) беседовали с артистами, дав обстоятельное истолкование главных ролей пьесы и указав, как, по его мнению, их нужно играть. См. «Курьер торговли и промышленности» 1895 г., № 343, от 14 декабря.

62

Ф. Раскольников. Указ. статья, стр. 139.

63

См. Н. Н. Апостолов, «Лев Толстой и русское самодержавие». Гос. издат. М.–Л. 1930, стр. 88–90.

64

А. Поляков. Указ. заметка, стр. 150.

65

Явная описка: следует 1886.